

**Уральский государственный университет
им. А.М. Горького**

О.Н. КОРОЧКОВА

**Взаимодействие культур
в эпоху поздней бронзы**

(андроноидные древности Тоболо-Иртышья)

**Екатеринбург
2010**

ББК Т4(2Р36)

О.Н. КОРОЧКОВА

**Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы
(андроноидные древности Тоболо-Иртышья).**

Екатеринбург: УралЮрИздат, 2010. – 104 с.

ISBN 978-5-9682-0866-8

В монографии актуализированы проблемы изучения культур андроноидной общности Урала и Западной Сибири, их роль в процессах распространения достижений индоевропейского мира на север, в среду таежного населения. В центре внимания – характеристика пахомовской культуры, особый акцент сделан на анализе информационных связей носителей различных культур и их вкладе в процессы культурогенеза финальной стадии бронзового века в Тоболо-Иртышье.

Книга адресована специалистам-археологам, этнографам, историкам, краеведам.

Научный редактор
В.И. Стефанов

Рецензенты:
доктор исторических наук Л.Н. Корякова
кандидат исторических наук В.А. Борзунов

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 06-01-00037а «Бронзовый век Урала и Западной Сибири: преемственность, новации, взаимодействия», гранта РНП 2.2.3.1780.

ИД «Урал Юр Издат»
620000, г. Екатеринбург, а/я 54,
тел./факс (343) 368-49-81, 368-53-08, 368-34-41

ISBN 978-5-9682-0866-8

Подписано в печать 15.12.2009. Формат 70х100/16.
Бумага газетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,1. Уч.-изд. л. 10,8
Тираж 300 экз. Заказ № 884
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в типографии ООО «Ветрастар»

© О.Н. Корочкова, 2010
© Оформление УралЮрИздат, 2010

Введение

В стратиграфии культур эпохи поздней бронзы лесостепного пояса Урала и Западной Сибири исследователи уверенно выделяют особый пласт, связанный с формированием андроновидной общности.

Представление об андроновидной культурной общности во многом сложилось благодаря работам К.В. Сальникова, В.Н. Чернецова, В.И. Мошинской и М.Ф. Косарева в связи с открытием и изучением памятников сузгунской (южнотаежное Прииртышье) и черкаскульской (горно-лесное Зауралье) культур, керамика которых явственно указывала на существенный андроновский вклад в их формирование. Позднее к этому ряду была добавлена еловская культура Томско-Нарымского Приобья (Косарев, 1974; 1981. С. 132-162; 1983). Перечисленные образования занимали различные ландшафтные зоны и отчасти несовпадающие хронологические диапазоны, что требовало соответствующего объяснения. Такая ситуация сохранялась в западносибирской археологии вплоть до середины 1980-х гг., пока не были выделены новые андроновидные культуры, которые логично заполнили существовавшие пустоты и очертили мощный массив близких в культурном отношении ассоциаций андроновидного облика в подтаежной и южнотаежной зонах между Уралом и Алтаем. Речь идет о пахомовской культуре подтаежного Тоболо-Иртышья (Корочкова, 1987. С. 9-20; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, С.81-85; Корочкова, 2009а), памятниках ордынского типа в лесостепном Приобье (Матвеев, 1993. С. 96-102) и корчажкинского в Алтайском Приобье (Кирюшин, 1986; Кирюшин, Шамшин, 1987).

Выделение новых культур естественным образом повлияло на содержание «андроновидной дискуссии», появились новые вопросы, сюжеты, мнения. Из ранее обозначенных сохраняла свою актуальность проблема соотношения различных культур в рамках общности. Причем соотношения в самом широком смысле – хронологии, связей, генезиса. Возможно именно поэтому в одной из последних монографий черкаскульские памятники Среднего и Южного Зауралья атрибутированы М.Ф. Косаревым как относящиеся к андроновской (черкаскульско-федоровской) линии преемственности (1993. С. 94-96), а в андроновидный культурный массив включены культуры сузгунская, еловская, пахомовская и корчажкинская (Там же. С. 99-103).

Авторская позиция основана на представлении об андроновидной общности как массиве культур, близость которых была определена одинаковым механизмом сложения в результате взаимодействия местного (культуры кротовско-елунинского массива) и пришлого андроновского населения и последующего расширения ареала культур с производящим типом хозяйства в северном направлении. Отсюда постепенное раздвигание территориальных и хронологических рамок андроновидной общности.

Степень изученности андроновидных культур вряд ли можно считать удовлетворительной. Насущным является обобщающее исследование, но появлению такой работы должна предшествовать содержательная характеристика отдельных культур, а они представлены в публикациях сибирских исследователей очень и очень неравно, что отчасти создает иллюзию приоритета того или иного культурного образования в рамках андроновидного массива. Сказываются также время появления той или иной культуры

в сфере внимания археологов и круг вовлеченных в дискуссию специалистов. Образования, локализованные в лесостепном поясе, традиционно находятся в зоне предпочтительного внимания и обсуждения, в сравнении с таежными. Обширная литература посвящена черкаскульским древностям (Сальников, 1964; Хлобыстин, 1975; Косарев, 1981. С. 132-141; Обыденнов, Шорин, 1994; 1995; Шорин, 1988; 1999; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993). Достаточно подробная характеристика сузгунской и еловской культур содержится в работах, в том числе в обобщающих, многих исследователей (Мошинская, 1957; Чернецов, 1953; Косарев, 1981. С. 141-162; Матющенко, 1974; 2004; Полеводов, 2003). Корчажнинская (Киришин, Шамшин, 1987) и пахомовская культуры известны значительно меньше (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991; Евдокимов, Корочкова, 1987, Корочкова, 2009 а, б).

В центре внимания данного исследования – древности пахомовской археологической культуры. Обособление памятников, названных в конце 1980-начале 1990-х гг. пахомовскими, в массиве тоболо-ишимско-иртышских древностей было вполне прогнозируемо. К этому времени были выделены черкаскульская в Зауралье (Сальников, 1964), сузгунская в южнотаежном Прииртышье (Мошинская, 1957), еловская в лесостепном Приобье (Косарев, 1964). «Отсутствие» лесостепной культуры андроновского облика в Тоболо-Иртышье противоречило логике культурогенеза в регионе. Эта лакуна стала заполняться только в 1960-е годы, когда в Приишимье и Прииртышье были раскопаны поселения Пахомовская Пристань I, могильники Абатский (Генинг, Мошкова, 1972), Лихачевский, позднее поселение Инберень IV (Корякова, Стефанов, 1981) и могильник Чернозерье II (Генинг, Стефанов, 1991). Однако немногочисленность подобных комплексов, а также ярко выраженный андроновский колорит керамических материалов, создавали у исследователей впечатление, что это андроновские комплексы поздней стадии развития (Генинг, Гусенцова и др., 1970; Генинг, Мошкова, 1972; Корякова, Стефанов, 1981). Заметным импульсом для уточнения культурно-хронологической периодизации лесостепного Тоболо-Иртышья стало исследование памятников эпохи бронзы на юге Тюменской области. Здесь, в Заводоуковском и Упоровском районах, свердловскими археологами были раскопаны многослойные поселения (Ново-Шадрино VII, Ук III) стратифицированные материалы которых дали основание выдвинуть и в дальнейшем обосновать гипотезу о возможности выделения промежуточного пласта между памятниками андроновской общности и бархатовскими межовско-ирменского горизонта (Корочкова, 1987; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991, Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991). На ряде поселений была надежно зафиксирована синхронность притобольских андронидных и черкаскульских артефактов, обнаруженных в одном археологическом контексте. Очевидное своеобразие притобольских андронидных керамических на фоне давно известных и, в общем, легко распознаваемых черкаскульских и сузгунских материалов, явилось существенным аргументом в пользу выделения новой археологической культуры андронидной общности – пахомовской (Корочкова, 1987; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991; Евдокимов, Корочкова, 1991). Срединное положение эпонимного поселения Пахомовская Пристань I на карте Тоболо-Иртышского междуречья, характерный облик керамики, однослойность – вполне соответствовали статусу эталонного памятника (рис. 1).

Особенно остро обсуждаются вопросы соотношения черкаскульских и пахомовских, пахомовских и сузгунских комплексов. Подчас исследователи сталкиваются с неразрешимой задачей их разделения. Скорее всего, это происходит из чрезмерно лаконичной характеристики и недостаточного количества опубликованных пахомовских материалов, разрозненности статей по отдельным изданиям. Сказывается также предварительная атрибуция некоторых ранее опубликованных материалов, которые сейчас относят к пахомовским, в качестве позднеандроновских, сузгунских, черкас-

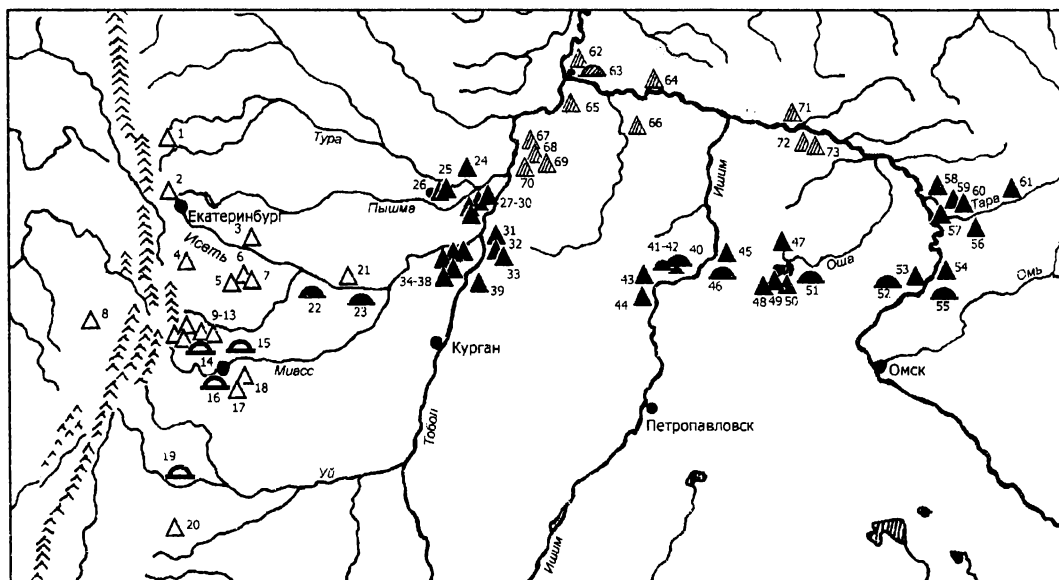

Рис. 1. Расположение памятников черкаскульской (1-21), пахомовской (22-61) и сузгунской (62-73) культур:

1 – Кокшарово, 2 – Новая III; 3 – Лужки, 4 – Черкаскуль II, 5 – Межовское, 6 – Ново-Бурино, 7 – Сунгуль, 8 – Юкаликулево, 9 – Липовая Курья, 10 – Перевозный I, 11 – М. Липовый IX, 12 – Березки I, 13 – Перевозный I а; 14 – Березки Vг, 15 – Большеказакбаевский, 16 – Туктубаево, 17 – Коркино, 18 – Мочище, 19 – Приплодный Лог, 20 – Дружный, 21 – Сухрино III

22 – Нечунаевские курганы, 23 – Усть-Терсюкский могильник; 24 – Мысовские стоянки; 25 – стоянки на Андреевском озере; 26 – Борки; 27 – Черемуховый Куст; 28 – Оськино Болото; 29 – Яр, 31 – Имбиряй; 32 – Ук III; 33 – Ук VI; 34 – Ботники; 35 – Щетково; 36 – 37 – Ольховка; 38 – 39 – Ново-Шадрино VII; 40 – Лихачевский могильник 41 – Пахомовская Пристань I; 42 – Клепиково; 43 – Кокуйский 3 могильник; 44 – Абатский I, 3; 45 – Ир II; 46 – 47 – Усть-Логатка; 48 – Крутинка II; 49 – Усть-Китерья IV; 50 – Калугино; 51 – Усть-Китерья V; 52 – Черноозерье II; 53 – Инберень IV; 54 – Бешаул; 55 – Батаково XXI; 56 – Юрты; 57 – Алексеевка XXI; 58 – Прорва; 59 – Бергамак, 60 – Нижняя Тунуска, 61 – Новочекино III;

62 – Сузгун II; 63 – Потчеваш; 64 – Красная Гора; 65 – Юргаркуль III; 66 – Викулово; 67 – Чеганово; 68 – Чеганово; 69 – Новый Тап; 70 – Карбанский мост; 71 – Хутор-Бор; 72 – Богочановское городище; 73 – Чудская гора.

кульских (Членова, 1981а. С. 32, 33). Добавлю к сказанному низкое качество полиграфии тех лет, что также искажает впечатление о характере инвентаря и объектах пахомовской культуры. Данная работа призвана восполнить этот пробел.

За последние 20 лет археологами Тюмени и Омска открыто много новых пунктов, которые они уверенно соотносят именно с пахомовской культурой. В.М. Костомаров прямо пишет: «В последние годы открыто и изучено немало памятников пахомовской культуры в междуречье и долинах рр. Tobol и Исеть. Открыто около 10 (группа памятников у д. Яр на левом берегу р. Исеть, группа селищ по берегам оз. Имбиряй и его водной системы) и исследовано 4 новых археологических памятника данной культуры» (Костомаров, 2006. С. 406). Судя по сводке, приведенной в диссертации А.В. Полеводова, много новых памятников открыто и раскопано в Среднем Прииртышье (Полеводов, 2003). Однако, несмотря на столь заметные успехи в открытии памятников пахомовской культуры, исследователи все так же вынуждены опираться в своих построениях на материалы первых изданий. Т.к. новых публикаций нет или они носят лапидарный характер.

Большинство из них составляют отчеты тюменских археологов о результатах полевых исследований в Ингальской долине, на Ишиме и других районах Тюменской области. С сожалением приходится констатировать, что эти публикации подчас не дают

полного представления о характере разведанных и раскопанных объектов. Чрезвычайно краткостью отличаются описательные и иллюстративные блоки. Например, в книге Е.Н. Волкова, посвященной комплексам Ингальской долины, пахомовскому сюжету в текстовой части отведено всего 11 строк на стр. 15 и 18 строк на стр. 57. И это притом, что в Ингальской долине открыто 13 памятников, из них раскопками исследованы 4 (Волков, 2007. С. 15). Керамический комплекс пахомовской культуры в иллюстрациях представлен 4 (!) фрагментами керамики. Многие рисунки выполнены предельно схематично, нет полных описаний, что порождает иногда сомнения в правомерности обозначенной культурной атрибуции тех или иных комплексов. Например, анонсированный как памятник черкаскульской культуры поселение Ольховка (Археологическое наследие..., 1995. С. 171-173; Матвеев, 2007), оставляет впечатление полихронного объекта, один из основных комплексов которого гораздо больше соответствует находит в материалах памятников черноозерско-томского типа андроновской общности (Матвеев, 2007. Рис. 12, 13).

Преимущественно тезисный характер носят публикации омских коллег. А между тем ими исследован целый ряд оригинальных комплексов, которые существенно расширяют представление о погребальной обрядности, специфике поселений, соотношении пахомовских и сузгунских древностей. Речь идет о поселениях Усть-Китерьма IV, Юрт-Бермак, Бешаул и др.

Таким образом, два основных фактора – малочисленность подробных публикаций и неопределенность культурных критериев/индикаторов, определяющих состояние пахомовской проблематики. Сформированный за последние годы фонд источников и знаний, а также собственный опыт раскопок и обработки сузгунских и черкаскульских коллекций (Корочкова, 1993; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995; 1996; Корочкова, 2004) позволяют аргументированно рассуждать о различных аспектах взаимодействия культур андроновидной общности, осуществить сравнительный анализ данных образований, выявить их общие и специфические признаки, особенности генезиса, связей.

В списке литературы предпринята попытка собрания полной библиографии по проблемам пахомовской культуры. Специальных работ не так много и принадлежат они преимущественно екатеринбургским и тюменским (Зах В.И., Костомаров В.В., Матвеев А.В., Матвеева Н.П.) археологам. Омские специалисты (Полеводов А.В., Труфанов А.Я.) обсуждают ее обыкновенно в контексте сузгунской культуры. Коллеги традиционно ссылаются на самые первые работы «пахомовского цикла» (Корочкова, 1987; Евдокимов, Корочкова, 1991; Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991), подчас забывая о «пахомовском сюжете» в книге, посвященной Чудской Горе (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 114-121).

В описательной части работы представлены андроновидные материалы Тоболо-Иртышья, хранящиеся в фондах Археологического музея Уральского госуниверситета. Практически все они были раскопаны в 1960-1980-е гг., некоторые из них опубликованы с разной степенью полноты. В работе также учтены доступные по публикациям памятники, исследованные археологами из Тюмени и Омска. Сгруппированные в рамках тематической монографии, они становятся более привлекательным источником, облегчающим исследовательский поиск коллегам, работающим по данной теме.

Выражаю искреннюю признательность всем своим коллегам, которые щедро делились со мной своими знаниями, материалами, опытом, помогали в подготовке иллюстраций, обработке материала и собственно издании данной работы. Особые слова благодарности адресую В.И. Стефанову, М.Ф. Косареву, Т.М. Потемкиной, В.В. Евдокимову, П.А. Косинцеву, Н.К. Стефановой, А.В. Полеводову, М.В. Чарину, Е.Э. Чариной.

Географическая характеристика

Согласно современному административному делению подтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье соответствует южным районам Тюменской области, отчасти – северным Курганской и центральным районам Омской области. По геоморфологическому районированию Западной Сибири исследуемый регион отнесен к южной ее части, так называемой Ишимской степи. Ишимская степь, занимающая водораздельные пространства Тобола, Ишима и Иртыша, представляет собой плоскую равнину, в общем имеющую наклон на север. В Ишимской степи много соленых, солоноватых и пресных озер.

Сравнительно однообразный слабопересеченный рельеф Западно-Сибирской равнины – важнейшая причина отчетливо выраженной здесь зональной дифференциации природных условий (Михайлов, 1976. С. 89). Территория Тоболо-Иртышского междуречья расположена в трех природных зонах – лесной, лесостепной, степной. Вопрос о границах этих подзон остается дискуссионным. Ф.Н. Мильников считает, что северная граница лесостепи почти совпадает с южной границей распространения ели (Киев-Горький-Казань-южнее Тюмени, севернее Новосибирска) (Мильников, 1977. С. 120). И.Ф. Удра за основу принимает определенные климатические показатели и северную границу лесостепи проводит через Магнитогорск, Аргаяш, Кыштым в Челябинской области; Камышлов, Талицу – в Свердловской; Тюмень, Богандинское, Ялуторовск, Вагай – в Тюменской; Тюкалинск, Большеречье – в Омской (Удра, 1981. С. 20-23).

Среди подзон Западной Сибири наибольшим разнообразием отличается северная лесостепь. Из-за обилия низинных болот она получила название займищно-лугово-солончаковой подзоны. Для северной лесостепи типичны лиственные леса на серых лесных почвах с полянами разнотравных степей (остепненных лугов) на оподзоленных черноземах. Отличительной особенностью южнотаежной подзоны является ее сильная заболоченность. Болотные массивы, занимающие до 50 % территории оттеснили лесную растительность с водоразделов к приречным относительно хорошо дренированным полосам (Гаджиев, 1981. С. 14). Подзоны северной лесостепи и южной тайги близки по своему облику.

Природные условия Сибири благоприятны для жизни многих животных. В течение всего года обитатели лесов обеспечены кормами: ягодами, семенами, травами. В таежных лесах обитают медведь, лось, соболь и др. Особенно многочисленны грызуны. В лесостепи встречаются типичные степные виды животных: степная лисица, суслик, кутора и др. Много птиц. Весной на озерах, старицах селится большое количество уток, гусей, куликов. Промысловое значение имеют также глухарь, тетерев, рябчик. В реках и озерах Западной Сибири много рыбы, в южных районах преобладают частиковые рыбы (Михайлов, 1976; Никонов, Тарасенко, Черезов, 1968).

Климат Западной Сибири континентальный. Зимы суровые с устойчивыми низкими температурами. Лето достаточно жаркое, короткое. Для сибирского климата характерны быстрые переходы от лета к зиме и обратно. За год в среднем выпадает 400 мм осадков. Больше половины приходится на теплый период года. Толщина снежного покрова в лесу – 90 см, в лесостепи – 45 см (Никонов, 1968; Михайлов, 1976. С. 41-59).

Та ландшафтно-климатическая картина, которая определяет своеобразие изучаемого района в настоящее время, не являлась, по-видимому, стабильной в различные исторические периоды. В специальной литературе обоснована точка зрения о цикличности климатических периодов, когда чередуются влажные и сухие фазы (Шнитников, 1969). II тыс. до н.э., по мнению большинства исследователей, падает на время пониженной увлажненности. Существование засушливого периода во второй половине II тыс. до н.э. подтверждается археологическими данными. Исследователи обращают внимание на топографическую приуроченность поселков к поймам рек, низким террасам, высокий уровень современных грунтовых вод в местах их расположения (Косарев, 1984. С. 35-36; Потемкина, 1979. С. 26-28; Молодин, Зах, 1979; Хабдулина, Зданович, 1984. С. 150). Заключительные этапы бронзового века, которые приходятся на рубеж II-I тыс. до н.э., характеризуются некоторым похолоданием климата и повышением влажности (Шнитников, 1957. С. 262-265; Косарев, 1984. С. 34-36; Хабдулина, Зданович, 1984. С. 153).

Заметные климатические колебания в рамках эпохи бронзы обозначили постановку вопроса о возможном сдвиге ландшафтных зон. Некоторые специалисты считают, что под воздействием изменяющегося климата происходит наступление степи на лес (Сальников, 1967. С. 174-176; Хабдулина, Зданович, 1984. С. 144). По мнению В.И. Иванова сдвиг природных зон в конце суббореала к северу на юге Западной Сибири достигал зоны (Иванов, В.И., 1983. С. 39). Иная точка зрения отражена в работах Н.А. Хотинского (Хотинский, Немкова, Сурова, 1982. С. 151), Т.М.Потемкиной (1979), Н.Я. Мерперта, А.П. Смирнова (1960. С. 8-10) и других исследователей, которые считают, что во второй половине II тыс. до н.э. граница между лесом и степью была близка современной. В специальной литературе обоснована точка зрения о том, что ландшафтные рубежи по-разному реагировали на одни и те же климатические изменения. Ф.Н. Мильков считает, что на границе лесостепной и лесной зон, где сталкиваются главнейшие в растительном мире антагонисты – лес и травянистая степь, ситуация изменится мало, если даже произойдет некоторая смена климата (Мильков, 1986. С. 290-291). Особого внимания в этой связи заслуживает замечание экологов о возможности взаимопроникновения степной и лесостепной растительности и фауны (Смирнов Н.Г., 1975; Косарев, 1984. С. 39).

Серьезные достижения в области изучения палеоэкологии Тоболо-Ишимского междуречья связаны с исследовательским коллективом Института проблем освоения Севера (Зах, Зиминая, Рябогина, Скочина, Усачева, 2008). Целенаправленная работа в этом направлении на протяжении последних 10 лет, позволила получить замечательную серию палинологических образцов из слоев археологических памятников различных периодов (Там же. С. 8-52). Основное достоинство сформированной базы данных состоит в том, что выявленные палинокомплексы надежно соотносятся с определенными культурами неолита-раннего железного века. Судя по ней, интересующее нас время отмечено особенностями, характерными для середины суббореального периода (4500-3200 л.н.), ближе к его верхнему значению. Его завершающую стадию определяет фаза теплого сухого климата. Преобладающие ландшафты – остепненные луга и луговые степи. Благоприятные условия обитания локализовались в приречных долинах и на берегах озер (Там же. С. 54). В интервале 3400-3200 л.н., которое соответствует хронологическому диапазону пахомовской культуры, прослеживается очевидное смещение границ природных зон к северу. Большую часть тоболо-иртышского междуречья в это время покрывала типичная лесостепная растительность южного облика, а северная лесостепь простиралась до современной подтаежной зоны. В конце периода, под влиянием атлантических воздушных масс, начинается постепенное похолодание, которое позднее всего достигло восточных склонов Урала (Там же).

Памятники

Основу описательного блока составляют материалы, полученные Уральской археологической экспедицией в 1960-1990-х гг. Сведения о новых памятниках почерпнуты из публикаций тюменских и омских коллег, что сказалось на информационных ресурсах привлеченных источников. В ряде случаев они были ограничены объемом и качеством представленных авторами описаний и иллюстраций.

Памятники сгруппированы по территориальному признаку, в основе которого приуроченность к бассейну крупной реки – Тобола, Ишима, Иртыша. Такая структура помогает зримо убедиться в локальных особенностях, выявить преимущественные свидетельства контактов и связей жителей приречных долин.

Памятники бассейна р.Тобол

Поселение Ново-Шадрино VII. Упоровский район Тюменской области. Памятник расположен на правом берегу р. Емуртлы, недалеко от впадения ее в Тобол, в 2 км к ЮВ от д. Ново-Шадрина. У местных жителей это место известно под названием «Межборье». Правый берег реки обрывистый, высота его от уровня воды в реке составляет 4.5 – 5 м. Поселение занимает участок террасы, полого поднимающейся от обрыва берега на 1 – 1.5 м. Расстояние от реки до окраины поселения составляет 80-100 м. На хорошо задернованной поверхности зафиксировано 18 впадин округлой или овальной формы диаметром 7 – 17 м, глубиной от 0.4 до 1.5 (рис. 2). Примерная площадь поселения – 10 тыс. кв.м. Вдоль западной границы памятника параллельно руслу реки фиксировалось характерное возвышение в виде гряды длиной примерно 25 – 30 м, шириной 2 – 4 м, высотой до 0.1 – 0.2 м.

Раскопки под руководством автора производились в 1983 г. (Корочкова, 1984) и 1989 г. (Корочкова, 1990). В 1983 г. работы велись на северо-западной окраине поселения около впадины № 3 (раскоп 1 площадью 68 кв.м) и в юго-западной части (раскоп 2 площадью 196 кв.м). Раскоп 2 охватил впадину № 11 и прилегающие участки межжилищного пространства. В 1989 г. работы на памятнике были продолжены в районе раскопа 1. Раскопки были продолжены в северном направлении и охватили впадину № 2 и межжилищное пространство между впадинами № 2 и № 3.

В раскопе 2 исследованы остатки жилища бархатовской культуры и различные объекты энеолитического времени, обозначенные керамикой андреевского, липчинского, шапкульского типов. В раскопе 1 – остатки котлованов энеолитической постройки, двух жилищ и двух зольников пахомовской культуры, в верхних напластованиях обнаружено значительное количество находок бархатовской культуры. В соответствии с темой исследования, в сфере преимущественного внимания оказываются материалы раскопа 1 (рис. 3).

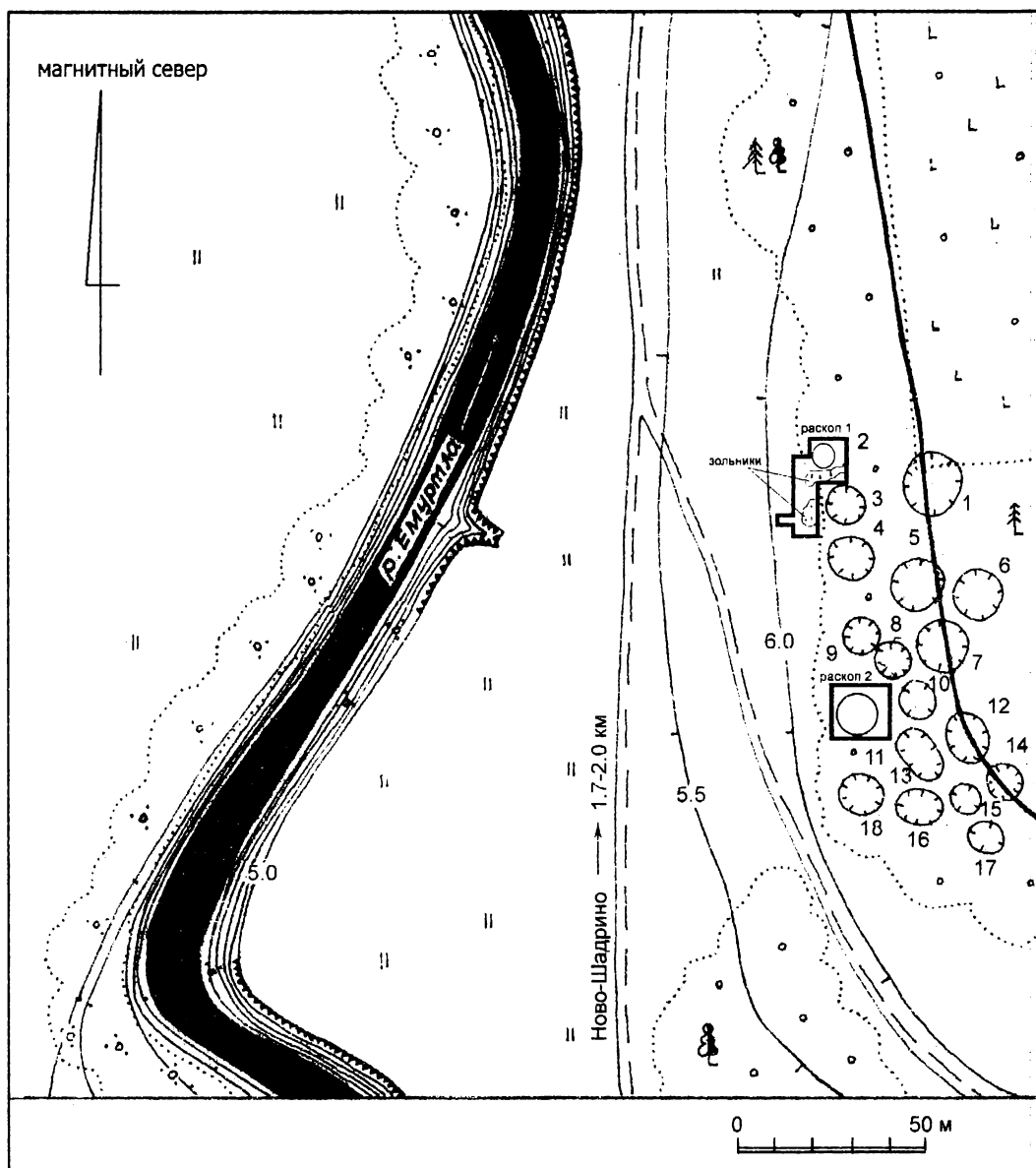

Рис. 2. Поселение Ново-Шадрино VII. План памятника

Жилище 1а исследовано частично. Котлован глубиной 0.7-0.8 м (размеры раскопанной части 10 x 5.5 м) был выкопан в углублении, оставшемся от энеолитического сооружения 1. Размеры исследованной части энеолитической постройки – 4 x 4.5 м, глубина котлована – 1.2 м. Контуры раннего сооружения маркировала супесь серого цвета, в толще которой сконцентрирована основная часть керамики липчинского, шапкульского и андреевского типов, изделия из яшмы, грузила характерной сигаровидной формы. Постройки пахомовской культуры стратиграфически обозначены слоями и линзами супеси серого цвета. Какие-либо дополнительные конструкции пахомовского жилища выявить не удалось.

Жилище 2 исследовано практически полностью, за исключением средней части западной стенки. Котлован прямоугольной формы, ориентирован по оси З-В, размером 4.2 x 7.3 м. Стенки котлована, углубленные в материк на 0.5-0.6 м, по линии С-Ю почти вертикально опускались к ровному дну, по линии З-В полого. Выход в виде слабоуглубленного тамбура находился около северо-западного угла и был обращен в сторону реки. В центральной, более углубленной части, располагались три наземных очага. Остатки очажного оформления представлены кусками обожженной глины. Находок в заполнении жилищного котлована немного: три развала сосудов, крупные фрагменты керамики и капелька бронзы.

Зольник 1 (раскопанная площадь составляет 30 кв. м.) мощностью 0.4 – 0.6 м был насыпан в котлован заброшенного пахомовского жилища 1а и состоял из пластов и прослоек золы белого, светло- и темно-серого цвета. В его толще найдено много обломков керамики, костей животных, куски спекшейся глины, обломки тиглей. Комки обожженной глины в одном месте образовывали своеобразную «вымостку» размером 4 x 1 м, вытянутую по оси запад-восток. Среди остеологических остатков были выявлены отдельные кости человека. В нижней части котлована и на полу перекрытого зольником жилища характер находок был несколько иным: заметно меньше костей животных, но больше развалов сосудов, орудий и изделий из кости, глины и камня.

Зольник 2 площадью примерно 30 кв. м располагался в углублении между жилищами пахомовской культуры 1а и 2, сложен из пластов различных оттенков. Отчетливо выделялся верхний слой толщиной 0.2 – 0.4 м, состоявший из прослоек «чистой» золы двух оттенков белого цвета, под ним, в центральной части, фиксировался пласт светло-серого цвета мощностью 0.2 – 0.5 м; в периферийных участках слой золы толщиной 0.2 – 0.5 м имел темно-серый цвет. Толщина зольного слоя составляла в центре 0.5 – 0.6 м, по краям 0.2 – 0.3 м (рис. 4). Зольная «подушка» покоилась в центральной части на линзе черно-коричневой супеси плотной структуры толщиной 8-20 см. Находок в этом слое не обнаружено (Корочкова, 1990. Табл. 1).

Зольное заполнение вмещало кости животных, черепки, комки обожженной глины, немногочисленные изделия из камня, кости и глины (рис. 5, 6, 8). Последние представлены грузилами овально-уплощенной формы с одним или двумя пересекающимися желобками. В коллекции есть также оригинальные биконические грузила с отверстием в центре (рис. 8, 12). Любопытную серию составляют глиняные шарики диаметром 2.5 – 4 см (рис. 8, 16, 19). В слоях зольника найдены также обломки тигельков, шлаки (рис. 8, 18, 22). Примечательными находками являются крупные фрагменты черкаскульской керамики (рис. 5, 1, 2, 5, 8).

В толще зольника 2 обнаружены многочисленные человеческие останки. Расчлененные скелеты, по крайней мере, 14 человек, лежали в беспорядке вперемешку с костями животных, керамикой и другими находками в самом центре зольной платформы (рис. 4). Судя по стратиграфии, костяки покоились на зольном слое бело-серого цвета и были засыпаны белой золой. Внутри расчищенного скопления в соответствии с локализацией черепов, можно выделить несколько условных групп. Первую составляет компактное скопление трех черепов (№ 1-3) с элементами грудной клетки и конечностей. Результаты определений свидетельствуют, что в данном месте были погребены останки двух мужчин в возрасте 20 – 30 лет (череп 2) и 20 – 25 лет (череп 3), женщины 30 лет (череп 1) и маленького ребенка, чьи останки представлены фрагментами ребер, позвонка и фаланги. Второе скопление располагалось в 1.5 м к юго-западу от первого около южной границы зольника. Состояло из трех черепов (№ 4, 5 и 6) и находившихся рядом без какой-либо системы обломков ребер, крестца, лопатки, левой подвздошной, фаланг, левой плечевой, правой бедренной, левой лопатки. Судя по черепам и фрагментам посткраниального скелета, здесь были захоронены останки немолодого мужчины (череп 4), женщины 18-20 лет (череп 5) и мужчины 30-35 лет (череп 6). Остальные кости были рассредоточены в центральной части зольника, занимая пло-

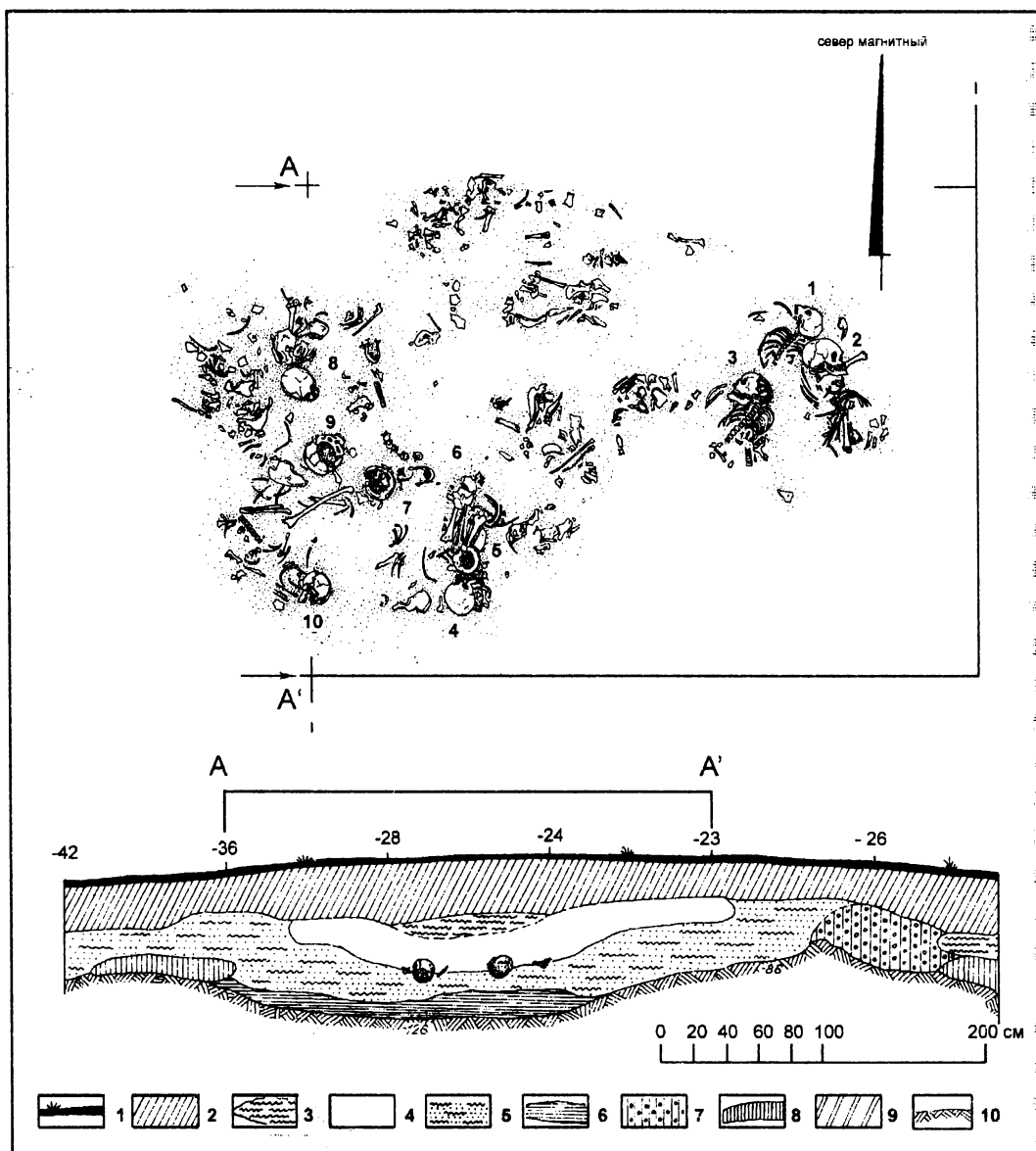

Рис. 4. Поселение Ново-Шадрино VII.
Расположение человеческих останков в зольнике 2:

1 – дерн; 2 – гумусированная почва черного цвета; 3 – белая зола с пепельным оттенком; 4 – белая зола; 5 – зола светло-серого цвета; 6 – суглинок серо-коричневого цвета; 7 – зола серого цвета; 8 – зола темно-серого цвета; 9 – материковый суглинок желто-коричневого цвета.

щадку 2.2 x 1.4 м. Согласно определениям, обнаруженный в этом месте антропологический материал принадлежал женщине 20-30 лет (череп 8 и фрагменты посткраниального скелета), мужчине 20 лет (череп 9 и различные части посткраниального скелета), ребенку 2-4 лет (череп 10), а также ребенку 8-10 лет, подростку и взрослому мужчине, останки которых представлены отдельными фрагментами посткраниального скелета.

Предварительный анализ антропологических остатков был сделан в 1992 г. В. А. Дремовым. Именно он обратил внимание на то, что некоторые кости, в частности череп и первый шейный позвонок или кости стопы, которые соединены прочными связками и отделяются только при полном их исчезновении, были найдены в разных местах. Это означает, что золой были засыпаны скелеты уже полностью освободившиеся от мягких тканей. Другая интересная деталь была подмечена П.А. Косинцевым¹: среди крупных костей человека много погрызенных собаками, в то время как на костях животных такие следы не зафиксированы. Специальный анализ новошадринской коллекции был предпринят А.В. Зубовой (2007). По одонтологическому типу группы новошадринская серия характеризуется как смешанная, с заметным тяготением к западному одонтологическому стволу. Патологический статус свидетельствует о достаточно высоком уровне стрессового воздействия на погребенных индивидов.

Раскопанное скопление человеческих останков является преднамеренным захоронением и может рассматриваться как коллективное фракционное (парциальное) погребение. Золой белого цвета были засыпаны кости свободные от мягких тканей. Некое подобие анатомического порядка можно усмотреть в месте локализации черепов 1-3. Однако, судя по составу костей, оно было достигнуто, скорее, за счет имитации целостности верхней части скелета.

Важно отметить: в зольнике 2 было намного больше костей диких и домашних животных, чем в котловане расположенного рядом жилища 2 – 1869 против 67 (табл. 1). Такая же картина зафиксирована при сравнении зольника 1 и заполнения жилища 1а. И здесь основная часть остеологических остатков была обнаружена в зольных напластованиях.

Таблица 1.

Видовой состав животных в слоях и объектах поселения Ново-Шадрино VII

Виды	Зольник 1	Зольник 2	Жилище 2	Всего
Крупный рогатый скот	328/15	445/24	14/2	787/41
Мелкий рогатый скот	179/12	239/18	10/3	428/33
Лошадь	379/16	528/21	17/2	924/39
Собака	1/1	21/5		22/6
Косуля	95/16	89/12	1/1	185/29
Лось	198/12	82/9	1/1	281/22
Сев олень	1/1			1/1
Кабан	87/11	29/6		116/17
Медведь	5/3	5/3		10/6
Волк	1/1	2/2		3,3
Лисица	2/1	22/7	2/1	26/9
заяц	4/2			4/2
Росомаха		1/1		1/1
Бобр	6/2	9/3		15/5
Водяная полевка		4/1		4/1
Птица	2	2		4
Рыба	3	7		10
Неопределимые	349	394	22	765
Всего:	1640	1869	67	3576

¹ П. А. Косинцев к.б.н., с.н.с. Института экологии растений и животных УрО РАН проводил определение остеологической коллекции поселения.

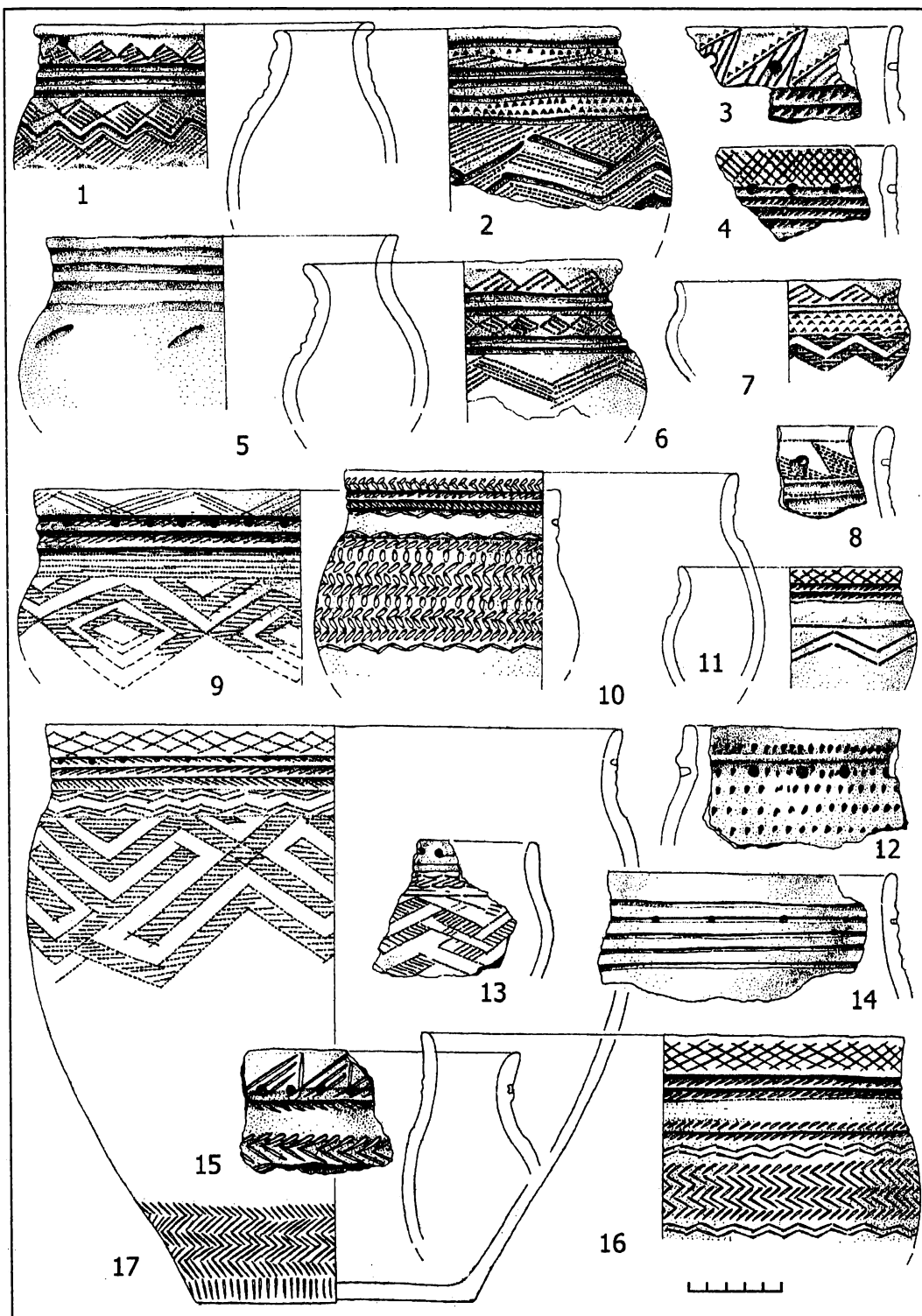

Рис. 5. Поселение Ново-Шадрино VII, зольники 1, 2.
Керамика

Раскопанные объекты демонстрируют выразительную микростратиграфию. Их разновозрастный статус подтверждает археологический материал, прежде всего керамика, отражающая определенную динамику. Среди выявленных объектов пахомовской культуры наиболее ранним является жилище 1а. Позднее в этом месте был насыпан зольник 1. Зольник 2 (полной уверенности в том, что зольники 1 и 2 являются разными объектами, а не единым комплексом, нет. Дальнейшие раскопки в этом месте позволяют уточнить их соотношение) был насыпан между котлованами жилищ 1а и 2, вероятно, несколько позже. Его слои в одном месте перекрывают напластования зольника 1. Впрочем, эту ситуацию можно отнести за счет поэтапности формирования зольника. В толще зольника 2 обнаружены фрагменты сосудов из заполнения котлована жилища 2. Примечательно, что котлован этого жилища не заполнен золой. По-видимому, здесь было какое-то специальное ограждение. Судя по составу находок, зольники формировались в результате ссыпания золы в одно место из разных участков поселка и преднамеренного сжигания здесь легких горючих материалов.

Керамическая коллекция поселения Ново-Шадрино VII насчитывает около 1800 ед. и неоднократно описана в специальной литературе (Корочкова, Стефанов, Стефанова, 1991; Зах, Зимина, Скочина, Усачева, 2008. С. 144-145). В данной работе хотелось бы обратить внимание на некоторые нюансы, которые способны повлиять на сложившиеся представления о пахомовском керамическом комплексе.

Основную часть составляет посуда, среди которой выделяется две основных группы – декорированная простыми монотонными узорами и вторая – в андроновской манере с использованием геометрических мотивов. В коллекции, за исключением единственного сосуда, целых экземпляров нет, поэтому судить о пропорциях сложно. Судя по фрагментам шеек, основу сервиза составляют сосуды горшечной и горшечно-баночной формы с короткой слегка отогнутой шейкой и слабо раздутым туловом. Имеющиеся экземпляры днищ небольшого диаметра. Совершенно не характерны банки. Орнамент зональный, покрывал верхнюю треть сосудов, иногда спускался в придонную часть. Венчики и днища не орнаментировались. Характерным приемом оформления переходной от шейки к плечу зоны, являются желобки с насечками (рис. 5, 3, 4, 9, 10; 6, 5, 7, 14, 16, 17, 19) или неорнаментированная полоса (рис. 5, 15, 16; 6, 10; 7, 12). Желобки бывают узкими (рис. 5, 3, 4) и широкими (рис. 6, 5, 19), глубокими (рис. 6, 14, 17) или слегка обозначенными (рис. 6, 25), нанесенными вплотную друг к другу или разреженными. Иногда такие желобки формируют чуть заметный «воротничок» (рис. 6, 3, 20). Основу орнаментации (более 20 %) составляют плотные бордюры из разнонаклонных оттисков гребенчатого или гладкого штампа (рис. 5, 10, 16, 17; 6, 6, 20, 25). Собственно андроновидный облик пахомовской керамики придают треугольники, меандры, зигзаги (рис. 5, 3, 7, 8, 9, 13, 15, 17; 6, 10, 19, 18), нередко подчеркнутые «бахромой» из мелких вдавлений, желобками (рис. 6, 10, 14, 26). Из таежной орнаментики заимствованы ямки, скобки, ромбическая решетка (рис. 5, 16, 17; 6, 25).

Особого внимания заслуживают сосуды, обнаруженные при расчистке дна котлована жилища 2 (рис. 7). Для них характерны обедненная и разреженная орнаментация, упрощенные геометрические узоры, пояски каплевидных сдвоенных вдавлений. Подобные элементы декора указывают на приближение бархатовского периода (Стефанов, Корочкова, 1989) и вызывают определенные алексеевско-саргаринские ассоциации, что можно расценивать как показатель более позднего возраста данного комплекса.

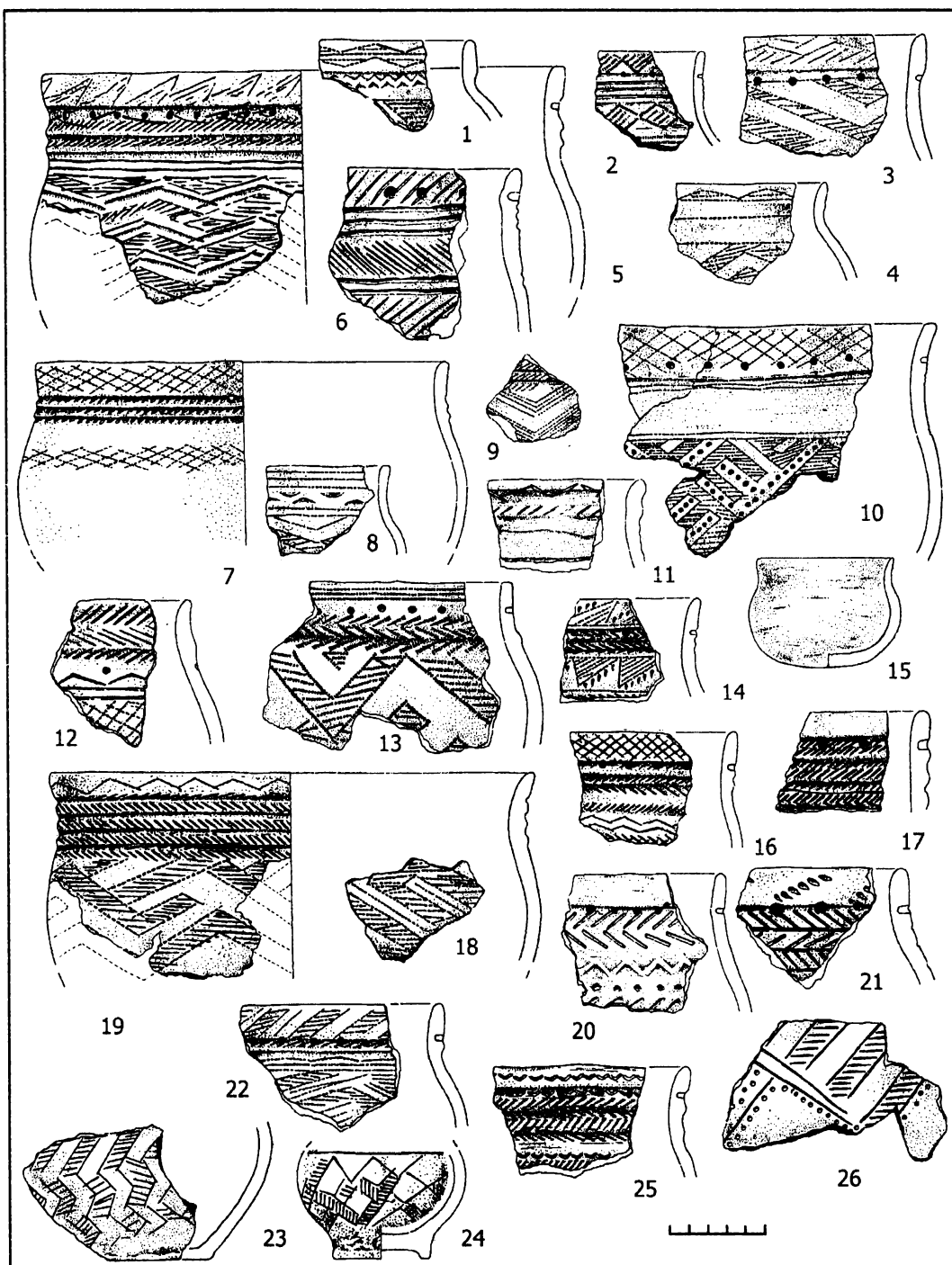

Рис. 6. Поселение Ново-Шадрино VII, зольники 1, 2.
Керамика

4390 KA

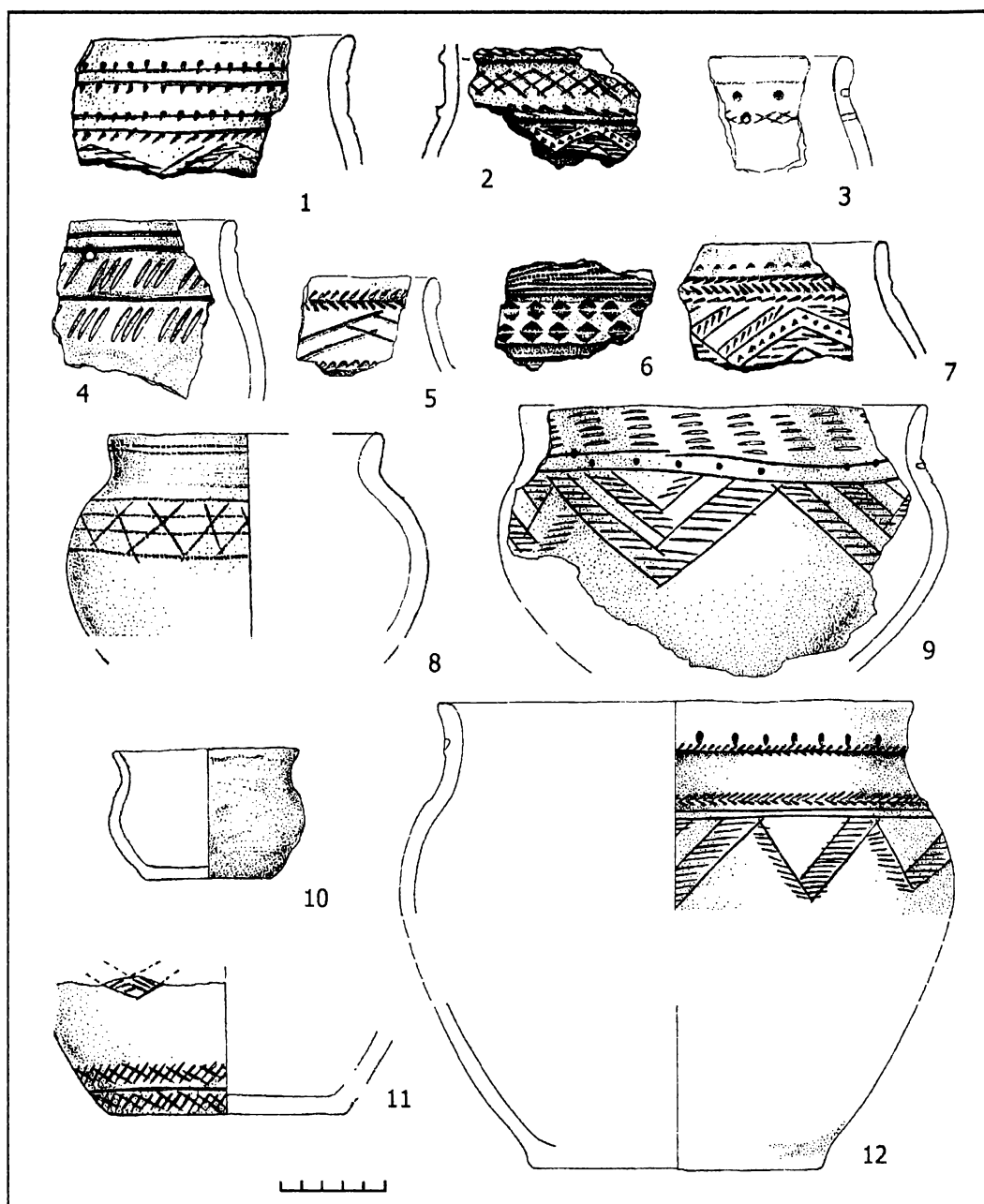

Рис. 7. Поселение Ново-Шадрино VII, жилище 2.
Керамика

В артефактной коллекции поселения довольно много костяных изделий. Среди них: наконечники стрел (рис. 8, 1, 2, 4, 6), обломок гарпуна (рис. 8, 3), заготовка для наконечника типа томара (рис. 8, 5), массивная проколка (рис. 8, 9), обломок тесла (рис. 8, 10), вкладыши для лука (рис. 8, 9, 11). Найдено более 30 целых и фрагментированных грузил. Среди них типичные для Тюменского Притоболья утяжелители в виде овально- или округло-уплощенных брусков с одним (рис. 8, 13) или двумя перекрещивающимися желобками (рис. 8, 14, 15, 21), а также оригинальные

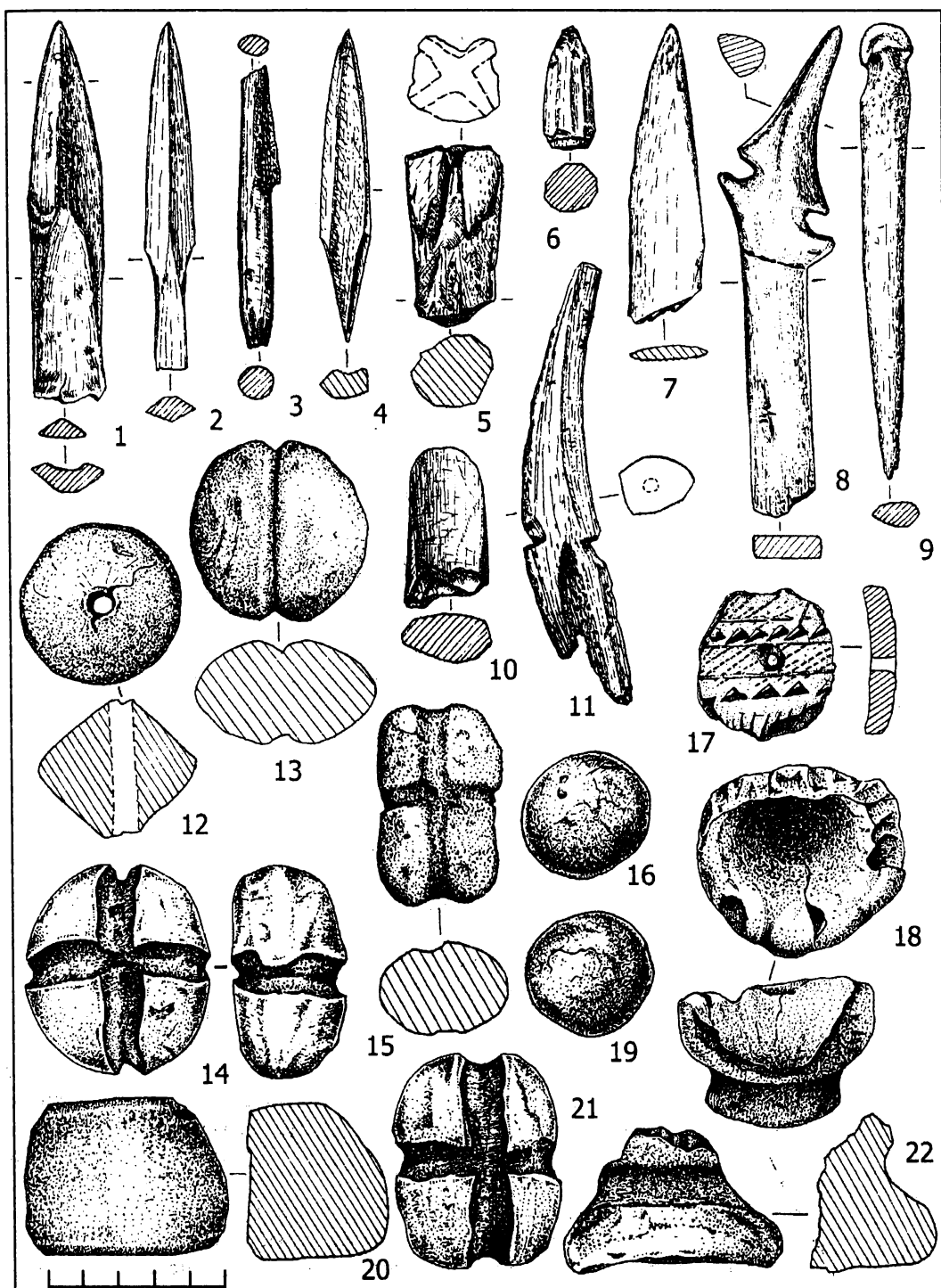

Рис. 8. Поселение Ново-Шадрино VII.
Вещи (1-11 – кость; 12-22 – глина)

грузила биконической формы с отверстием в центре (**рис. 8, 12**). Так называемые пряслица (12 ед.), в виде дисков диаметром 3-4 см с отверстием в центре, сделаны из фрагментов сосудов, (**рис. 8, 17**).

Пос. Оськино Болото. Ялуторовский район Тюменской области, окраина с. Памятное. Раскапывался в 2000-2002 и 2005 гг. археологами Института проблем освоения Севера и Тюменского нефтегазового университета (Ткачев, 2001; Ткачев, Волков, 1999; Ткачев, Ткачева, 2006). Памятник занимает мыс невысокой первой надпойменной террасы левого берега р. Исеть, образованный поймой реки и заболоченным озером Оськино Болото. В раскопе общей площадью 621 кв.м. исследованы разновременные комплексы эпохи энеолита, поздней бронзы, средневековья. Объекты пахомовской культуры представлены остатками четырех жилищ.

Жилища сооружались на основе прямоугольных котлованов, углубленных в материк на 0.2-0.5 м. Одна из построек имела котлован размером 10 x 8 м, длинными стенами ориентированный по оси З-В. Выходы из жилища устроены в северной стенке (у северо-восточного угла) и с востока (около юго-восточного угла). Остатки внутреннего интерьера передают 3 очага (один в центре и два ближе к стенам), 10 хозяйственных и 14 столбовых ям. Хозяйственные объекты располагались вдоль длинных стен (**рис. 9, Б**).

Еще три жилища, по мнению авторов раскопок, представляли единый многокамерный комплекс, сооруженных на основе трех котлованов площадью 44, 46 и 43 кв.м. Все три постройки соединялись короткими коридорами (0.9-1,2 м) шириной около 1 м, углубленными в материк на 0.2 м. Крайняя камера 5 имела специально обустроенный выход в виде короткого тамбура размером 1,4 x 0.9 м. Столбовые ямки, сгруппированные в три параллельных ряда по линии З-В внутри котлованов построек также поддерживают авторскую версию об едином жилом комплексе каркасно-столбовой конструкции. В центре каждого помещения располагался наземный очаг, в камерах 5 и 6 около стен – хозяйственные ямы. В постройке 7 (удаленной от камеры с выходом) обнаружен культовый комплекс. У западной стенки, около северо-западного угла, был обустроен овальный выступ размером 0.8 x 1.1 x 0.1 м, в пределах которого найдены нижняя челюсть к.р.с., череп и две трубчатые кости лошади.

Коллекция материальных остатков пахомовского времени изобилует индивидуальными находками, среди которых особый интерес представляют изделия из бронзы: обломки желобчатых браслетов, округлое зеркало с петелькой, нож-бритва с уплощенной несомкнутой втулкой и пером овальной формы (**рис. 9, А**). В перечне предметов из камня фигурируют: шар, точильные бруски, гальки, обломки пестов и шлифованных орудий, предметы из граниты, плита-зернотерка (шлифовальная плита? – авт.). Из глины сделаны пряслица, кирпичики, шар, ложила, катушки, тигель, льячка.

Авторы раскопок упоминают антропологические находки: обломки черепов мужчины старше 60-65 лет и женщины в возрасте 25-45 лет. Однако из содержания публикации неясно – связаны они с пахомовским периодом обитания поселка или каким-либо другим. А между тем это очень важный нюанс, т.к. человеческие останки встречаются на многих памятниках пахомовской культуры.

Керамический комплекс (**рис. 9, В**) составляют сосуды горшечной и горшечно-баночной формы, большей частью плоскодонные, круглодонные экземпляры единичны. Орнамент покрывает верхнюю треть, часть сосудов имеет свободную от орнаментации зону в верхней части шейки. Переходная зона оформлена валиками. Узоры составлены из поясков разнонаклонных оттисков, зигзаговых бордюров, обрамленных вдавлениями. Наличие неорнаментированной полосы на шейке, сгруппированных вдавлений, упрощенных ленточных узоров – индикаторы достаточно позднего этапа развития пахомовской культуры. На это же указывают поделки в виде катушек, оселки – типичные артефакты бархатовской культуры конца эпохи бронзы.

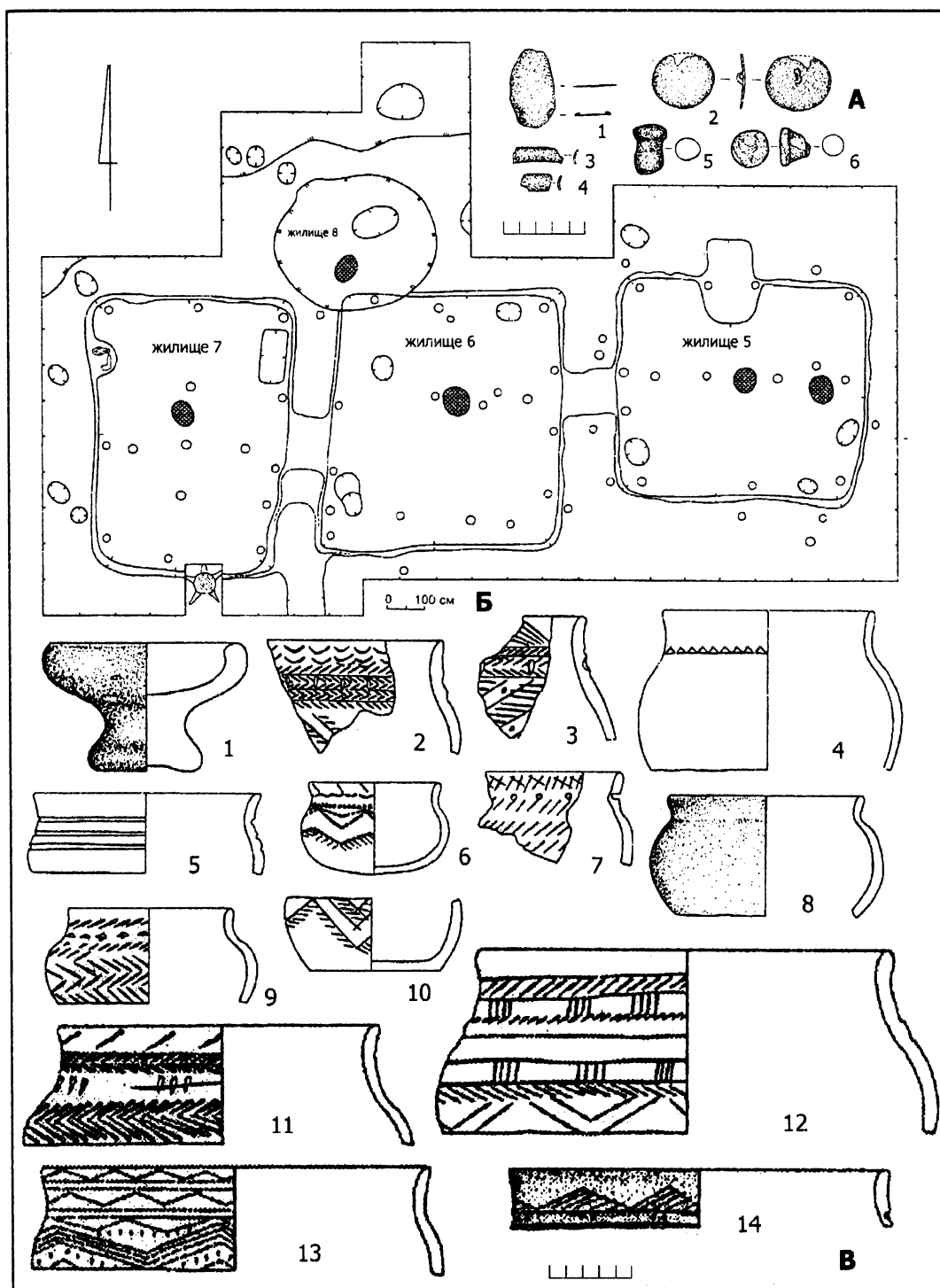

Рис. 9. Поселение Оськино Болото (Ткачев, Ткачева, 2006):
 А – изделия из бронзы (1-4), глины (5-6); Б – план раскопа; В – керамика

Пос. Ботники 1В. Исетский район Тюменской области, 2 км к востоку от с. Ботники, в 2,5 км к западу от с. Красногорское. Раскопки Н.П. Матвеевой 1984 г. Памятник, занимающий участок боровой террасы правого берега р. Исеть, многослойный. В его составе выделены поселения Ботники 1А и Ботники 1Б баитовской и гороховской культур раннего железного века и пос. Ботники 1В пахомовской культуры (Матвеев, Чикунова, 1999).

В раскопе 4 выявлены остатки котлована двухкамерной постройки, углубленного в материк на 0.25-0.30 м. Первая камера, раскопанная практически полностью, подпрямоугольной формы размером 7 x 8 м с обширным тамбуром 3.5 x 3 м, примыкавшем с востока. В центре котлована располагались четыре столба, от которых сохранились ямки диаметром 13-30 см, глубиной 10-45 см. Авторы публикации полагают, что они составляли каркас для четырехугольной рамы, на которые опирались бревна, установленные наклонно по периметру котлована. Очаг, оформленный камнями, располагался у стены противоположной выходу. Узкий коридор, соединявший с соседним помещением, начинался от юго-восточного угла первой камеры.

Культурную принадлежность раскопанной постройки определяет керамика типичного пахомовского облика. Основу коллекции составляют фрагменты сосудов горшечной и горшечно-баночной формы с плоскими, редко уплощенными или округлыми днищами. Оригинальный круглодонный сосуд со сферическими налепами сигнализирует о связях со степным регионом. Из глины сделаны глиняные грузила овальной формы с двумя перекрещивающимися желобками, биконические с отверстием, шарики диаметром 3-4 см.

Пос. Ук III. Заводоуковский район Тюменской области. Левый берег р. Ук (правый приток Тобола) в окрестностях г. Заводоуковска. Памятник занимает один из мысов правой надпойменной террасы высотой 2-2.5 м. Памятник раскапывался в 1988-1989 гг. археологами УрГУ (Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К., 1991). Андронидный комплекс выявлен в пределах раскопа 3. Жилище пахомовской культуры было сооружено на месте существовавшего здесь ранее жилища алакульской культуры. В свою очередь в котлован пахомовской постройки (жилище 5б) в раннем железном веке было врезано жилище, культурную принадлежность которого определяет керамика носилового типа.

Котлован жилища 5б подпрямоугольной в плане формы, размером 9.2 x 5.8 м, длинными стенами ориентирован по линии С-Ю. Стенки котлована углублены в грунт на 0.25-0.3 м, центральная часть несколько глубже. За исключением нескольких столбовых ям, расположенных на расстоянии 0.5-0.8 от стен котлована, и ямки диаметром 0.3 м, в которой находился целый сосуд, иные детали интерьера не сохранились, т.к. были разрушены постройкой раннего железного века.

Коллекция керамики включает один целый экземпляр и 250 фрагментов от 35 сосудов, некоторые из них полностью или частично реконструированы. Укская выборка представлена преимущественно некрупными приземистыми сосудами горшечной или горшечно-баночной формы с плоским дном. Шейка короткая. В коллекции имеются узкогорлые и широкогорлые емкости со слегка и сильно раздутым туловом. Орнамент покрывал верхнюю треть сосудов. Переходная зона от шейки к плечу акцентирована желобками с насечками, валиками, рядом вдавлений или прочерченными линиями. Распространенные мотивы – ряды разнонаклонных оттисков, диагональные колонки, зигзаги. На плечиках – пышные узоры из меандров, зигзагов, шевронов. Орнамент нанесен преимущественно гладким и гребенчатым штампом, высок удельный вес ямочной техники, наколов. 4 сосуда оформлены фигурным штамповкой (рис. 10).

Вместе с керамикой в жилище найдены куски обожженной глины, глиняные приплюснутые грузила с двумя перекрещивающимися желобками.

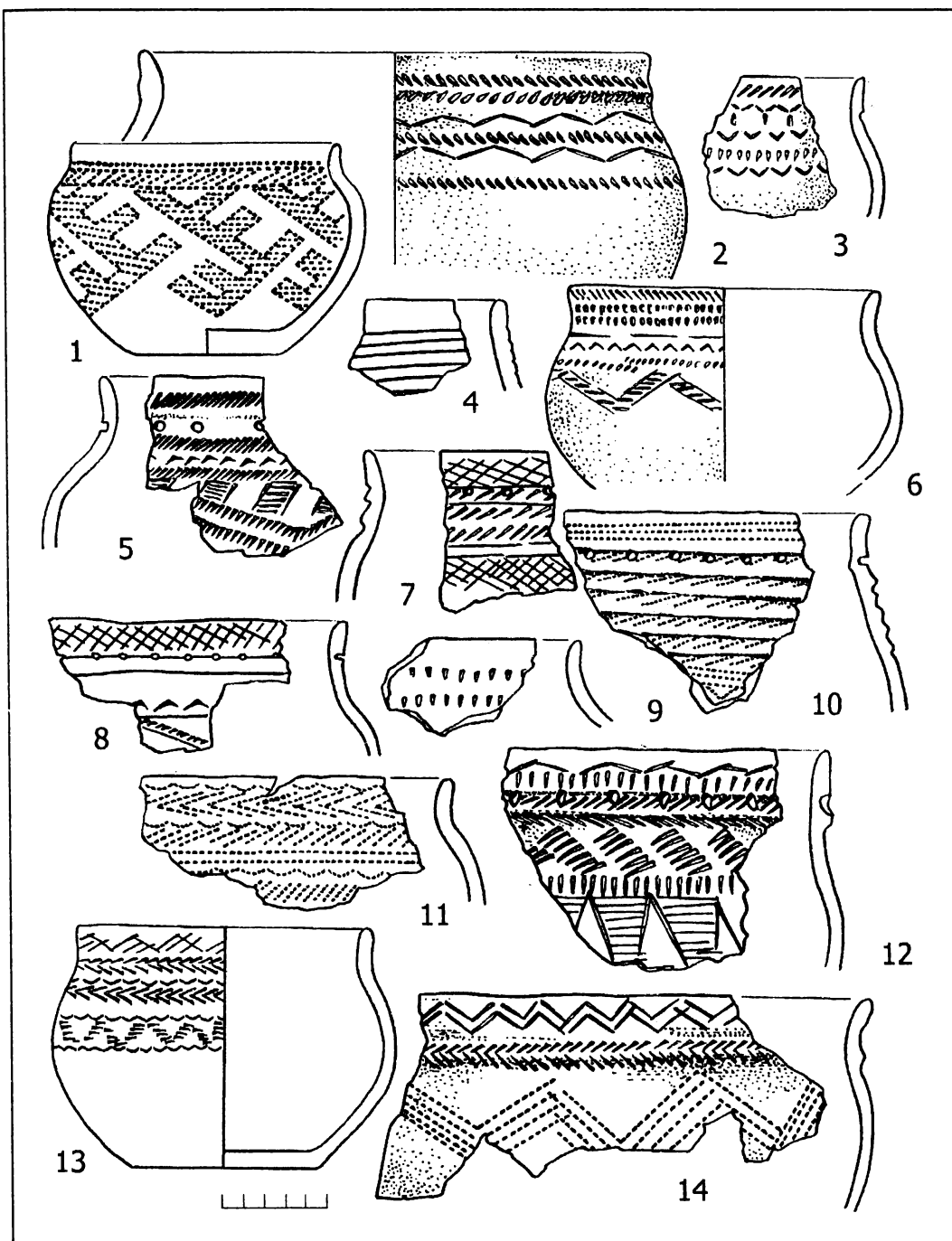

Рис. 10. Поселение Ук III (Корякова, Стефанов, Стефанова, 1991).
Керамика

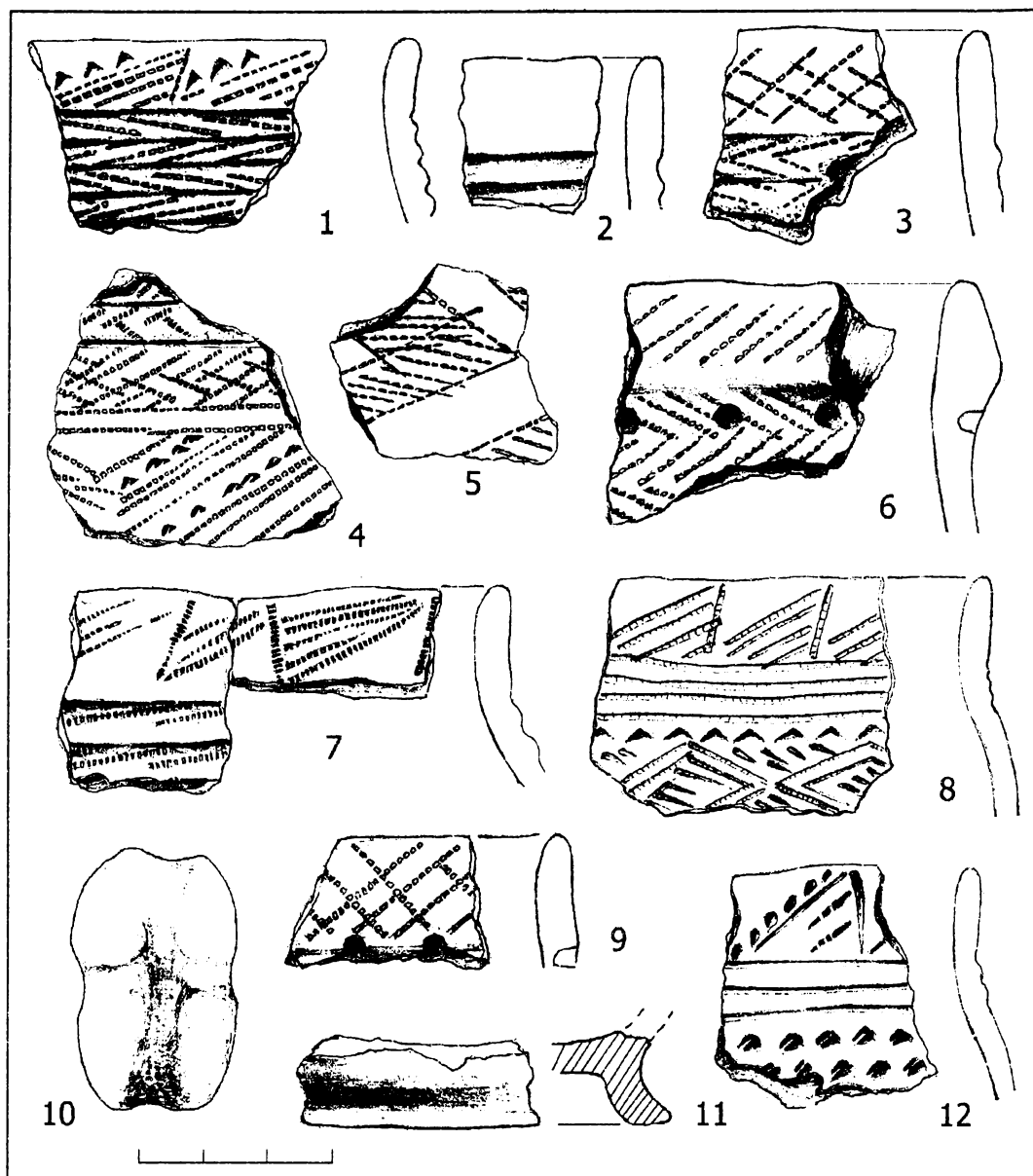

Рис. 11. Поселение Ук VI.
Керамика

Авторы публикации резонно отмечают более поздний возраст данного комплекса в сравнении с поселениями Ново-Шадрино VII, Пахомовская Пристань II, Инберень IV, усматривая в укской коллекции признаки, которые впоследствии станут характерными для керамики бархатовской культуры (Там же. С. 32, 33).

В Притоболье открыты и исследованы и другие объекты пахомовской культуры, однако информация о них предельно скупа. Как пахомовские атрибутируются памятники у д. Яр, Имбиряй-10 Ингальской долины. Представительный комплекс происходит из раскопок пос. Ук VI (рис. 11).

Помимо упомянутых парциальных захоронений, обнаруженных на территории поселка Ново-Шадрино VII, в Притоболье известны еще несколько погребений, открытых в результате исследования курганов раннего железного века.

Могилище Усть-Терсюкский 2 (Матвеева, Костомаров, 2008; 2009). Шатровский район Курганской области, правый берег р. Исеть. Раскопки ТюмГУ. Курганная группа насчитывает 7 насыпей, раскопаны 2 кургана. Оба кургана раннего железного века были воздвигнуты (насыпи диаметром 5-7 м, высотой 0.5-0.7 м) на месте захоронений пахомовской культуры. В кургане 2 обнаружены 4 погребения пахомовской культуры, в кургане 3 – одна могила.

Курган 2. Обнаруженные здесь погребения пахомовской культуры авторы раскопок расценивают как индивидуальные (погр. 1, 3, 4) и коллективное (погр. 2). Впрочем, в отношении погребений 3 и 4 у них однозначной оценки нет. Они допускают, что эти захоронения могли составлять единый погребальный комплекс. Все погребения в той или иной степени пострадали от сооруженного здесь позже погребального ансамбля саргатской культуры. Захоронения были обустроены либо на древней поверхности, либо в слабоуглубленной могиле, выкопанной в верхнем темноокрашенном гумусовом слое. Вокруг могил зафиксированы следы ям от 10 столбов диаметром 25-30 см, глубиной 7-10 см в материке, ограничивающих прямоугольное пространство 4 х 4.5 м.

Погребение 1, совершенное на уровне погребенной почвы, представлено фрагментом черепа под берестой и длинными костями ног.

Погребение 2 – коллективное. Скелеты 6 человек, уложенных скорчено на боку, головой на ЮЗ, покоились «...в погребенной почве под кусками коры и бересты» (Матвеева, Костомаров, 2008. С. 423). Два погребенных (индивид 1, ребенок 6-10 лет) и женщина (индивид 3, около 20 лет) лежали друг за другом на левом боку. Скелет мужчины (индивид 2, около 20 лет) лежал на левом боку головой на ЮЗ поверх женского. Вторая группа погребенных находилась на расстоянии 0.7 м от предыдущей. Погребенные лежали на правом боку головой на ЮЮВ. У индивида 6 (ребенок 6 лет) отсутствовали кости стоп и кистей, от индивида 4 сохранились только фрагменты нижних конечностей, о целостности скелета индивида 5 в публикации данных нет. Авторы полагают, что умершие были помещены в берестяные короба, поверх которых были найдены два миниатюрных сосуда и кости кабана (Матвеева, Костомаров, 2009. С. 18).

Погребение 3 в овальной яме 2.24 х 0.98, слегка углубленной в материк, ориентированной по оси СЗ-ЮВ. В неповрежденном состоянии сохранились только большая и малая берцовые кости одной ноги погребенного.

Погребение 4. Могила прямоугольной формы размером 1.76 х 1.1 м углублена в материк на 3-4 см, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. На дне (могилы?) обнаружены 4 ямки от столбов диаметром 20-25 см, глубиной 15-23 см. О костяке сказано, что он сдвинут. Здесь же были найдены бронзовый кельт, кусок бересты (Там же).

Курган 2. Здесь обнаружено одно погребение в яме овальной формы, ориентированной длинными стенами по линии З-В. В заполнении ямы найден крупный обломок сосуда. Под насыпью кургана также фиксировались столбовые ямки (15) диаметром 20-35 см и глубиной 15-20 см, расположенные двумя параллельными рядами, ограничивавшие прямоугольную площадку размером 9.3 х 4 м, вытянутую по оси СЗ-ЮВ.

Остатки столбовых ям исследователи склонны относить за счет существовавших здесь в эпоху бронзы специальных наземных сооружений, внутри которых помещались тела умерших.

Особую ценность раскопанному объекту, помимо его культового характера, придает находка бронзового кельта. На сегодняшний день, это единственный предмет подобного рода в пахомовском комплексе. Кельт прямоугольной формы размером 3.5 х 7 см, с лобным ушком, овальной втулкой и утолщением вдоль ее края.

Декорирован рельефным орнаментом в виде крупного свисающего треугольника, занимающего всю плоскость верхней трети (Там же. Рис. 5). Абсолютные аналогии изделию найти трудно, т.к. находок подобного типа в Зауралье очень мало. Н.П. Матвеева и В.М. Костомаров указывают на кельт – случайную находку у с. Катайского и глиняные модели кельтов с пос. Сузгун II (Там же. С. 22, 23). Морфологически усть-терсюкский кельт тяготеет к изделиям подобного типа конца бронзового века. Близкий по форме кельт (но без лобного ушка) был найден при раскопках поселения Ново-Шадрино VII в слое с керамикой бархатовской культуры. В данном случае важно подчеркнуть хронологические тенденции в изготовлении подобных орудий, для которых характерна овальная втулка, отсутствие ребер жесткости и наличие валика-утолщения по верхнему краю.

Отмеченные в качестве самобытных для данного некрополя черты: ориентировка умерших головами на ЗЮЗ, наличие каркасных деревянных надмогильных сооружений, коллективный характер, в том числе, парциальных захоронений – это, скорее типичные признаки пахомовской погребальной традиции, специфику которой составляет поливариантность обрядов, ритуалов, сооружений.

Могилиник Нечунаевский. Еще одно погребение пахомовской культуры обнаружено также при раскопках курганов раннего железного века у села Нечунаево в Каргапольском районе Курганской области (Варанкин, 1982. С. 7-9). Некрополь представляет собой три компактных группировки насыпей, рассредоточенных на соседних мысах правого берега Исети. Погребение бронзового века обнаружено при раскопках кургана 2, входящего в первую группу. Курган диаметром 16 м, высотой 0.6 м был нарушен грабительской ямой. Под насыпью в центральной части находились две могилы раннего железного века, устроенные в общем углублении подпрямоугольной формы, углами ориентированном по сторонам света. В северном углу этого общего углубления были обнаружены четыре кости человека и развал сосуда пахомовского типа (рис. 19, 7).

Еще одно пахомовское погребение раскопано при исследовании кургана 6 Тютринского могилиника раннего железного века (Матвеев, Матвеева, 1991. С. 120).

Памятники бассейна р. Ишим

В долине Ишима памятников известно немного – поселения Пахомовская Пристань I, Клепиковское, Ир II, могилиники Абатский и Лихачевский, открытые и исследованные в начале 1960-х гг. Несмотря на планомерное обследование этих районов тюменскими коллегами, список пополнился единичными объектами (Археологическое наследие. С. 168-172). Раскопки новых поселений пахомовской культуры здесь не производились. Два погребения обнаружены при раскопках курганов раннего железного века могилиников Абатский-3 и Кокуйский-3 (Матвеева, 1998). Малочисленность археологических объектов объясняется, скорее всего, природными особенностями Приишимья. Долина Ишима намного уже, чем соседних Тобола и Иртыша, останцы в поймах редки. Основная часть известных археологических памятников локализована в районе оз. Мургень (Зах и др., 2008. С. 4). Именно здесь находится поселение Пахомовская Пристань I.

Пос. Пахомовская Пристань I. Ишимский район Тюменской области, левый берег р. Ишим в 3 км к ЗЮЗ от д. Пахомово. Памятник раскапывался в 1966 г. под руководством В.В. Евдокимова (Евдокимов, Корочкова, 1991). Поселение занимает участок пологого склона террасы высотой 1 м восточного берега озера Мургень. Системой проток озеро соединяется с р. Ишим. Примерная площадь поселения оценивается в 4500 кв.м. В двух раскопах площадью 110 и 700 кв.м. исследованы остатки 5 сооружений различного назначения. Одна постройка (раскоп 1), иссле-

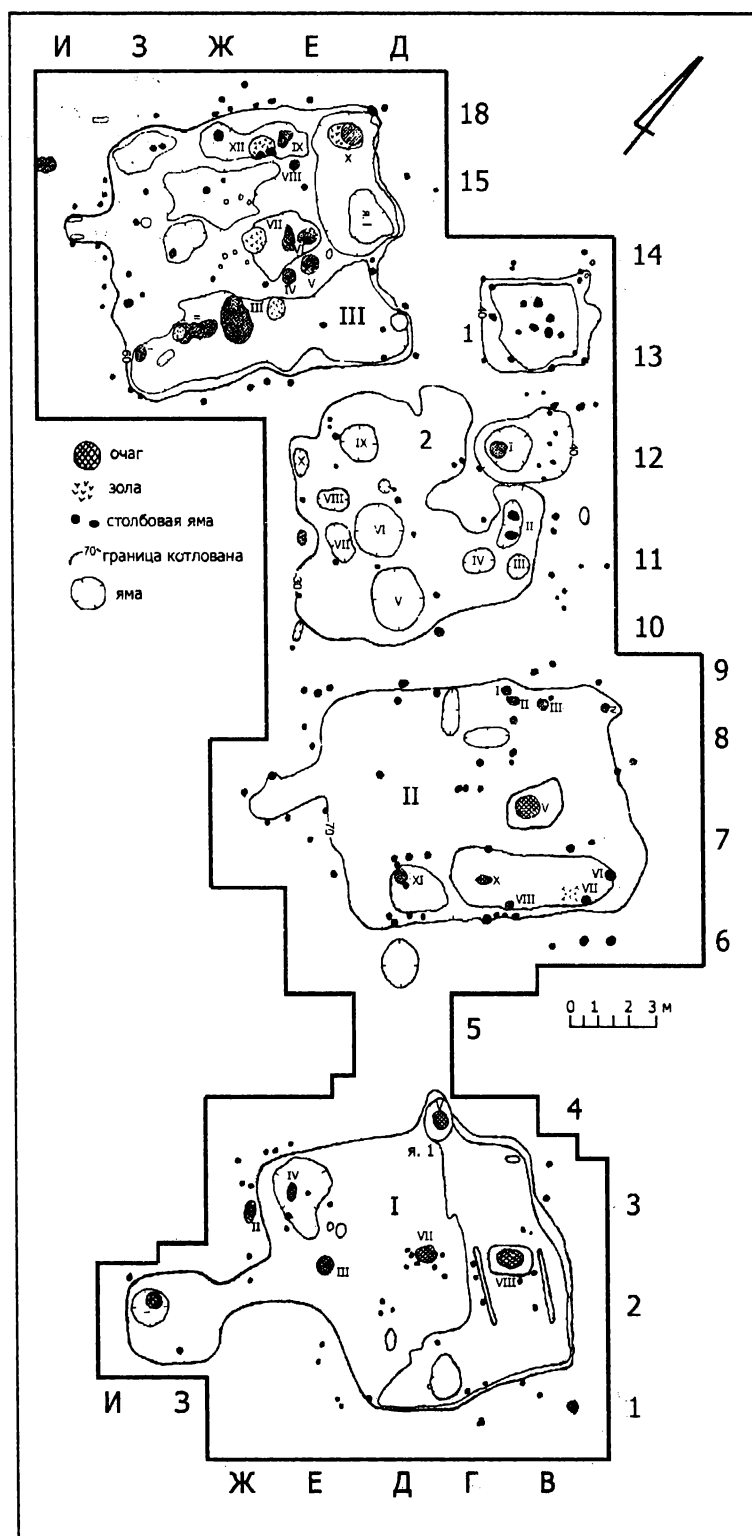

Рис. 12. Поселение Пахомовская Пристань I.
План раскопа

дованная на западной окраине поселения представляет собой котлован овальной формы размером 3 x 1.8 м, длинными стенами ориентированный по линии ЮЗ-СВ, глубиной 0.1-0.3 м. Юго-западная стена сооружения имела два небольших выступа, обращенных в сторону озера. По периметру постройки с внешней стороны располагалось 13 ямок от столбов диаметром 15-35 см и глубиной 10-30 см. В юго-восточном секторе постройки находилась большая яма диаметром 2.1 м, которая резко сужалась ко дну, отмеченному на глубине 2.1 м. Скорее всего, это колодец.

В раскопе 2 приуроченном к центральной части поселка, исследованы остатки трех жилищ (I-III) и двух хозяйственных построек (1 и 2).

Жилище I имело котлован подпрямоугольной в плане формы с закругленными углами и выступом около северного угла. Размером 10.8 x 10.2 м, длинными стенами ориентирован по оси З-В. Стенки котлована углублены в грунт на 0.2-0.25 м. Выход в виде коридора длиной 2.5 м и шириной 1.2 м с квадратным тамбуром 3 x 3 м располагался в южной стене и был обращен в сторону озера. Размеры и конфигурация тамбура позволяют расценивать его в качестве специализированного помещения. Этот вывод поддерживает наличие здесь очага. Пространство вдоль стены противоположной тамбуру на ширину 3-4 м было углублено ниже уровня пола на 0.6-0.8 м (рис. 12).

Внутри жилища находилось 6 очагов и одна яма. Три очага располагались по центральной оси жилища, параллельно коротким стенам котлована. Один из них (VII), расположенный в углубленной части постройки, представлял собой специальным образом обустроенное место: на песчаной подушке прямоугольной формы в яме размером 1.5 x 1 м. Мощность прокала достигала 7-10 см. С западной и восточной стороны очага параллельно друг другу располагались узкие канавки шириной 10-12 см, длиной 2.8 м, глубиной до 5 см. Вдоль западной канавки (обращенной к центру жилища) размещались три столбовых ямки диаметром 8-10 см, глубиной до 10 см. Такие же две ямки, но выкопанные со стороны очага, обнаружены около восточной канавки (расположенной вдоль стенки жилища) и по обе стороны очага. Очаг VIII находился в центре жилища и представлял собой корытообразное углубление глубиной 0.18 м, заполненное золой и прокаленной почвой. Очажное блюдо округлой формы в плане, диаметром 0.8 м, располагалось на полу жилища. В 15-20 см к западу от него зафиксировано 4 столбовых ямки диаметром 8-10 см и глубиной 5-7 см. Напольный очаг III располагался в 1.5 м от выхода из жилища, округлой в плане формы, диаметром 0.6 м. Мощность прокала достигала 5 см. Возле очага найдено много керамики и костей животных. Кроме трех центральных очагов в жилище находились небольшие кострища: IV – около углубления в юго-западном углу, VI – в северном углу, V – в яме 1, назначение которой можно трактовать по-разному. Яма овальной в плане формы размером 1.5x1.8 м, глубиной 1.5 м от уровня фиксации, в разрезе – параболоидной формы. Заполнение представляло собой прослойки темно-серой гумусированной супеси с глинистыми, углистыми и прокаленными включениями. В придонной части обнаружены фрагменты черепа человека. В.В. Евдокимов полагал, что яма могла использоваться в качестве колодца. Еще один череп и кости скелета человека были обнаружены на полу в южном углу жилища. Костяк был ориентирован по оси СЗ-ЮВ вдоль стены, рядом с ним найдено бронзовое шильце.

Коридорообразный выход был сооружен несколько выше уровня пола жилища, а его тамбурная часть углублена на 0.1-0.15 м. В западном углу тамбура, в неглубокой яме располагался небольшой очаг (диаметр 0.6 м, мощность прокала – 15 см).

Внутри котлована и за его пределами, преимущественно вдоль стен и в центре, зафиксировано 64 ямки от столбов.

Жилище II размещалось в 7 м к западу от жилища I. Котлован подпрямоугольной в плане формы размером 10.4 x 8.4 м, длинными стенами ориентирован по линии

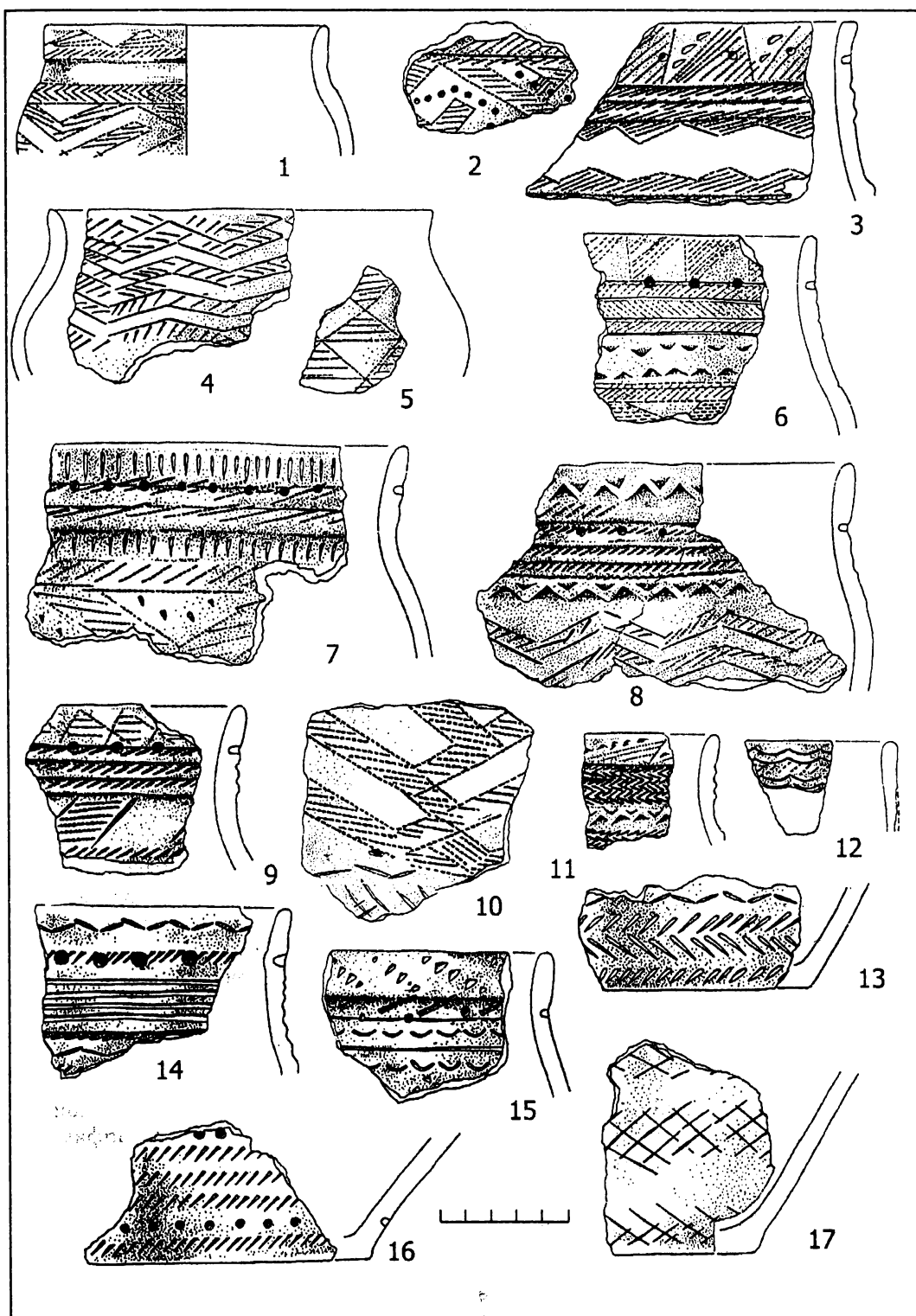

Рис. 13. Поселение Пахомовская Пристань I.
Керамика

ЮЗ-СВ, углублен в материк на 0.5-0.6 м. Пространство вдоль юго-западной стены, на расстоянии около 2 м от котлована, было углублено ниже уровня пола на 10-15 см. Выход в виде тамбура шириной 1 м и длиной 2 м прорезал восточную стену жилища ближе к западному углу, был обращен в сторону озера.

Внутри постройки расчищены остатки 11 очагов-кострищ. Большинство из них располагались вдоль длинных стен котлована и один большой очаг находился в центре, ближе к северо-восточной стенке. Очажное блюдо диаметром 0.75 м на глубину 10 см было заполнено прокалом. Четыре очага, находившиеся в углубленной части жилища (№№ 6 7 8 10), окружали зольные линзы. Остатки очага с глиняной обмазкой расчищены в южном секторе жилища. Куски обожженной глины и обломки глиняных «кирпичиков» встречались в заполнении котлована.

Остатки каркасно-столбовой конструкции обозначают 46 столбовых ямок, расположенных преимущественно вдоль стен котлована и тамбура. С внешней стороны, около южного угла, находилась овальная яма размером 1.7 x 1.2 м, углубленная в материк на 0.3 м.

Жилище III от жилища II отделено постройкой 1. Котлован подквадратной в плане формы с закругленными углами размером 10.2 x 10.8 м, ориентирован по линии ЮЗ-СВ. Выход из жилища в виде небольшого выступа шириной 1 м и длиной чуть менее 1,5 м, обращенного в сторону озера, прорезал западную стенку. Дно сооружения неровное, бугристое, отмечено на глубине 0.25-0.75 м от уровня древней поверхности. В центре жилища находилась приподнятая площадка неправильной формы размером 3 x 2 м. Рядом с площадкой фиксировалось заметное углубление площадью 4.5 кв. м. Именно здесь располагались четыре наземных очага (4-7). Наиболее углубленным в жилище было пространство вдоль стен на расстоянии 2-3 м от края котлована. Именно здесь располагалась большая часть очагов. Диаметр очажных блюд варьирует от 0.8 до 1.5 м, мощность прокала от 5 до 15 см. Некоторые очаги окружали зольные линзы.

Около северо-восточной стенки котлована расчищена яма (диаметром 2 м, глубиной 1.4 м), которую можно расценивать как остатки существовавшего здесь колодца. На площади котлована и за его пределами выявлено около 80 столбовых ям. Большинство из них располагались по периметру котлована с его внешней стороны. Внутри жилища ямы локализовались в центральной части и относительно ровный ряд ямок зафиксирован на расстоянии 0.5-1.5 м вдоль той стены, где располагался выход.

Между жилищами II и III находились, по-видимому, какие-то специализированные постройки 1 и 2. Сооружение 2, расположенное непосредственно между жилищами, представляло собой комплекс из 10 ям и кострища, сооруженных в общем котловане неправильной формы размером 14 x 9 м. Столбовые ямки приурочены к внешним границам котлована. 6 ям располагались вдоль западной стены двумя рядами. Большие ямы диаметром 1-1.8 м были углублены в материк на 30-45 см, малые на 10-15 см.

Постройка 1, сооруженная несколько в стороне, фиксировалась в виде котлована подпрямоугольной формы размером 3.9 x 3.3 м, углубленным в материк на 0.2-0.3 м. Выход в виде плавного выступа, находился в середине северо-восточной стенки, обращенной в сторону противоположную от озера. Столбовые ямки зафиксированы в центре и в углах котлована.

Небольшая площадь построек, большое количество ям, отсутствие характерных деталей интерьера жилого помещения, обилие керамики и костей животных в заполнении, указывают на хозяйственное назначение данных помещений.

Обращение к материалам Пахомовской Пристани спустя много лет после первой публикации, побуждает к некоторой переоценке прежних суждений, вызванной пополнившимися знаниями о домостроении носителей пахомовской культуры. В частности, более сложным и многофункциональным представляется раскопанный

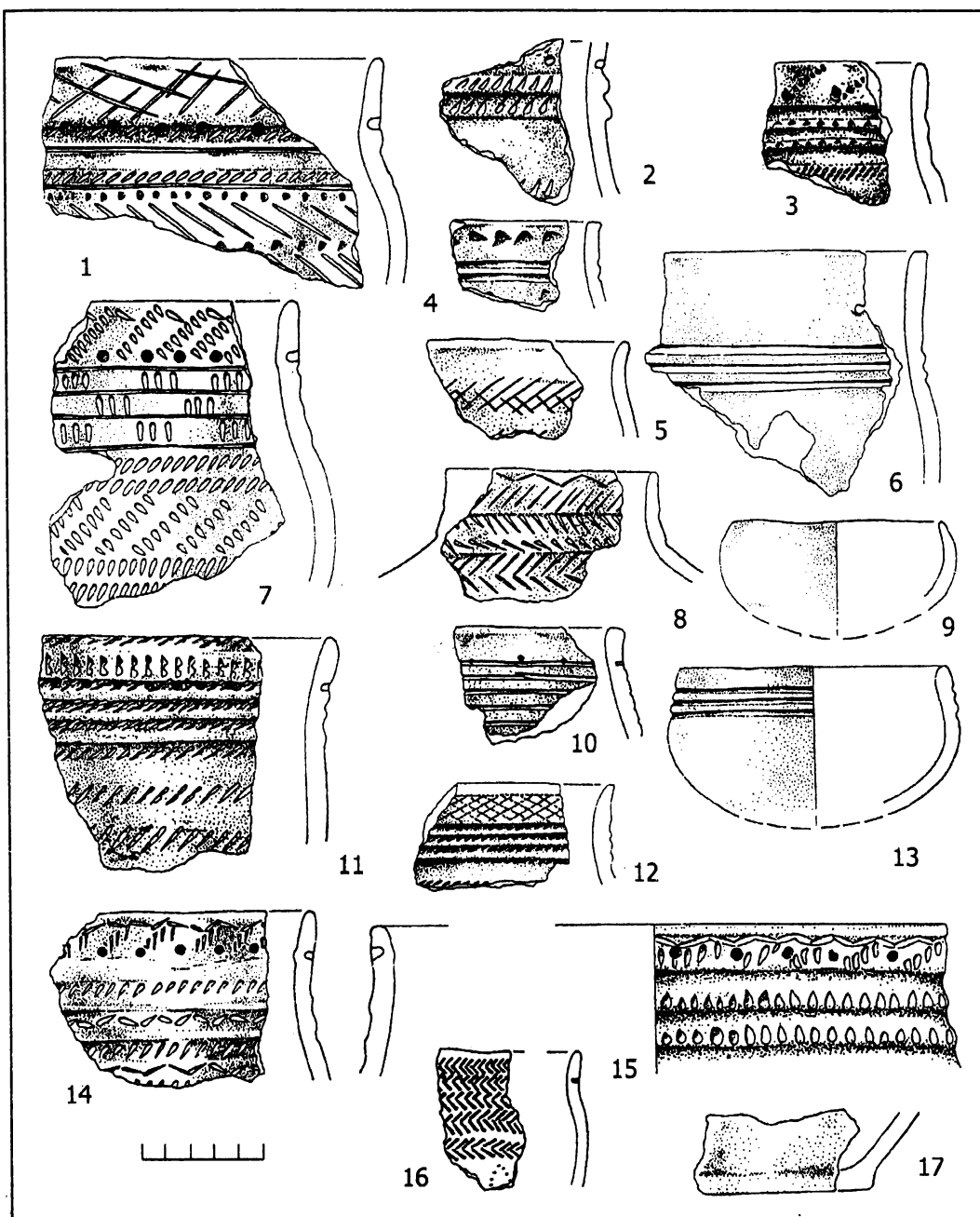

Рис. 14. Поселение Пахомовская Пристань I.
Керамика

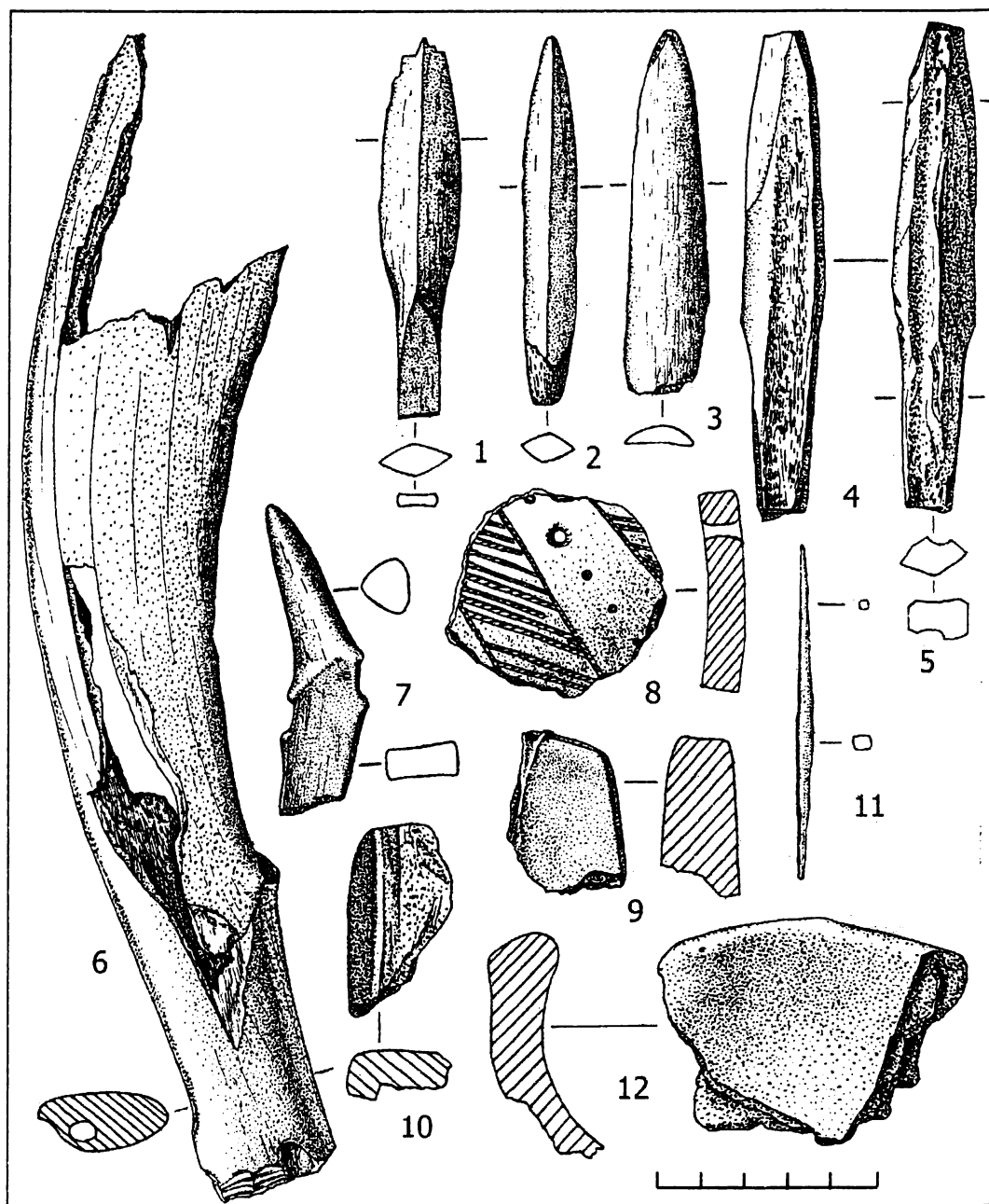

Рис. 15. Поселение Пахомовская Пристань I.
Изделия из кости (1-7), глины (8-8, 9, 12), камня (10), бронзы (11).

ансамбль из жилищ и хозяйственных построек. Обе постройки располагались между жилищами II и III. Расстояние между котлованами в этом месте не превышало 1 м, что поддерживает версию о функционировании здесь многокамерного сооружения, объединявшего жилые и хозяйственные отсеки. Котлован жилища I был выкопан на расстоянии 6 м от соседнего жилища II. Учитывая компактное расположение построек, снабженных большим количеством отопительных устройств, колодцами, ямами, можно предположить, что здесь под общей крышей в зимнее время протекала жизнь местных скотоводов.

Коллекция поселения включает керамику (рис. 13, 14), изделия из кости, керамики, обломок литевой формы (рис. 15, 10), бронзовое шильце (рис. 15, 11). Из кости сделаны наконечники стрел (рис. 15, 1-5), орудие типа тупика (рис. 15, 6), вкладыш для лука (рис. 15, 7).

Поселение Ир II. Абатский район Тюменской области, 3 км к западу от дер. Ир. Открыт и раскопан в 1970-1971 гг. Л.Л. Косинской (1984). Памятник расположен на возвышенном участке останца первой надпойменной террасы р. Ишим высотой 2-4 м. С запада примыкает пойма р. Ишим шириной 2-2.5 км, с юга старица Отногово. Большая часть площадки древнего поселения разрушена выемкой глубиной до 1 м. На сохранившейся от разрушений площадке, в раскопе площадью 94 кв. м исследованы остатки двух построек и зафиксированы три разновременных комплекса – неолита, бронзового века и раннего средневековья. Интересующий нас материал представлен всего 36 фрагментами керамики и 5 предметами из бронзы из жилища II. По мнению автора раскопок, сооружение было наземным с более углубленной центральной частью (15-20 см от уровня древней поверхности) размером 8 x 5 м. Внутри постройки фиксировались углубления правильной формы. В одном из таких углублений располагался очаг, устроенный в яме подпрямоугольной формы размером 0.6 x 0.45 м, глубиной 40 см. По дну очажная яма была выложена овално-приплюснутыми кирпичами-«лепешками» размером 4-5 x 6-8 см (25 целых экземпляров и обломки).

Керамика представлена фрагментами типичной посуды пахомовского (рис. 16, 9-11) и алексеевско-саргаринского (рис. 16, 12, 13) типа. В этом смысле крайне немногочисленный комплекс поселения Ир II представляет особый интерес в контексте связей носителей пахомовской культуры. Показательным является набор обнаруженных на поселении бронзовых изделий – шильце, заготовка в виде бруска и три двухлопастных наконечника стрел (рис. 16, 1-5). И если первые две находки носят индифферентный культурный облик, то наконечники прямо сигнализируют о поставках из центров, локализованных на территории алексеевско-саргаринской культуры Евразийской металлургической провинции (Зданович, 1988. Табл. 10Г, 8-10; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. Рис. 28, 8-12). Ир II не единственный памятник, культурную принадлежность которого трудно определить из-за паритетного представительства керамики пахомовского и алексеевско-саргаринского типа. Подобная ситуация будет зафиксирована при раскопках поселения Жар-Агач в Прииртышье.

Керамика пахомовского типа определяет также культурную принадлежность поселения Клепиковское (рис. 17), расположенного около одноименного села в Ишимском районе Тюменской области, на левобережной террасе р. Ишим высотой 12 м.

Все погребения пахомовской культуры в Приишимье обнаружены при раскопках курганов раннего железного века.

Лихачевский могильник. Абатский район Тюменской области, правый берег р. Ишим в 2 км к ЮВ от д. Лихачево. Памятник раскапывался в 1963 г. под началом В.Ф. Генинга и С.Я. Зданович (Генинг, Стефанов, 1991). Могильник занимает участок мыса коренного берега высотой около 5 м над уровнем поймы. 2 погребения бронзового века обнаружены при раскопках кургана раннего железного века.

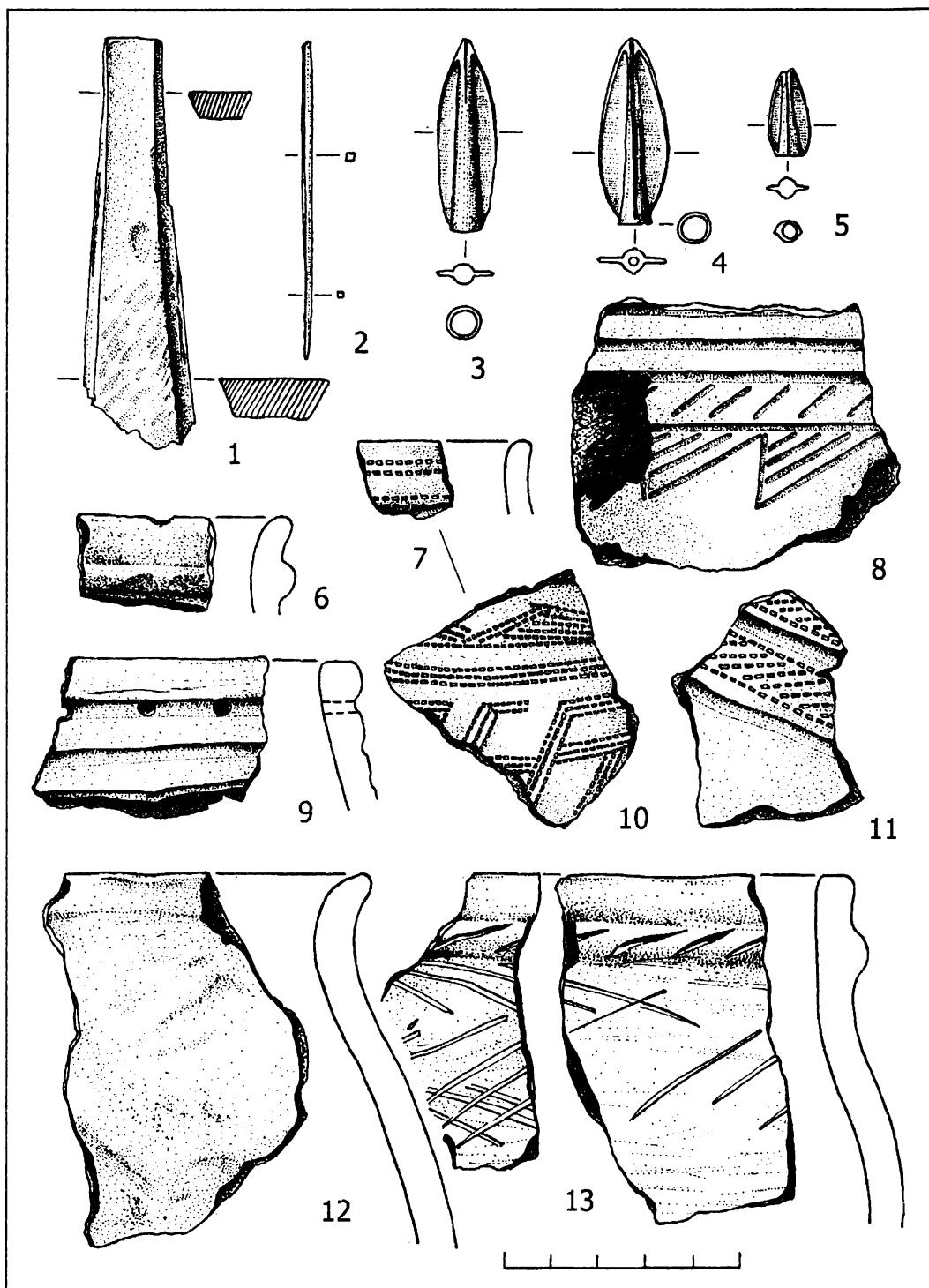

Рис. 16. Поселение Ир II. Изделия из бронзы (1-5), керамика

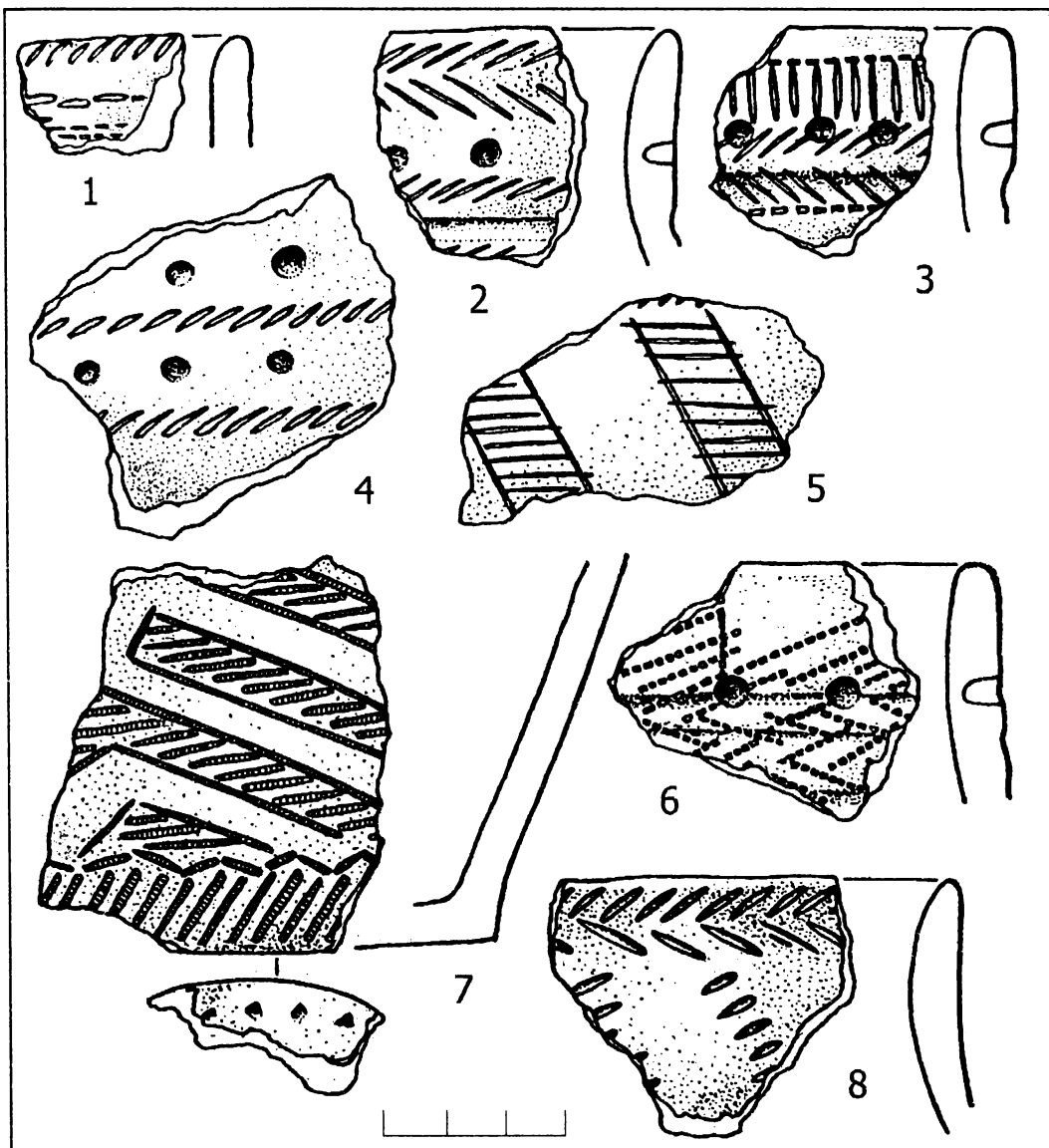

Рис. 17. Поселение Клепиковское. Керамика

ные ямы прямоугольной формы со скругленными углами, размером 2.1-2.5 x 1.05 м, были углублены в материк на 0.7 м. Ориентированы по линии СЗ-ЮВ. В каждой могиле сохранились фрагменты черепа. Умершие были положены головой на СЗ. В этой же части могил стояло по одному горшку (рис. 18, 2, 5). Помимо очевидных могил, к интересующему времени отнесены две ямы без останков. В одной из них размером 1.1 x 0.7 м на дне стоял сосуд. В другой яме размером 0.6 x 0.6 м обнаружен крупный фрагмент сосуда. Крупные обломки еще двух сосудов (рис. 18, 4, 6) обнаружены вне каких-либо объектов.

Абатский-1 могильник. Курганная группа (пять или более насыпей) расположена на невысокой коренной террасе левого берега р.Ишим в 8 км к западу от с. Абатское Тюменской области. В 1964 г. были раскопаны курганы 1 и 2 (Генинг, Мошкова, 1964). Под насыпью каждого кургана обнаружено по одному погребению эпохи бронзы. В кургане 1 могилу бронзового века окружала канавка подквадратной формы размером 13.5 x 13.5 м с разрывом шириной 1.25 м в южной части, ориентированная по сторонам света. Канавка шириной 1 м была углублена в грунт на 0.75 м. В центре огражденной площадки располагалось погребение (№ 10). Авторы раскопок допускают, что погребение эпохи бронзы было совершенно в древнем дерне и указали условные границы могилы – 1.75 x 1.10 м. Глубина ямы не превышала 10-15 см. В углублении было обнаружено «хаотическое скопление костей человека» (Генинг, Мошкова, 1964. С. 19; Мошкова, Генинг, 1972. С. 92, 98). Исходя из текста отчета, трудно понять, беспорядочное расположение костей человека – следствие более поздних нарушений или вариант вторичного захоронения. Инвентаря в могиле не было. На принадлежность данного ансамбля к бронзовому веку указывают находки двух сосудов характерного облика, обнаруженные в восточной части канавки (рис. 19, 3,4).

При разборке насыпи кургана 2 в центральной части на уровне древней поверхности были обнаружены череп и кости нижних конечностей человека. В.Ф. Генинг и М.Г. Мошкова полагают, что погребенный лежал вытянуто на спине головой на СЗ. Также в центральной части кургана на уровне древней поверхности найдены два целых сосуда пахомовского типа (рис. 19, 1, 2). Более детальных сведений о погребениях бронзового века из отчета выяснить не удалось. К сожалению, насыпи разбирались при помощи бульдозера, поэтому какая-то часть информации была утрачена еще на стадии полевых исследований. Тем не менее, отмеченные особенности – канавка, погребение на древней поверхности, парциальность, наличие специального дерево-земляного надмогильного сооружения вкупе с обнаруженными сосудами, в полной мере передают особенности погребальной практики пахомовской культуры.

Абатский-3 могильник расположен на коренной террасе левого берега р. Ишим вблизи от старичного озера Угловое, в 3 км к юго-западу от пос. Абатский. Погребение эпохи бронзы, обнаруженное под насыпью кургана 6, представляло собой яму грушевидной формы размером 1.9 x 1.56 м, глубиной от 15 до 35 см в материке (Матвеева, 1998. С. 155). На дне ямы обнаружены несколько костей ребенка 3-4 лет (часть челюсти, подвздошная, бедренная) и фрагменты круглодонного сосуда (рис. 19, 6)

Кокуйский-3 могильник расположен на восточном берегу озера Угловое в 2.5 км к ССВ от дер. Кокуй Абатского района Тюменской области. Захоронение бронзового века выявлено при раскопках кургана 2 (Там же. С. 155-156). Останки взрослого мужчины, были помещены в слабоуглубленную яму (до 8 см) Г-образной формы размером 2.0 x 0.68 м, ориентированную по оси С-Ю. В области левого плеча найдены фрагменты горшка (рис. 19, 5).

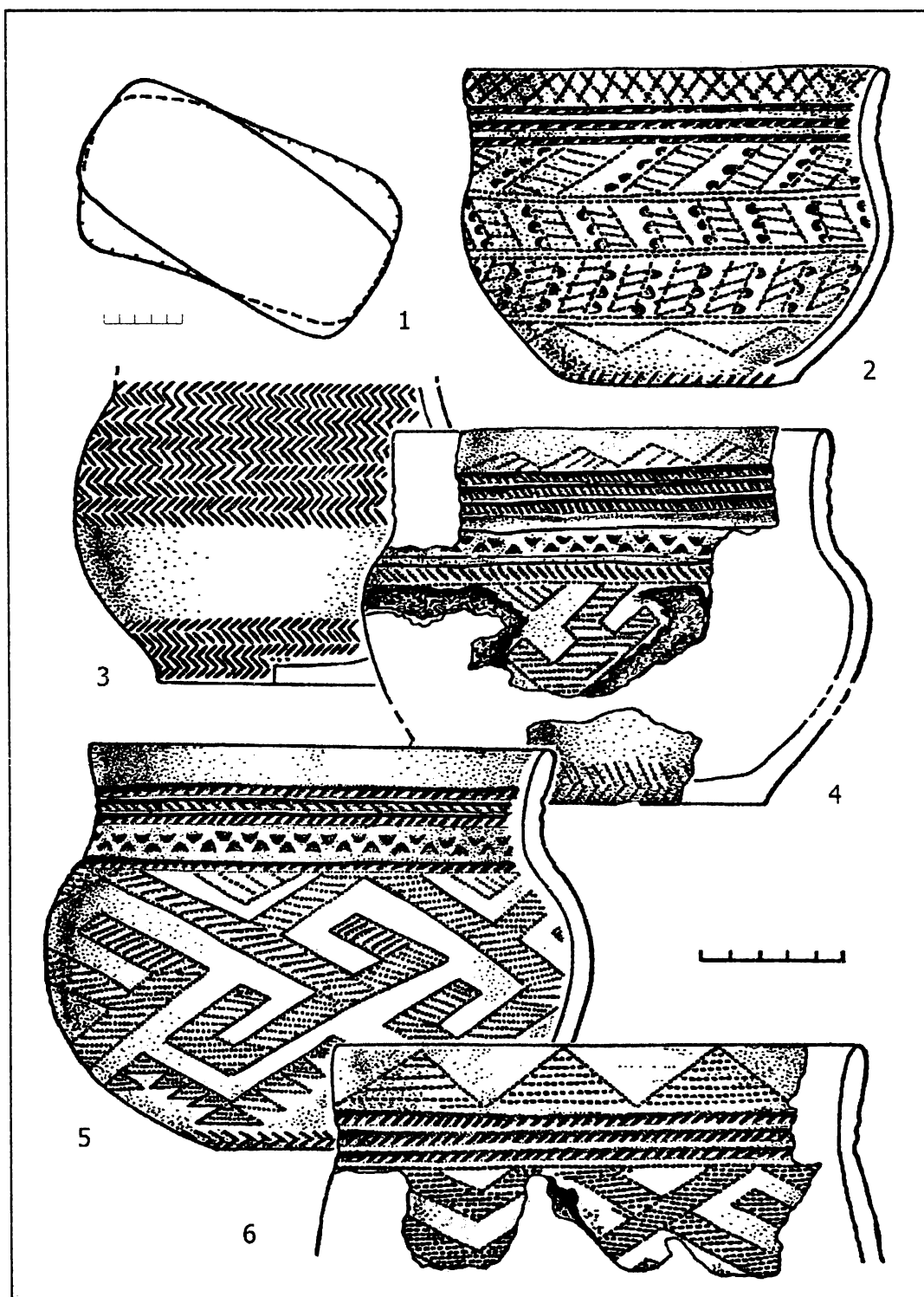

Рис. 18. Могильник Лихачевский (Генинг, Стефанов, 1991):
1 – план погребения 30, 2-6 – сосуды из погребений

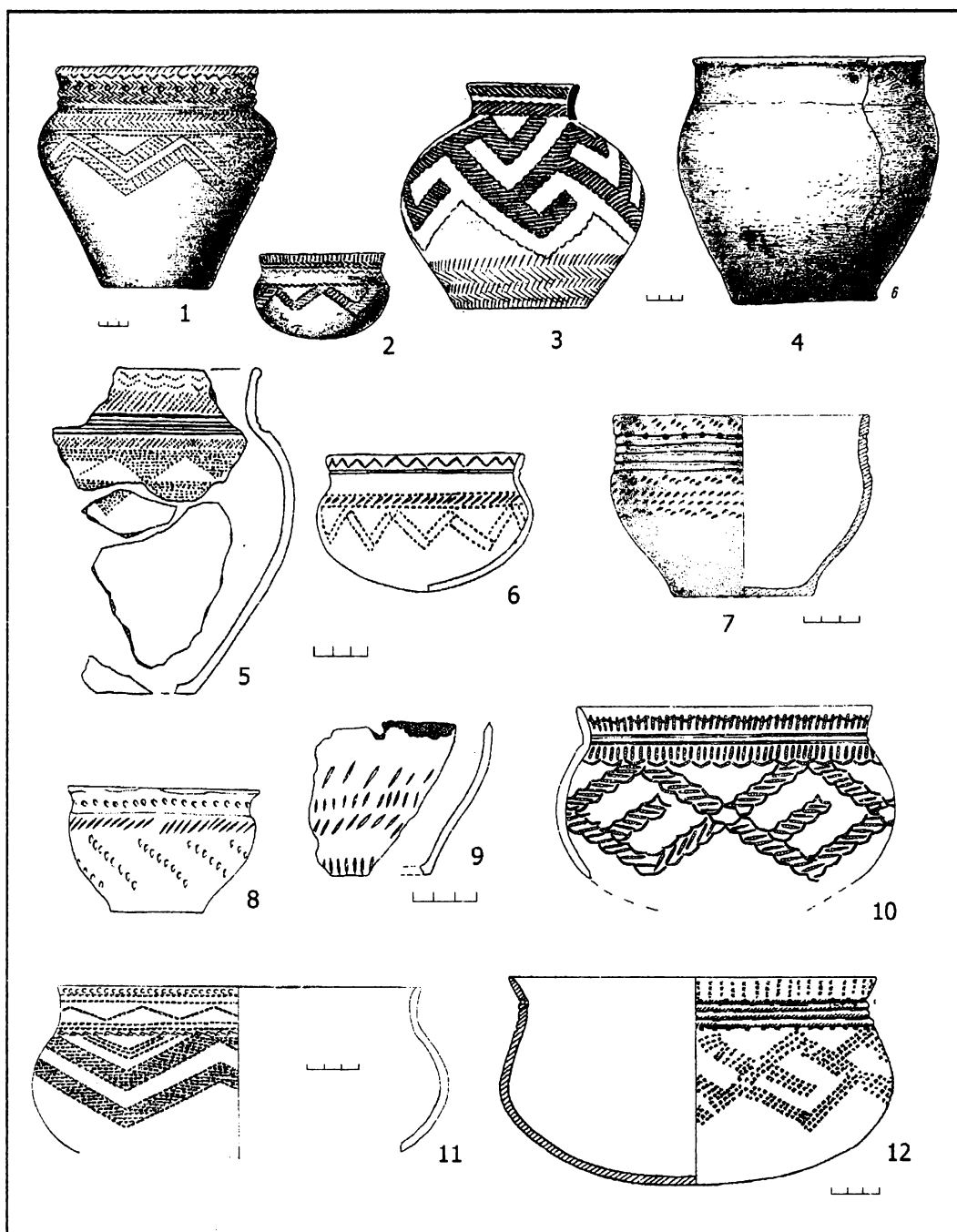

Рис. 19. Керамика из погребальных комплексов Тоболо-Иртышья:

(1-4 – могильник Абатский-1 – см. Мошкова, Генинг, 1972; 5 – Кокуйский-3; 6 – Абатский-3 – см.: Матвеева, 1998; 7 – могильник Нечунаевский; 8, 9, 10 – могильник Усть-Китерья V – см.: Полеводов, Труфанов, 1997; 11 – могильник Батаково XXI – см. Погодин, Полеводов, Плешков, 1997; 12 – могильник Калачевка II – см.: Могильников, 1968)

Памятники бассейна р. Иртыш

Поселение Инберень IV. Большереченский район Омской области, в 500 м к востоку от дер. Инберень. Памятник исследовался раскопками в 1973 г. под руководством Н.К. Стефановой, в 1975 г. – Л.Н. Коряковой (Корякова, Стефанов, 1981). Поселение занимает участок низкой террасы левого берега р.Иртыш, недалеко от старичного озера Круглое. До Иртыша около 2 км. Судя по составу находок, данный участок террасы заселялся в бронзовом и раннем железном веках. В эпоху бронзы здесь проживали носители кротовской и пахомовской культур. В раннем железном веке на этом месте было построено городище саргатской культуры. Выявленные в двух раскопах объекты соотносятся с пахомовским и саргатским периодами обитания.

Исследованные части котлованов пахомовских построек располагались в непосредственной близости друг от друга в северной части раскопа I (**рис. 20**). Авторы первой публикации допускают, что они являются остатками одного сооружения, разрушенного при возведении объектов раннего железного века (Корякова, Стефанов, 1981. С. 181). Обе камеры исследованы частично. Котлован камеры I округло-прямоугольной формы, размером 6.5 x 5 м с выступом в СЗ углу, ориентирован по оси С-Ю, углублен в материк на 15-20 см. В северо-восточной части камеры расчищены остатки очага диаметром 1.8 м. В противоположном юго-восточном углу зафиксировано углубление размером 2 x 2 м, дно которого отмечено на 5 см ниже уровня пола. В заполнении, наряду с большим количеством керамики и костей, найдены бронзовое шило и глиняная литейная форма. Камера II округло-прямоугольной формы размером 6 x 2, ориентирована по оси С-Ю. Наклонные стенки были врезаны в материк на 35-40 см. Северо-восточная часть углублена ниже уровня пола на 5 см. Именно в этом месте располагался напольный очаг диаметром 1.5 м, толщина прокала в этом месте достигала 12 см. Очаг был окаймлен узкой неглубокой канавкой. Судя по большому количеству камней в очажном заполнении и рядом, кострище было оформлено камнями. Рядом с очагом находилась яма (№ 5) диаметром 0.7 м и глубиной 35 см, заполненная костями. Еще одна яма (№ 2), в которой было найдено много костей животных, в том числе обожженных, располагалась между камерами. В камере II, помимо костей, керамики, найдена бронзовая бляшка со штырьком. Столбовые ямки приурочены к стенам котлованов, что указывает на известную автономность выявленных помещений. Зная, что среди пахомовских построек известны многокамерные сооружения, можно предположить, что раскопанные на Инберени IV объекты являются как раз отсеками такого многокомнатного жилища.

В заполнении построек собрана представительная коллекция керамики, есть изделия из кости, бронзы, глины. Керамическая коллекция насчитывает 953 фрагмента от 130 сосудов. Керамика орнаментирована в типичном стиле, для которого характерно сочетание «нарядной» посуды (группа А), украшенной характерными геометрическими и меандровыми мотивами (**рис. 21**, 1-10, 14-19), и ненарядной (группа Б), покрытой простыми монотонными рядами разнонаклонных оттисков (**рис. 22**). Количество «нарядной» керамики составляет около трети от общего количества. Посуда сделана из хорошо промешанной глины с примесью шамота, поверхность сосудов тщательно заглажена, иногда залощена. Декором покрыта обычно верхняя треть сосудов. Нижняя зона шейки зачастую подчеркнута желобками с насечками (**рис. 22**, 2, 4, 5, 8, 9, 10) или изящными (**рис. 21**, 1, 6) валиками. Треугольники различной конфигурации иногда подчеркнуты бахромой из вдавлений (**рис. 21**, 6, 8), меандры – узкими желобками (**рис. 21**, 15, 19). Некоторую специфику инберенской керамики придает характерная манера нанесения узора – тонкие, изящные оттиски гребенчатого или гладкого штампа, создающие своеобразную рельефность узора (**рис. 21**, 7). Подобная особенность присуща, как выяснилось, именно комплексам восточной зоны пахомовского ареала.

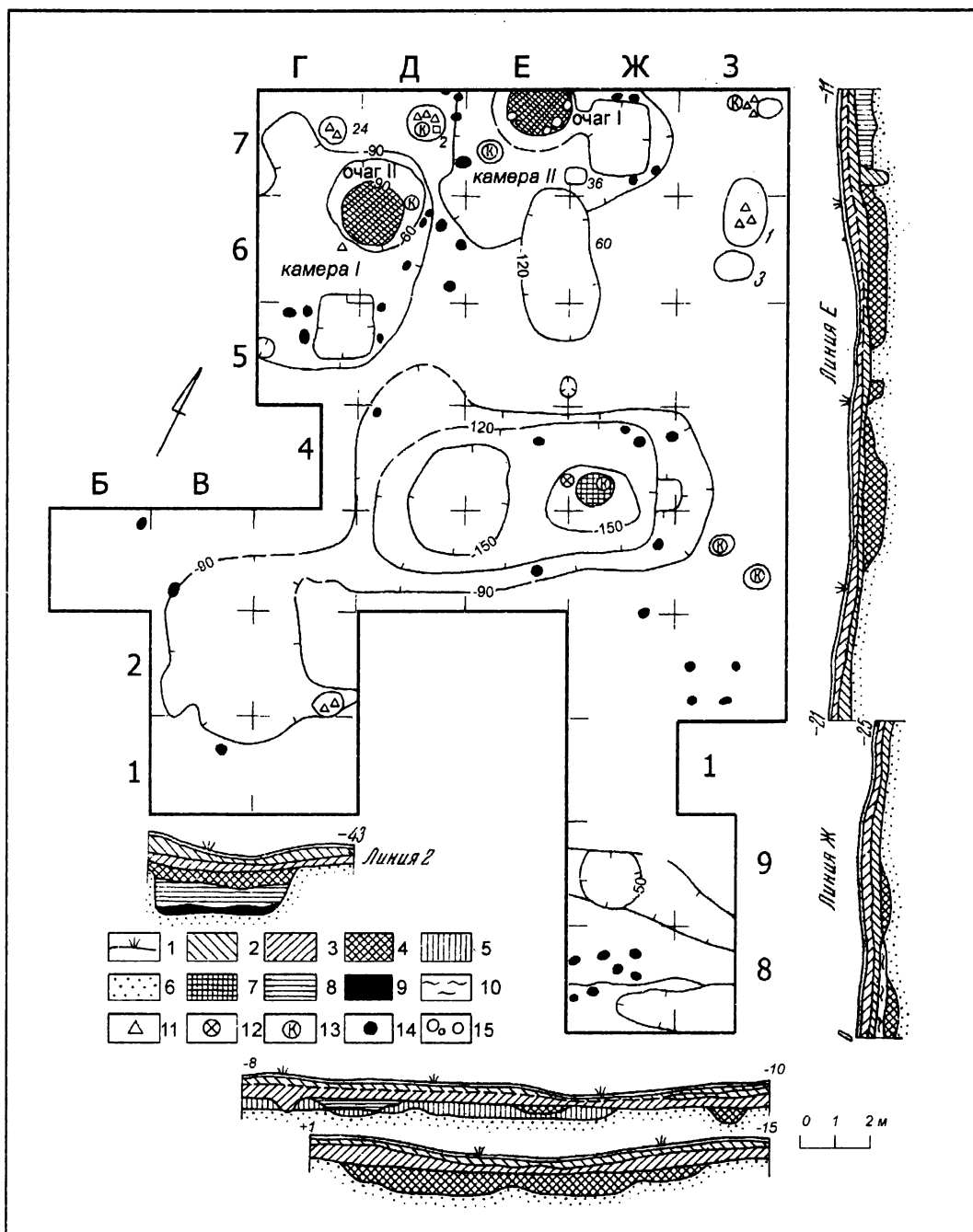

Рис. 20. Поселение Инберень IV. План раскопа (Корякова, Стефанов, 1981):

1- дерн, 2 – современная почва, 3 – светло-серая супесь, 4 – темно-серая супесь, 5 – черный грунт, 6 – песок, 7 – провал, 8 – коричневый грунт, 9 – углистый слой, 10 – светло-коричневый грунт, 11 – керамика, 12 – угли, 13 – кости животных, 14 – столбовые ямки, 15 – камни

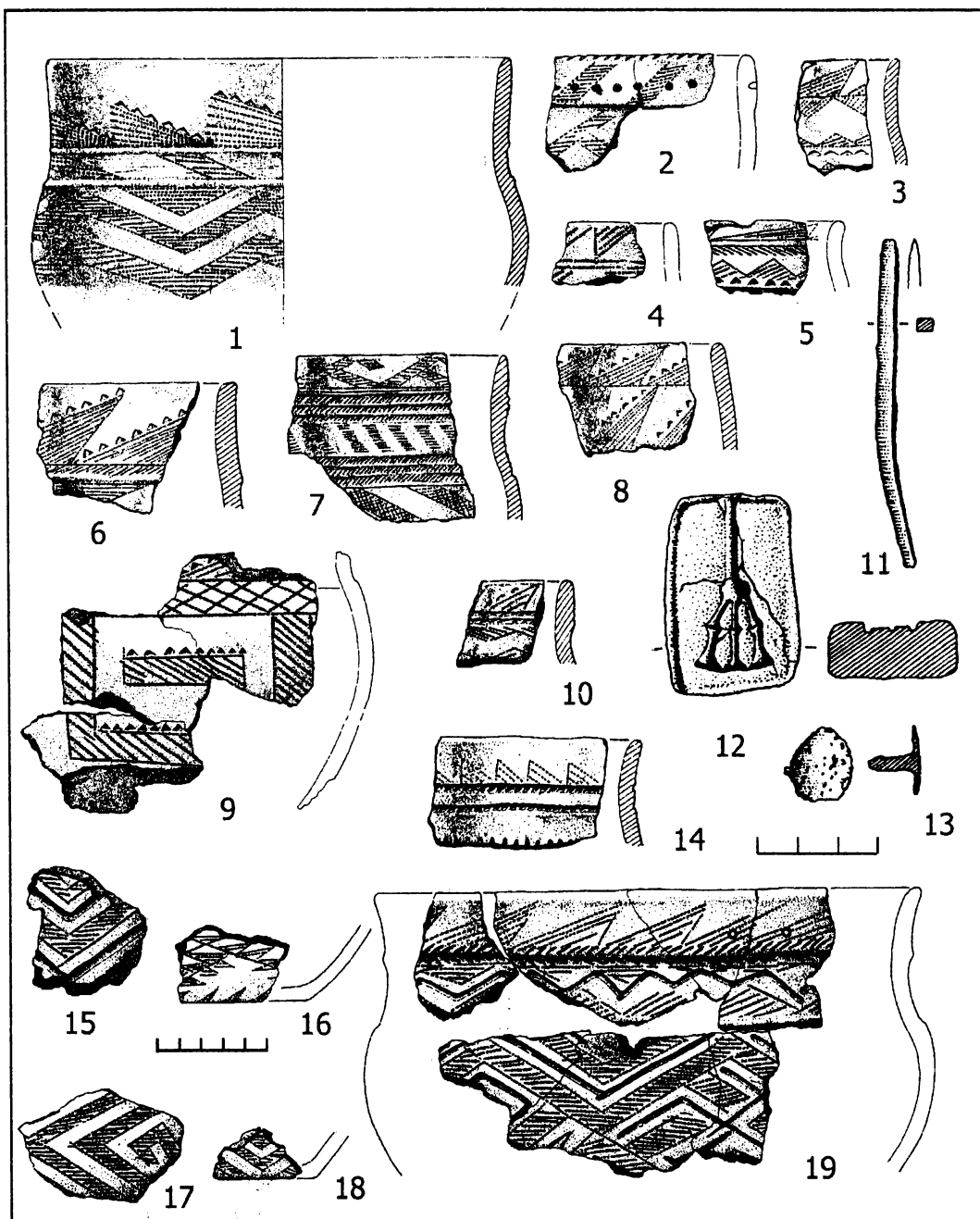

Рис. 21. Поселение Инберень IV:
Керамика (1-10, 14-19), изделия из бронзы (11, 13), глины (12)

Посуда группы Б (**рис. 22**), несомненно преобладающая, представлена сосудами более крупных размеров горшечной и горшечно-баночной формы. В коллекции есть только один сосуд с узкой горловиной, сильно раздутым туловом и широким дном (**рис. 22, 10**). Отличается этот сосуд декором и техникой нанесения орнамента, высоким качеством обработки поверхности. Шейка горшка свободна от орнамента, а вот остальная часть боковой поверхности сплошь покрыта узором из разнонаклонных оттисков, нанесенных тонким штампом. Для основной массы керамики характерна более небрежная обработка поверхности, преобладание горшечно-баночных форм, сплошная орнаментация. Гораздо реже посуду этой группы оформляли желобками с насечками и валиками, совершенно не характерен геометризм. Основу декора составляли разнонаклонные оттиски гребенчатого или гладкого штампов, пояски вдавлений различной формы, прочерченные линии, решетка, зигзаги. Характерным атрибутом декора этой группы являются маленькие круглые ямки (**рис. 22, 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11**).

На иллюстрации, сопровождающей данную работу, отсутствует рисунок целого сосуда (Корякова, Стефанов, 1981. Рис. 3, 13). По мнению, в том числе автора первой публикации, В.И. Стефанова, сейчас больше оснований связывать его с комплексом кротовской культуры данного памятника. Баночная форма сосуда и орнаментированное днище также являются характерными атрибутами керамики ранней поры бронзового века региона (ташковская, одиновская, кротовская культуры).

Вещевой комплекс составляют: бронзовое четырехгранное шило длиной 8.3 см (**рис. 21, 11**), выпукло-вогнутая бляшка со штырьком (**рис. 21, 13**). Замечательной находкой является глиняная форма для отливки ажурного украшения (**рис. 21, 12**). Форма оттиснута в прямоугольном глиняном бруске размером 5 x 2.9 x 1.4 см. В публикации 1981 г. В.И. Стефановым представлена реконструкция подвески, отливавшейся в данной форме (Там же. Рис. 5, 1а). Абсолютные аналогии данному изделию не появились и спустя 30 лет после публикации. Указанные авторами соответствия сохраняют свое значение и поныне. Это лапчатые подвески карасукского времени Центральной Азии (Там же. С. 185). В комплекте с бронзовой бляшкой со штырьком, также указывающей на восточный круг связей, данная находка поддерживает версию о влиянии центров восточноазиатской металлургической провинции в данный период.

Поселение Алексеевка XXI. Муромцевский район Омской области, правый берег р. Иртыш, в 5.5 км к ЮЮЗ от д. Алексеевка. Расположено на останце коренного берега Иртыша в урочище Темеряк. Памятник исследовался в разные годы С.С. Тихоновым, С.Ф. Татауровым (Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я, 1997) и первоначально воспринимался как курганный могильник. Здесь фиксировались небольшие впадины и всхолмления, принятые за курганы. В раскопе исследованы остатки трех построек и одно погребение. К сожалению, авторы не поделились особенностями стратиграфии, а она вызывает много вопросов. Из какой почвы сложены всхолмления, почему основная масса находок происходит из заполнения над котлованами (Там же. С. 165)? Дело в том, что при некотором приближении ситуация на данном поселении напоминает новошадринскую. Быть может мощный слой мешаной супеси (желто-серо-коричнево-черной – см. Там же. Рис. 3) имеет какое-то особое происхождение подобное зольникам? Тем более, что авторы статьи такую возможность вполне допускают (Там же. С. 189).

Полученный во время раскопок материал позволяет уверенно выделять в его составе два разновременных комплекса – пахомовский и ирменский. С периодом пахомовской культуры связано жилище 1, ирменской – погребение и жилище 3. Жилище 1, раскопанное полностью, сооружено на основе слабоуглубленного (3-10 см) котлована подпрямоугольной формы размером 5.5 x 2.2 м, ориентированного длинными стенами по С-Ю. В середине восточной стенке зафиксирован выступ, который можно рассматривать как выход. Но учитывая особенности архитектуры домов пахомовской культуры, можно предположить, что он находился в торцевой южной стене,

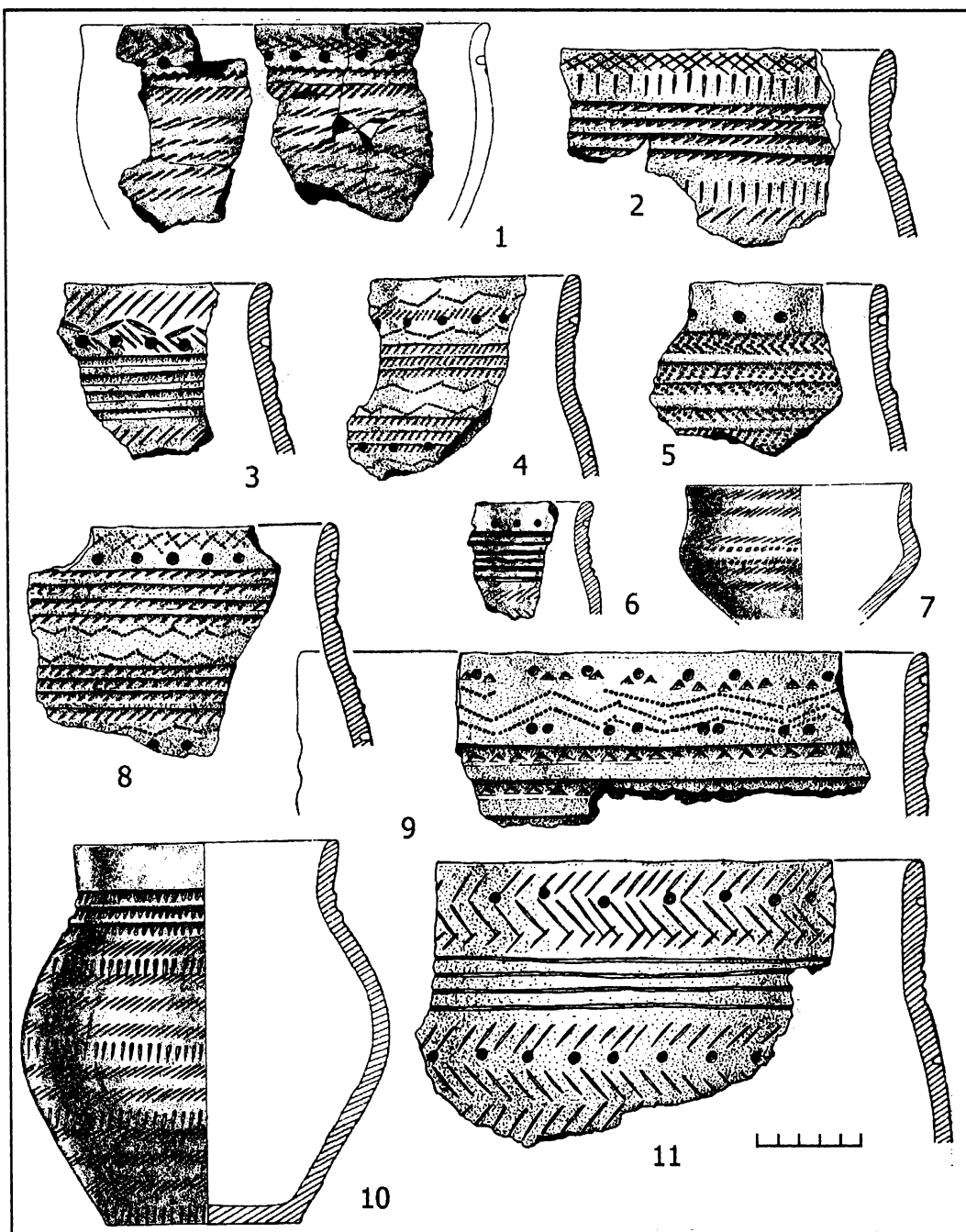

Рис. 22. Поселение Инберень IV.
Керамика

разрушенной сооруженным здесь позже ирменским жилищем. Ближе к северо-восточному углу котлована располагался малый очаг (25 x 28 см), вдоль западной стены – ряд ям, в заполнении некоторых из них сохранились куски обожженной глины. В северо-западном углу котлована обнаружен череп лошади (?), обращенный на запад.

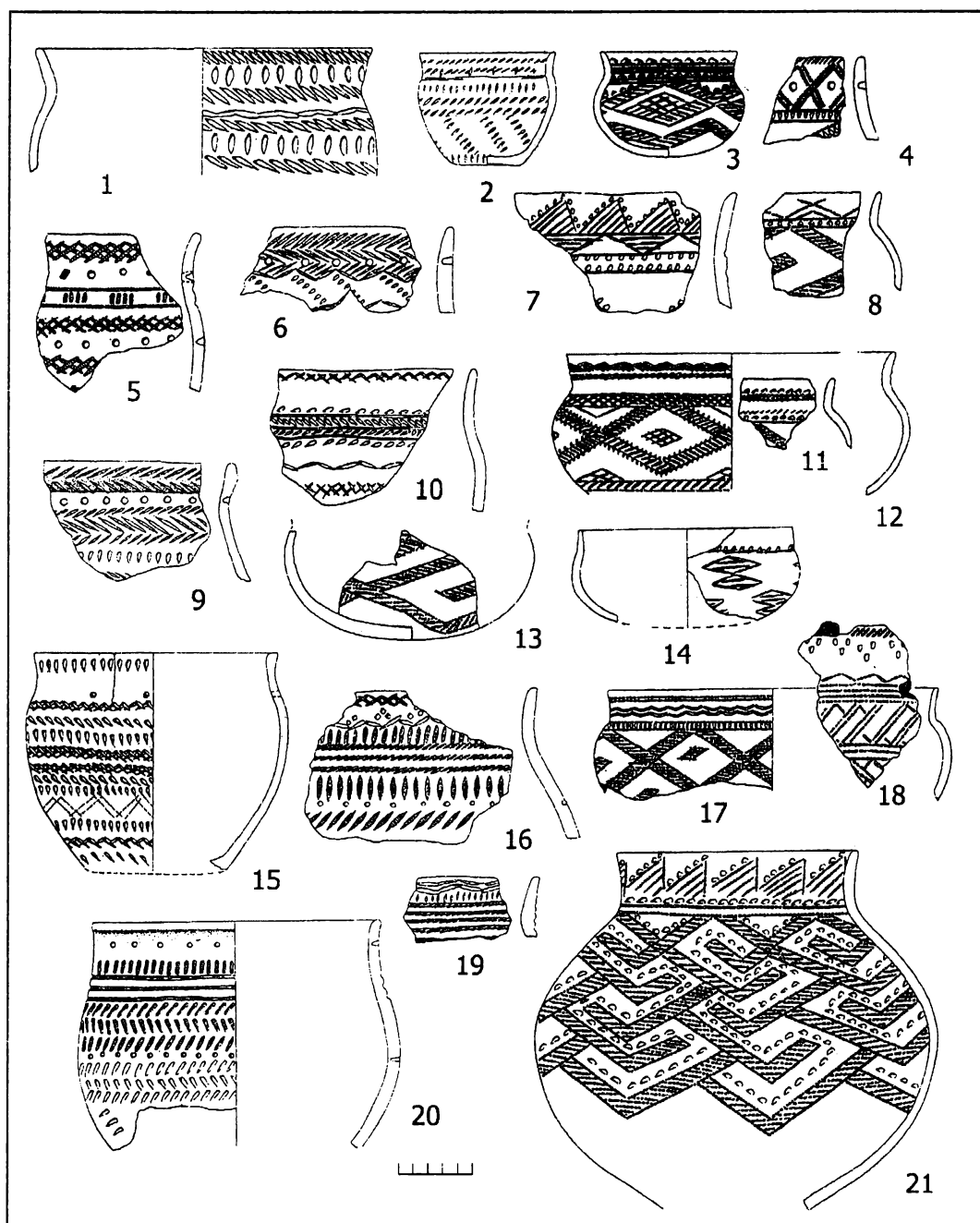

Рис. 23. Поселение Алексеевка XXI (Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997)

Керамика (**рис. 23**) и вещи, обнаруженные в заполнении жилища – типичные атрибуты пахомовской культуры. Остальные, найденные в культурном слое поселения, изделия, достоверной культурной и хронологической атрибуции не имеют. Они в равной степени могут принадлежать и пахомовскому и ирменскому комплексам, поэтому из перечня исключены.

Поселение Усть-Китерья I. Омская область, район Больших Крутинских озер. Юго-западный берег оз. Салтаим, в 2 км к ЮЮВ от д. Усть-Китерья. Открыт И.Ф. Конюшенко, исследовался в разные годы А.Ф. Палашенковым, И.Г. Глушковым, А.Я. Труфановым, А.В. Полеводовым (Полеводов, 1999. С. 86-87). Исследованы остатки двух жилищ и захоронение ребенка. Культурно-хронологическую принадлежность погребения авторы не определили. Найденные рядом, в том числе фрагменты средневекового сосуда, а также стратиграфическое расположение останков погребенного, вынуждают сомневаться в датировке его бронзовым веком. С другой стороны, зная, что безинвентарные захоронения на территории поселений пахомовской культуры – явление типичное, стоит учитывать факт наличия погребения.

Жилища исследованы в разных объемах. Сооружение I раскопано практически полностью, от второго сооружения в пределах раскопа оказался небольшой участок котлована, врезанного в материк на 20-40 см.

Жилище I было сооружено на основе котлована подпрямоугольной формы площадью 80 кв. м, углубленного в материк на 30-60 см, ориентированного по сторонам света. Сооружение, скорее всего, было многокамерным. Восточная стенка раскопанной камеры посредством узкого коридора длиной 3 м и шириной 1 м, соединялась с соседним помещением. Размер и конфигурация котлована примыкавшей камеры остались невыясненными. Но именно в этой части, в юго-западном углу смежной камеры, находилось парциальное захоронение ребенка.

Интерьер жилища составляют два очага, несколько хозяйственных ям и столбовые ямки. Один очаг размером 85 x 120 см, мощностью до 16 см, располагался в центре. Очаг II размером 50 x 85 см (толщина прокала не превышала 4-5 см) был сооружен в юго-восточном углу котлована. Ямы различной конфигурации размещались преимущественно вдоль северной стены котлована, некоторые из них сохранили фрагменты глиняных «лепешек»-кирпичиков. Многочисленные столбовые ямки зафиксированы преимущественно по периметру котлована, несколько ям, большего диаметра, располагались дугой в центре жилища.

Коллекция включает керамику (более 1000 фрагментов), изделия из глины (фрагмент грузила с двумя перехватами), камня (в том числе из талька). Керамика представляет типичную серию посуды пахомовского типа (**рис. 24**), среди которой есть несколько сосудов с округлым дном и небольшое плоскодонное блюдо (Там же. Рис. 7, 11). На представленной в публикации иллюстрации один из фрагментов самые близкие соответствия находит в материалах алексеевско-саргаринской культуры (Там же. Рис. 7, 5).

Поселение Прорва. Тарский район Омской области. Устье р. Тары (правый приток Иртыша, в 1.5 км к северо-западу от д. Усть-Тара. Памятник исследован отрядом Уральского госуниверситета в 1965 г. под руководством В.В. Евдокимова (Евдокимов, Стефанов, 1980).

Поселение занимает участок левобережного мыса (высотой до 4 м) р. Прорвы, впадающей справа в р. Тару. На поверхности прослеживались две жилищных впадины округлой формы диаметром около 10 м, глубиной до 0.3 м. 4 раскопами исследовано 240 кв.м. Раскопы I, III, IV имели малонасыщенный культурный слой, какие-либо объекты здесь не выявлены. В раскопе II, приуроченном к впадине I, исследованы остатки жилой постройки.

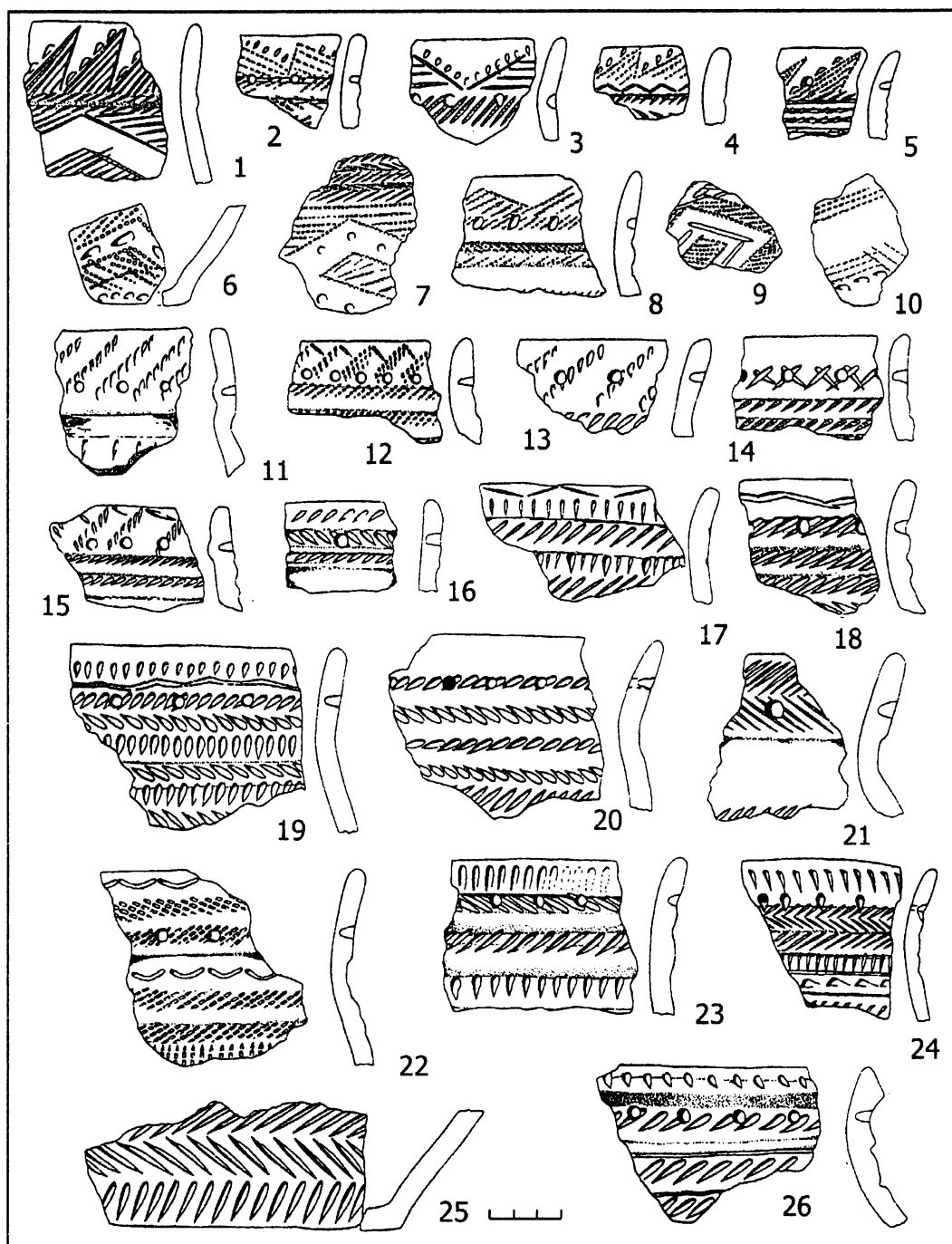

Рис. 24. Поселение Усть-Китерма 1 (Полеводов, 1999)

Котлован подквадратной формы размером 9.6 x 9.3 м, ориентирован длинными стенами по оси СЗ-ЮВ (рис. 25, 1). Стенки котлована были углублены в материк на 35-50 см. Выход в виде узкого коридора (длиной 3 м, шириной 1.5), устроенный в середине северо-западной стенки, обращен в сторону реки. Достаточно ровный пол на ширину 3-3.5 м вдоль западной стенки был углублен на 8-10 см. Очаг диаметром 0.5 м, сложенный из небольших круглых лепешек-кирпичиков, располагался в южном углу на расстоянии около 1 м от стен. Внутри жилища находились три хозяйственных ямы: около очага, выхода и восточной стенки. На дне ямы III рядом с очагом зафиксирована прослойка золы. Столбовые ямки диаметром 8-10 см, глубиной 10-15 см, располагались вдоль осевой линии котлована и около очагов.

Артефактный набор представлен керамикой (1250 фрагментов от 127 сосудов) и костями животных. Авторы публикации, представляя результаты статистической обработки керамического комплекса, предложили выделить в его составе 3 основных группы. В основу деления были положены особенности формы и декора. Каждая группа в свою очередь представлена двумя типами. В современном описании сделана попытка упростить многоступенчатую характеристику керамического комплекса Прорвы, исходя из общей специфики андроновидных комплексов. Основу сервиза (75 %) составляют сосуды горшечной или горшечно-баночной формы с невысокой шейкой и слабо раздутым туловом, покрытые монотонным декором из рядов разноманерных оттисков в сочетании с рядами наколов, лесенок, решетки, ямок (рис. 25, 2-14). Возможно, орнамент покрывал сосуд сплошь. Переход от шейки к плечу нередко подчеркнут желобками с насечками. В составе прорвинской коллекции выделяется группа посуды с короткой прямой шейкой, плавным переходящей в раздутое тулово с уплощенным или округлым дном. Сосуды имеют тщательно заглаженную поверхность. В декоре этой посуды преобладают геометрические мотивы (треугольники, в том числе с бахромой, меандры, ленточные зигзаги, ромбы). Шейка зачастую оставалась свободной от орнамента, а переходная зона к тулову подчеркивалась каннелюрами с насечками или рядами угловых вдавлений. Орнамент наносился гребенчатым штампом с мелкими зубцами. Ямки в украшении таких сосудов не использовались, но встречаются жемчужины.

Особое место в коллекции занимают миниатюрные сосудики (около 4 %), повторяющие основные формы поселенческих емкостей.

Публикуя в свое время материалы Прорвы, авторы обращались в поисках аналогий к керамике сузгунской, еловской, черкаскульской, карасукской культур и комплексам, которые позже были названы пахомовскими (Там же. С. 48-49). Материалы Инберени IV, Черноозерья II, Лихачевских курганов и т.п. будут опубликованы позже, а тогда авторы вынуждены были ограничить свои поиски в рамках тех памятников, которые были известны специалистам. С позиций сегодняшнего дня Прорва воспринимается как пахомовский памятник, обладающий несомненным локальным своеобразием. Это своеобразие создается за счет солидной доли посуды, украшенной в ирменском стиле. Трудно и сейчас ответить на вопрос – это результат зарождающихся в среде андроновидных образований Прииртышья и Приобья элементов, которые позже станут ведущими признаками орнаментики ирменской культуры, или результат восточного влияния. Если в начале 1980-х гг. роль карасукского вклада казалась очевидной, то сейчас, учитывая наличие между собственно карасукским и андроновидными ареалами местных ярких культурных образований, можно предполагать и другой вариант сценария. Но в целом, прорвинский комплекс вполне гармонично вписывается в круг памятников пахомовской культуры, возможно, более поздней стадии ее развития, отмеченной началом действия «ирменского фактора».

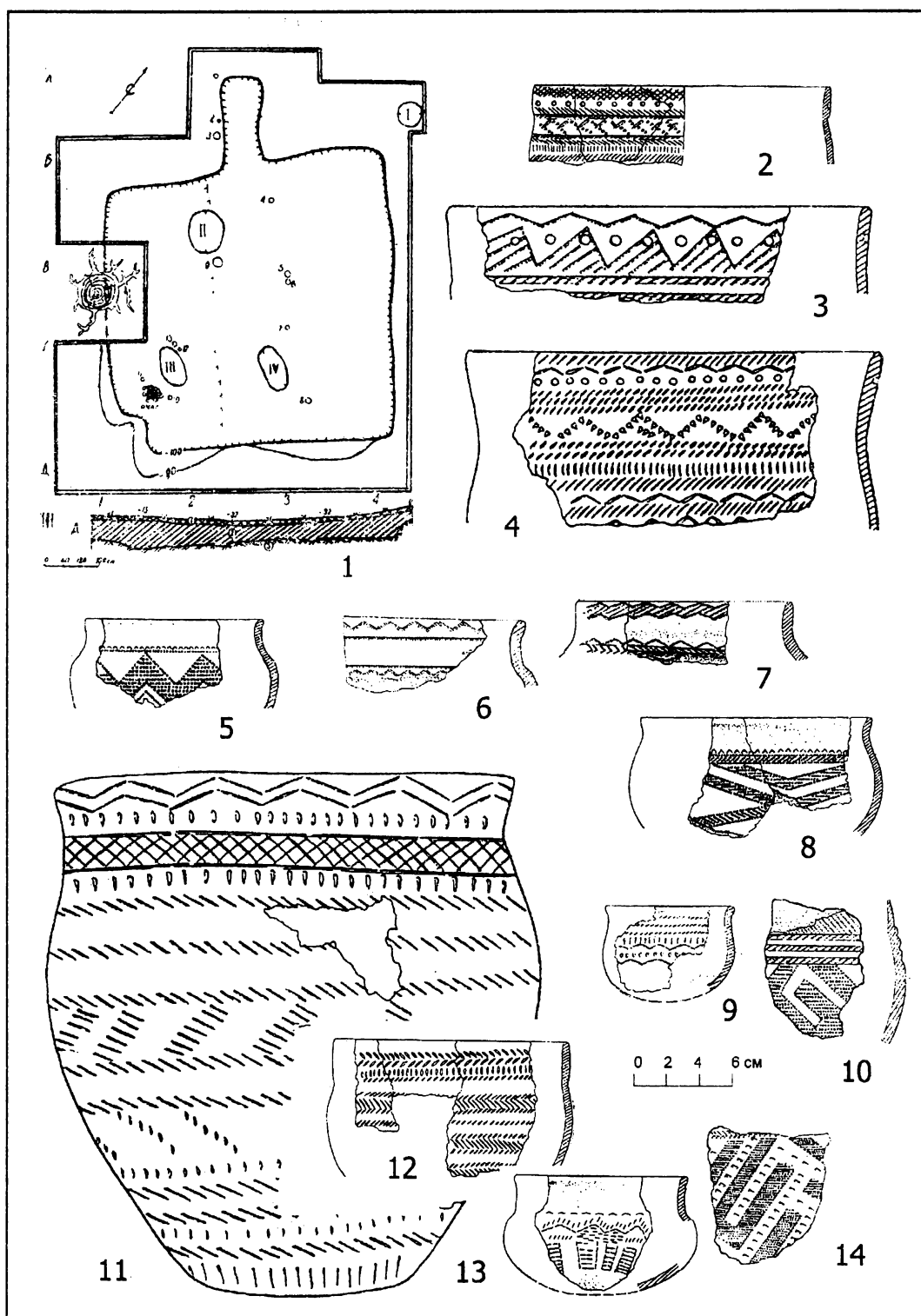

Рис. 25. Поселение Прорва (Евдокимов, Стефанов, 1980)

Какие еще поселения в Прииртышье относятся к пахомовской культуре? Полагаю, что в качестве таковых могут рассматриваться памятники, раскопанные в районе Крутинских озер, Окунево, поселения Юрт-Бергамак, Бешаул, Нижняя Тунуска. А.В. Полеводовым они интерпретируются как сузгунские, вернее, раннесузгунские. Ниже будет представлена авторская версия соотношения пахомовских и сузгунских комплексов, которая объяснит отнесение данных комплексов именно к кругу пахомовских. Как пахомовский может быть атрибутирован один из комплексов поселения Новочекино-3 (Молодин, 1985. Рис. 74).

Представительный комплекс пахомовской керамики присутствует в слоях поселения Жар-Агач на юге Омской области. Нововаршавский район Омской области, 2,5 км к северу от аула Жар-Агач, левый берег р. Иртыш. Поселение расположено на невысоком останце. На поверхности прослеживается 27 жилищных впадин, расположенных двумя рядами. Памятник открыт в 1976 г. В.Т. Петриным. Раскапывался отрядом Омского государственного университета под руководством Л.Р. Ротермель в 1979-1980 гг. Несмотря на ограниченный объем публикации, автору удалось передать специфику комплекса, обозначить корректный круг аналогий, акцентировать многие актуальные моменты (Сотникова, 1986).

В раскопе площадью 238 кв.м. исследованы остатки одного жилища. Котлован подквадратной формы площадью 130 кв.м. был углублен в материк на 40-70 см, ориентирован по сторонам света. Выход (шириной около 1,5 м) прорезал западную стенку. Столбовые ямки диаметром 13-20 см, глубиной до 20 см располагались преимущественно вдоль стен внутри котлована. Одна из ям, самая большая – диаметром 25 см, забутованная камнями, была устроена ближе к центру постройки. Автор публикации сообщает также о наличии полосы слегка обожженной глины шириной 10-80 см вдоль западной стенки. Иные детали интерьера (очаги, ямы) не зафиксированы. Рядом с северо-восточным углом котлована находилась яма диаметром до 2 м, в заполнении которой обнаружены обожженные кости, куски прокаленной глины, оплавленная бронза, изделия из кости, бронзы, керамика.

В слое поселения собрано более 900 фрагментов керамики от 100 сосудов. По составу теста, форме, декору, С.В. Сотникова разделила весь комплекс на 2 группы. 1 группа включает фрагменты 32 сосудов, изготовленных из хорошо отмученной глины с мелкозернистыми добавками шамота, слюды. Поверхность сосудов тщательно заглажена, иногда со следами лощения. Сосуды преимущественно горшечной формы с невысокой шейкой, слегка отогнутой наружу. Среди посуды первой группы выделяются сосуды, орнаментированные геометрическими узорами андроновского типа, и украшенные простым монотонным узором из разнонаклонных насечек, «елочки», «лесенок» иногда в сочетании с ямками. Орнамент выполнен преимущественно мелкозубым гребенчатым штампом. Переходная зона от шейки к плечу подчеркнута каннелюрами с насечками (**рис. 26**, 1-6, 14, 16-17).

2 группа керамики представлена фрагментами не менее 70 сосудов и является основной на поселении. Сосуды изготовлены из грубого теста с примесью дресвы, песка, шамота. Посуда толстостенная, обработка поверхности небрежная. Горшки с невысокой шейкой, прямой или слегка отогнутой наружу, тулово раздутое. Орнаментация скромная, преимущественно в зоне перехода от шейки к плечу. Отличительной деталью является наличие формованных или налепных валиков, часто орнаментированных. Основные элементы орнамента – ряды насечек, елочка, ромбическая сетка (**рис. 26**, 18-21).

С.В. Сотникова специально подчеркнула в публикации единство раскопанного комплекса, что подтверждается свидетельствами стратиграфического и планиграфического свойства. Выделение двух основных групп керамики подтверждается различием технологических, морфологических и орнаментальных приемов изготовления, что прямо указывает на их различную культурную принадлежность. В поисках аналогий 1 группе керамики она обоснованно обратилась к материалам пос. Инберень IV и Прорва, 2 группы – к памятникам алексеевско-саргаринской культуры.

С поселения происходит большое количество бронзовых предметов, что характерно для памятников степной полосы, обладавших собственными металлообрабатывающими центрами. Среди находок: стрелы, шилья, гвоздевидные нашивки, долото, нож, бусины (**рис. 26**, 7-13). Долото плоское с упором в средней части, параллельными гранями, несколько суживающимися книзу, рабочий край заточен. Стрелы двухлопастные (2 экз.) со скрытой втулкой, круглой в сечении (**рис. 26**, 12, 13).

Изделия из бронзы характерны для памятников периода ПБВ-3 (алексеевско-саргаринские, бегазы-дандыбаевские, ирменские, карасукские – ранней фазы развития) и конкретной культурной атрибуции не имеют. В отсутствие химических анализов металла судить об их конкретной принадлежности производящим центрам Восточноазиатской или Евразийской провинции не приходится. Однако, учитывая культурную принадлежность основного керамического комплекса, присоединяюсь к выводу С.В. Сотниковой (Там же. С. 53) о возможности их поставок из центров, приуроченных к массиву алексеевско-саргаринской культуры. Многочисленные аналогии в памятниках степного пояса – Кент, Бегазы, Дандыбай, Саргары II, Явленка, Новоникольское, Сангру III и др., подтверждают эту версию.

Учитывая современную атрибуцию Инберени IV и Прорвы в рамках пахомовской культуры, можно уточнить и культурно-хронологическую позицию пос. Жар-Агач. По керамике, домостроению, металлу памятник явно тяготеет к алексеевско-саргаринской культуре. Его трудно назвать синкретичным, т.к. в облике керамики не прослеживаются какие-либо заимствования. Перед нами два совершенно определенных культурных комплекса – алексеевско-саргаринский и пахомовский, свидетельствующих о тесных связях носителей данных культур.

Могилище Черноозерье II. Саргатский район Омской области, в 1-1.5 км к ЮЗ от дер. Черноозерье, левый берег р. Иртыш. До Иртыша на ЮВ около 3 км. Комплекс интересующего времени выявлен на окраине огромного погребального поля, известного как могилище Черноозерье I (Генинг, Стефанов, 1991; Генинг, Стефанова, 1994). Памятник занимает участок коренной террасы площадью около 4000 кв.м.

Могилище Черноозерье II, включающий 4 погребения и 2 ямы, располагался примерно в 40 м от крайних погребений юго-западной окраины могилища Черноозерье I. Объекты вытянуты цепочкой на протяжении 23 м вдоль береговой линии (**рис. 27**, 1).

Могила 1 была устроена в яме квадратной формы размером 1.5 x 1.25 x 0.65 м с заплечиками вдоль длинных стен. Ширина заплечиков в восточной части -10-15 см, 30-35 см – в западной, высота от края ямы – 25 см. В могилу были помещены три сосуда: два сосуда стояли в центре, один – в западном углу (**рис. 27**, 6). Рядом с последним лежала бронзовая бляшка (**рис. 27**, 5).

Могила 2 прямоугольной формы с закругленными углами размером 1.6 x 1.25 x 0.68 м, ориентированная по оси СЗ-ЮВ, с заплечиком вдоль северо-восточной стенки шириной 20 см и высотой до 0.5 м. В центре могилы сохранилось несколько костей человека, в южном углу стоял сосуд (**рис. 28**, 1, 2).

Могила 3 неправильной формы размером 2.65 x 0.6 x 0.5-0.6 м. Ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. В центре стоял сосуд, рядом с ним найдена бронзовая бляшка (**рис. 28**, 3, 5, 7).

Могила 4 вытянутой овальной формы размером 2.25 x 0.9 м, глубиной 0.8 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. На дне в беспорядке лежали кости человека. Череп располагался в юго-восточной части могилы. У северо-западной стенки, в области костей ног стоял сосуд (**рис. 28**, 4, 6). Авторы раскопок предположили, что здесь было совершено погребение вытянуто на спине (Генинг, Стефанов, 1991. С. 54). Однако, зная, что среди пахомовских погребений, много захоронений совершенных по вторичному обряду, не исключено, что и в данном случае в могилу помещены кости человека, которым был придан анатомический порядок.

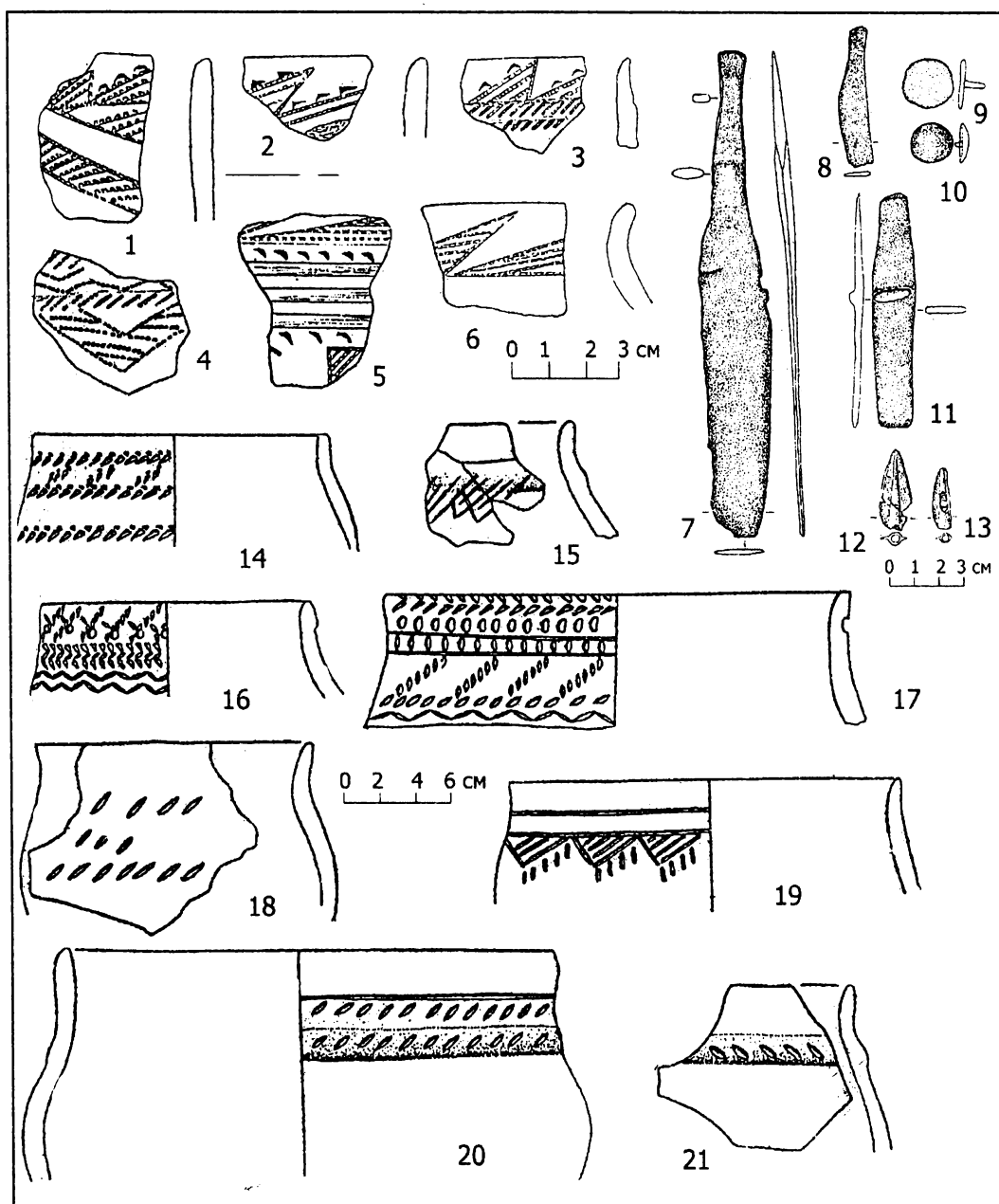

Рис. 26. Поселение Жар-Агач (Сотникова, 1986).
Керамика (1-15, 14-21), изделия из бронзы (7-13)

Остальные известные в лесостепной полосе погребения – на поселении Усть-Китерья IV, могильниках Усть-Китерья V и Батаково XXI, авторами раскопок атрибутируются как сузгунские (Полеводов, 2003. С. 9). Однако, те немногочисленные сосуды, которые определяют культурную принадлежность перечисленных комплексов, вполне соответствуют стандартам пахомовской посуды. Тем более, авторы сами указывают на отсутствие ирменских элементов в их орнаментике, что также склоняет чашу весов в пользу пахомовской принадлежности (Труфанов, Полеводов, 1997. С. 21).

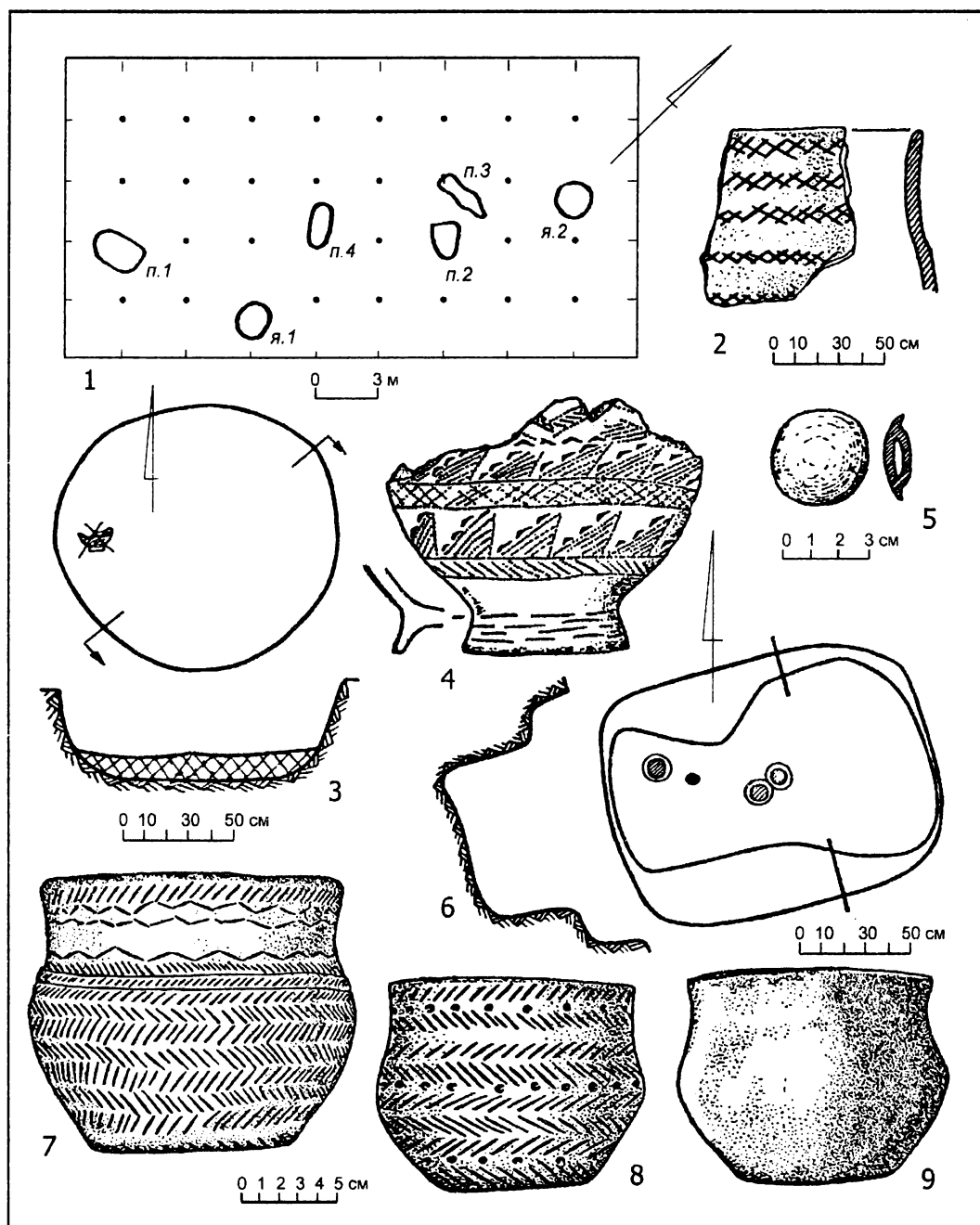

Рис. 27. Могильник Черноозерье II (Генинг, Стефанов, 1991):
 1 – план раскопа; 2, 3 – яма 1; 4 – погребение 2; 1, 2, 3, 5 – погребение 1. 5 – бронза, 2, 4, 7-9 – керамика

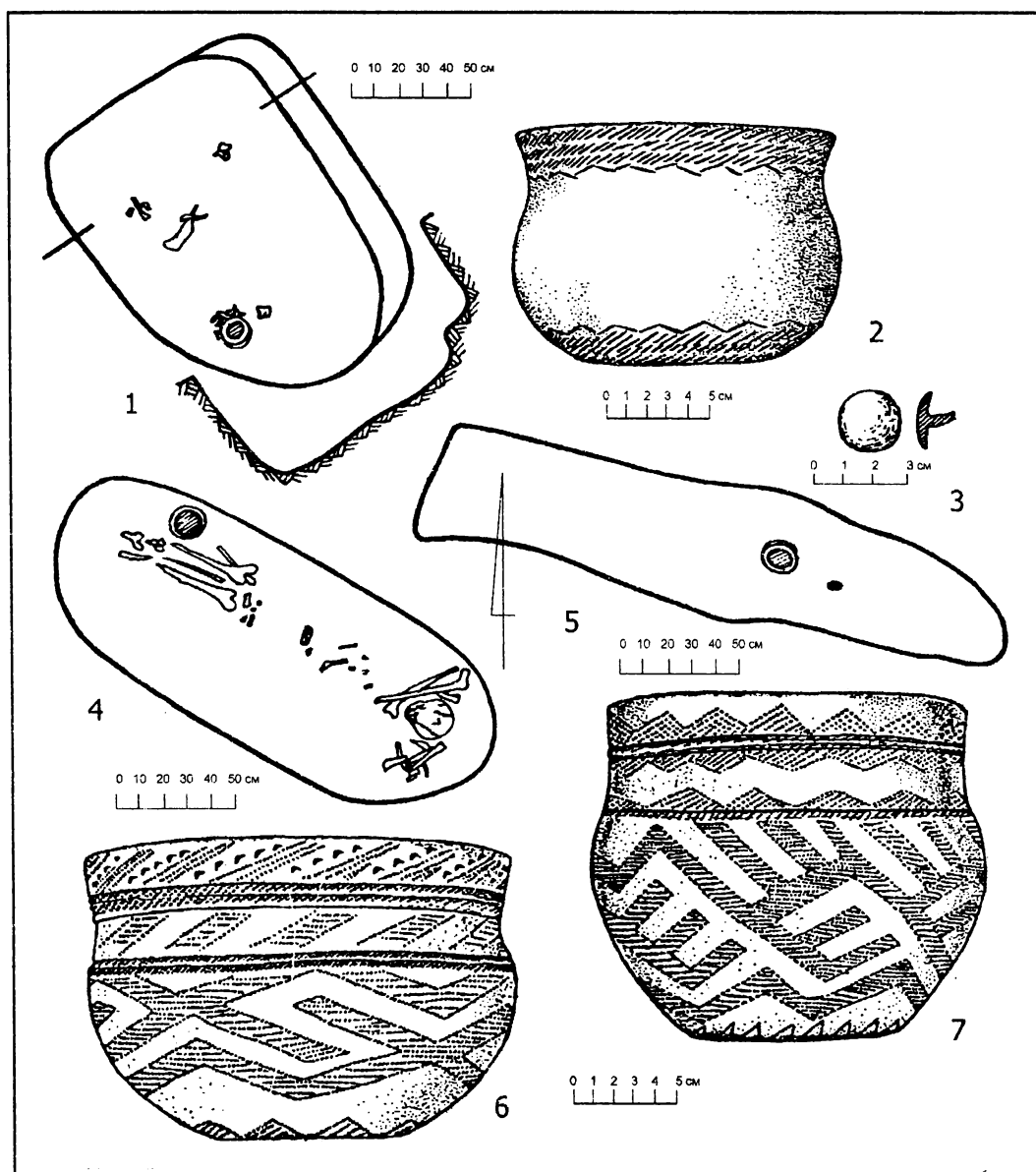

Рис. 28. Могильник Черноозерье II (Генинг, Стефанов, 1991):
1, 2 – погребение 2; 4, 6 – погребение 4; 3, 5, 7 – погребение 3. 3 – бронза, 2, 6, 7 – керамика

Воспользуюсь описанием погребальных ансамблей, представленных в краткой публикации омскими коллегами (Там же. С. 20. 21). К сожалению, авторы опустили описание памятников. Из текста публикации можно понять, что они расположены в непосредственной близости. А.В. Полеводов уточнил, что расстояние между поселением Усть-Китерма IV и могильником Усть-Китерма V не превышает 150 м. Данное замечание имеет существенное значение. В таком случае вырисовывается картина близкая новошадринской, а примеры обустройства погребальных ансамблей на окраине поселений приобретают повторяемость.

На поселении Усть-Китерья IV обнаружены одиночное погребение ребенка скорченно на боку со слегка подогнутыми ногами, и коллективное захоронение, по крайней мере, 10 человек. Их останки представлены неполными костяками, верхняя часть посткраниального скелета кремирована почти полностью, нижняя в меньшей степени. Костяки были уложены в два ряда, вытянуто на спине, головой на С и СЗ (за исключением одного умершего, уложенного скорченно на боку). Захоронение было засыпано поселенческим слоем, образуя на поверхности слабое всхолмление.

В кургане 2 могильника Усть-Китерья V обнаружены останки как минимум 37 человек, захороненных двумя компактными группами. Частично кремированные или обожженные костяки, представленные преимущественно фрагментами черепа и конечностей, были уложены двумя компактными группами на древней поверхности. При захоронении костям пытались придать подобие анатомического порядка – вытянуто на спине, черепа были обращены на СВ. Останки еще двух, не тронутых огнем, костяков располагались на периферии и были представлены только фрагментами черепа и нижних конечностей. На культурную принадлежность указывают обломки трех сосудов (**рис. 19, 8-10**), обнаруженные среди антропологических остатков.

Исследователи полагают, что раскопанный погребальный ансамбль представляет собой остатки склепа, использовавшегося в течение длительного времени. Останки умерших укладывались в 2-3 ряда (Там же. С. 20). За рамками статьи остались представления исследователей о том, каким образом осуществлялись погребальные церемонии. Судя по всему, в склеп помещались не тела, а уже кремированные или частично обожженные кости, которым придавался анатомический порядок и определенное положение. В таком случае существование склепа в непосредственной близости от жилых сооружений вполне объяснимо – он не создавал неизбежных при таком способе погребения (в наземном сооружении) неудобств. Однако информации для полноценного анализа этого интересного комплекса, недостаточно.

По вторичному обряду совершенно захоронение в кургане могильника Батаково XXI (Погодин, Полеводов, Плешков, 1997. с. 121-126) в Прииртышье. Памятник находится в Большереченском районе Омской области, в 9 км к З от дер. Боровянка. На гриве высотой до 4 м в пойме левого берега р. Иртыш. Курганное поле размером 235 x 145 м насчитывает 24 кургана. Раскопанный курган 10 подпрямоугольной формы размером 14 x 12 м, высотой 0.8 м. В насыпи обнаружены находки связанные с поселенческим слоем (датировка и культурная принадлежность не указаны). Под насыпью находилось углубление подпрямоугольной формы с уступом размером 6.7 x 4.4 м, ориентированное по оси С-Ю, углубленное в материк на 50-60 см. Внутри этого углубления сохранились остатки деревянных обожженных конструкций, которые, по мнению авторов, являются обкладкой могилы (Там же. С. 125). Размеры оконтуренной деревом площадки 1.5 x 2.8 м. В пределах деревянной конструкции расчищены кости человека, лежавшие в беспорядке. Часть костей и фрагменты черепа обожжены. Изящный приземистый сосуд, украшенный ленточными зигзагами (**рис. 19, 11**) находился в 1 м от останков у края общего углубления.

Сосуд типичного пахомовского облика указывает на культурную принадлежность погребения бронзового века, обнаруженного при раскопках кургана раннего железного века Калачевка II (**рис. 19, 12**)

По аналогичном обряду совершенно погребение в могильник Протока в Барабе (Полосьмак, 1987. С. 276-277). При раскопках пяти курганов раннего железного века, в трех из них, были обнаружены погребения, относящиеся к барабинскому варианту сузгунской культуры. Вторичные захоронения были совершены на уровне древней поверхности. Сопровождающий инвентарь представлен двумя сосудами и обломком бронзового ножа.

Каков потенциал составленного к настоящему времени источникового фонда? Он вполне достаточный для того, чтобы составить общее представление о содержании археологической культуры, но явно недостаточный для выявления ее особенностей, прежде всего в области погребальной обрядности, домостроения, хозяйства. О самобытности культуры предупреждают повторяющиеся признаки: многокамерность сооружений, наличие «домашних» и поселенческих святилищ, парциальность захоронений, человеческие останки на поселениях и др. Особого внимания заслуживает изучение памятников, расположенных в контактных зонах. Какие шаги необходимо предпринять в этом направлении? Помимо того, что ощущается острая потребность в полновесных публикациях уже раскопанных объектов, уместно сконцентрировать усилия на комплексном изучении одного-двух памятников, материалы которых способны пролить свет на поставленные вопросы. Одним из таких объектов является поселение Ново-Шадрино VII, на территории которого известны жилища, зольники, погребения, зафиксирована четкая стратиграфия. Расположенные в непосредственной близости от поселения курганы также предоставляют определенные шансы на исследование автономных погребальных комплексов этого времени. Многочисленные остеологические остатки, богатый вещевой инвентарь способны добавить новые штрихи к портрету культуры. Хорошие перспективы сулит местная стратиграфия. Особенностью данного микрорайона является длительный период заселения на протяжении всего бронзового века. В результате перед исследователями разворачивается определенная динамика и в рамках собственно пахомовской культуры, и в рамках всей бронзовой эпохи, о чем наряду со стратиграфией сообщают характерные свидетельства связей в виде инокультурной керамики, металла. И если на Тоболе, такие стратиграфические обстоятельства больших вопросов не вызывают, т.к. там пахомовские слои перекрыты сооружениями бархатовской культуры, то в Прииртышье, подобная ситуация воспринимается не как очевидная. Здесь пахомовские слои перекрыты объектами с керамикой ирменского, сузгунского, алексеевско-сарагаринского типов. Присутствие сузгунской керамики в составе ирменских комплексов, а также большая доля посуды синкретичного ирменско-сузгунского облика, создают впечатление однокультурности верхних и нижних наслоений. В том числе отсюда проистекает проблема соотношения пахомовских и сузгунских комплексов в Прииртышье.

Особого исследовательского внимания заслуживают памятники контактной зоны – типа поселения Жар-Агач, которые проясняют связи лесостепного и степного населения в этот период, пути поставок металла в безрудные районы Тоболо-Иртышского междуречья.

Пахомовская культура

Порядок дальнейшего изложения подчиняется содержательной характеристике археологической культуры (АК). В этом месте можно было бы вступить в дискуссию о содержании и приоритете основных категорий АК. Но, вряд ли есть смысл добавлять что-то к уже известным высказываниям (Генинг, 1985; Захарук, 1976, Каменецкий, 1970; Клейн, 1970; Шер, 2004 и др.). Выделить археологическую культуру можно и по одному признаку. Примеров тому в археологии немало. Гораздо важнее определить для себя: АК – это только категория археологической систематики или инструмент познания прошлого в широком смысле, археолог изучает археологические культуры или историю развития древних обществ? Мне близка позиция тех исследователей, которые при помощи археологической культуры пытаются понять историческое содержание эпохи.

Вслед за В.С. Бочкаревым в качестве оптимальной считаю формулировку, предложенную Кларком: «Археологическая культура – это политетический набор специфических и всеобщих категорий типов артефактов, которые неслучайным образом встречаются вместе в комплексах в пределах ограниченного ареала» (цит. по – Бочкарев, 1995. С. 114). Для реконструкции приближенной к реальной модели необходимо оперировать всем комплексом находок, свидетельствующих о том, как и где жили носители изучаемой культуры, какими они пользовались орудиями, оружием и посудой, как вели хозяйство, хоронили своих сородичей, украшали костюмы; доказать неслучайный характер соотношения специфических и общих категорий. В итоге археологическая культура оборачивается совокупностью взаимосвязанных признаков, отражающих территориальную приуроченность, хронологическую позицию и культурно-историческое своеобразие феномена, воплощенные в доступных для археологического анализа атрибутах: могильники и система погребальной обрядности, поселения и традиции домостроительства, керамика и традиции гончарства, орудия труда, оружие и традиции металлообработки, украшения и этнический костюм, характер хозяйства, система культурных связей, антропологический тип носителей.

Специфику археологических комплексов пахомовской культуры определяет, прежде всего, **керамика**, представленная довольно крупными сериями поселенческой (**рис. 29**, 1-33; **30**, 1-29) и небольшими выборками погребальной (**рис. 29**, 34, 36-40; **30**, 33, 34) посуды. В основном это плоскодонные экземпляры горшечной или горшечно-баночной формы с невысокой шейкой, плавно переходящей в слегка раздутое тулово. Соотношение днища и устья выражалось в пропорции 2:1.3-1.6. В поселенческих наборах встречаются сосуды вытянутых пропорций с маленьким дном и широким устьем, но их мало, единичны округлодонные емкости и сосуды с поддонами. Банки, скорее, исключение, они встречаются крайне редко. Круглодонные экземпляры обычно сопровождается короткая вертикальная шейка, свободная от

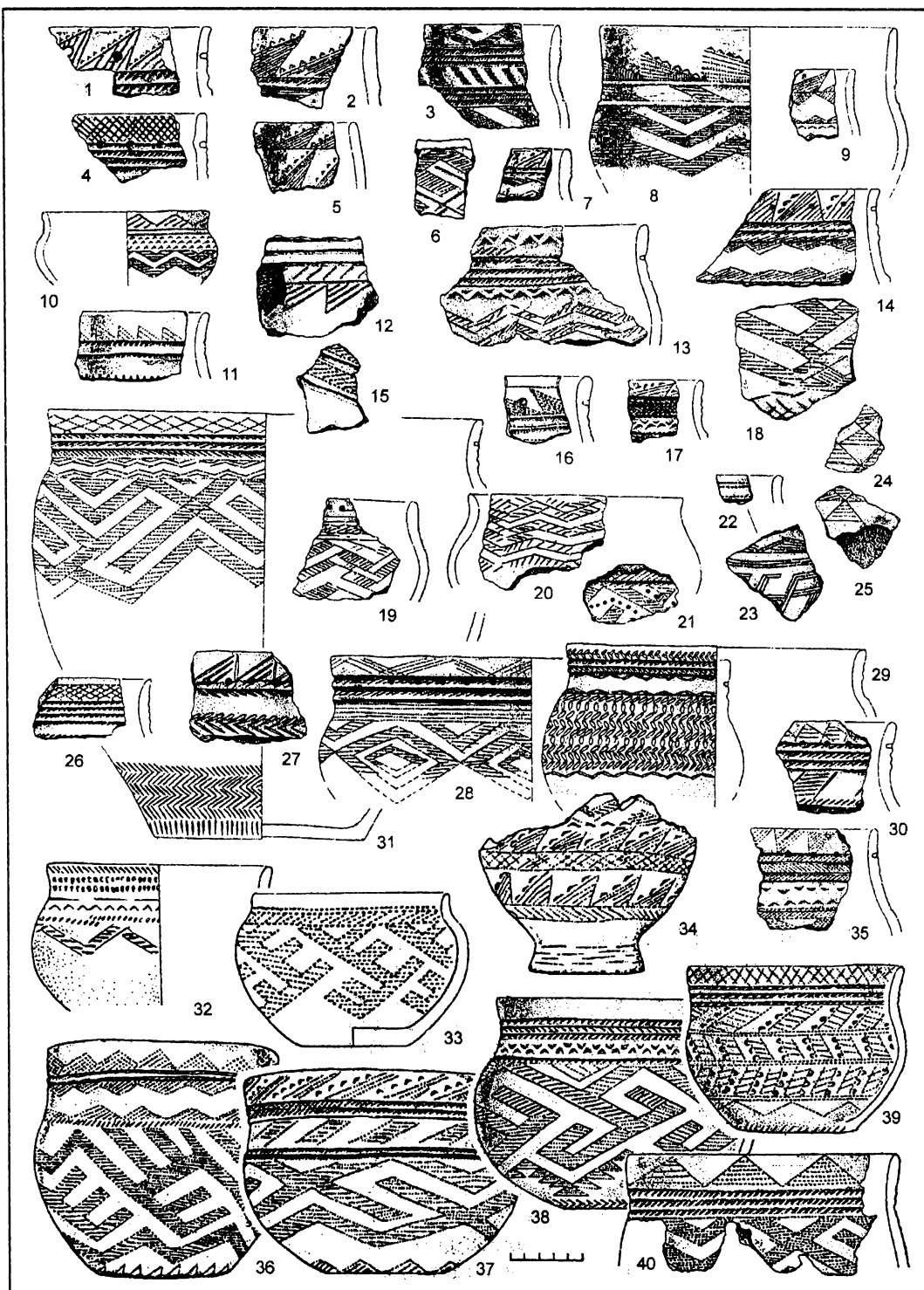

Рис. 29. Керамика пахомовской культуры:

1-9, 11 – поселение Инберень IV; 13, 14 12, 15, 22, 23 – поселение Ир II; 13, 14, 18, 20, 21, 24, 25 – поселение Пахомовская Пристань I; 10, 19, 26, 31, 32, 35 – поселение Ново-Шадрино VII; 34, 36, 37 – могильник Черноозерье II; 38-40 – могильник Лихачевский.

орнамента. Сосуды этой серии зачастую оформлены лаконичным декором из одного-двух желобков, а иногда и вовсе не покрыты орнаментом (рис. 30, 32). Что касается основного комплекса – горшков вытянутых пропорций с невысокой чуть отогнутой шейкой, их отличает высокая степень орнаментированности: многие украшены сплошь, другие в верхней трети и придонной части. Не характерна для пахомовской традиции орнаментация днищ. Такой обычай в большей степени присущ сузгунской посуде.

Деление на две основных группы – «нарядную» (парадную, ритуальную – см.: рис. 29) и «ненарядную» (бытовую, кухонную – см.: рис. 30, 1-29) посуду, столь характерное для андроновского сервиза предшествующего времени (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 56), в пахомовских комплексах сохраняется, но меняется баланс этих групп: сосудов, в декоре которых доминирующими являются геометрические элементы андроновского стиля, становится как будто больше, они составляют примерно треть от общего количества. Основу монотонного орнамента «ненарядной» посуды составляют бордюры из разнонаклонных отпечатков гладкого, реже гребенчатого штампа, горизонтальной елочки, «косой решетки» (рис. 30, 1-29, 33, 34). Иногда такие бордюры разделены рядами маленьких круглых ямок или вдавлений.

Своеобразие «нарядной» группе придают узоры, составленные из ленточных меандровидных и геометрических фигур (треугольников разной конфигурации, ромбов). Именно они сближают пахомовскую керамику с федоровской. Меандры на пахомовской посуде, покрывая иногда все тулово, подчас представляют сложносоставные композиции, которые отличаются от федоровских канонов. С подобной картиной исследователи сталкиваются, оценивая ковровые узоры на черкаскульской посуде. Меандры там построены на основе ступенчатых, z-видных фигур или ромбов. Пахомовские меандры изобилуют многочисленными отростками (рис. 29, 33, 36-40), помимо лент, размеченных по косой сетке (рис. 29, 31, 28, 33, 36-40), есть примеры построения по вертикальной оси (рис. 21, 9). Истоки подобных узоров связаны с андроновской традицией, но в пахомовской и черкаскульской орнаментике они предстают уже в переработанном виде. В частности, широко используется прием акцентирования геометрических фигур из андроновского набора – они дополняются новыми элементами. Характерным является обрамление треугольников «бахромой» (рис. 29, 1, 2, 5, 8, 14, 34) – деталь, которая в федоровском декоре является указателем позднего возраста, в пахомовском орнаментальном комплексе становится типичной. Такой же бахромой иногда подчеркивались ленты меандра (рис. 29, 39: 30, 28). В этом же ряду стоит столь показательный для андронидного орнаментального стиля обычай подчеркивания лент меандра желобками. Особенно яркое воплощение он нашел в черкаскульской традиции (рис. 32, 11, 12, 15-17), но встречается и на пахомовской керамике (рис. 29, 6). С федоровской пахомовскую посуду сближает также прием оформления переходной от шейки к тулову зоны каннелюрами, желобками. С той разницей, что на пахомовской посуде узкие и широкие желобки дополнены частыми прямыми или наклонными отпечатками гребенчатого или гладкого штампа (рис. 29, 1-4, 13, 26, 28-31, 37-40). «Желобки с насечками» являются одним из индикаторов пахомовской орнаментики, они в равной степени присущи всем типам посуды. Широкие желобки на пахомовской посуде нередко образуют валики. В ряде случаев переходная от шейки к тулову зона подчеркнута неорнаментированной полосой, что находит прямые соответствия в алакульском декоре, но особенно характерно для так называемых смешанных алакульско-федоровских комплексов (Корочкова, 2002. Рис. 1, 2, 5, 6, 8-13; 2, 6-8). Специфическими элементами являются вдавления углом штампа (рис. 29, 13, 17, 32, 35), диагональные «лесенки», выполненные в виде отрезков лент (рис. 29, 30, 39) или поясков вдавлений (рис. 30, 16, 19, 25). Особый колорит пахомовской керамике

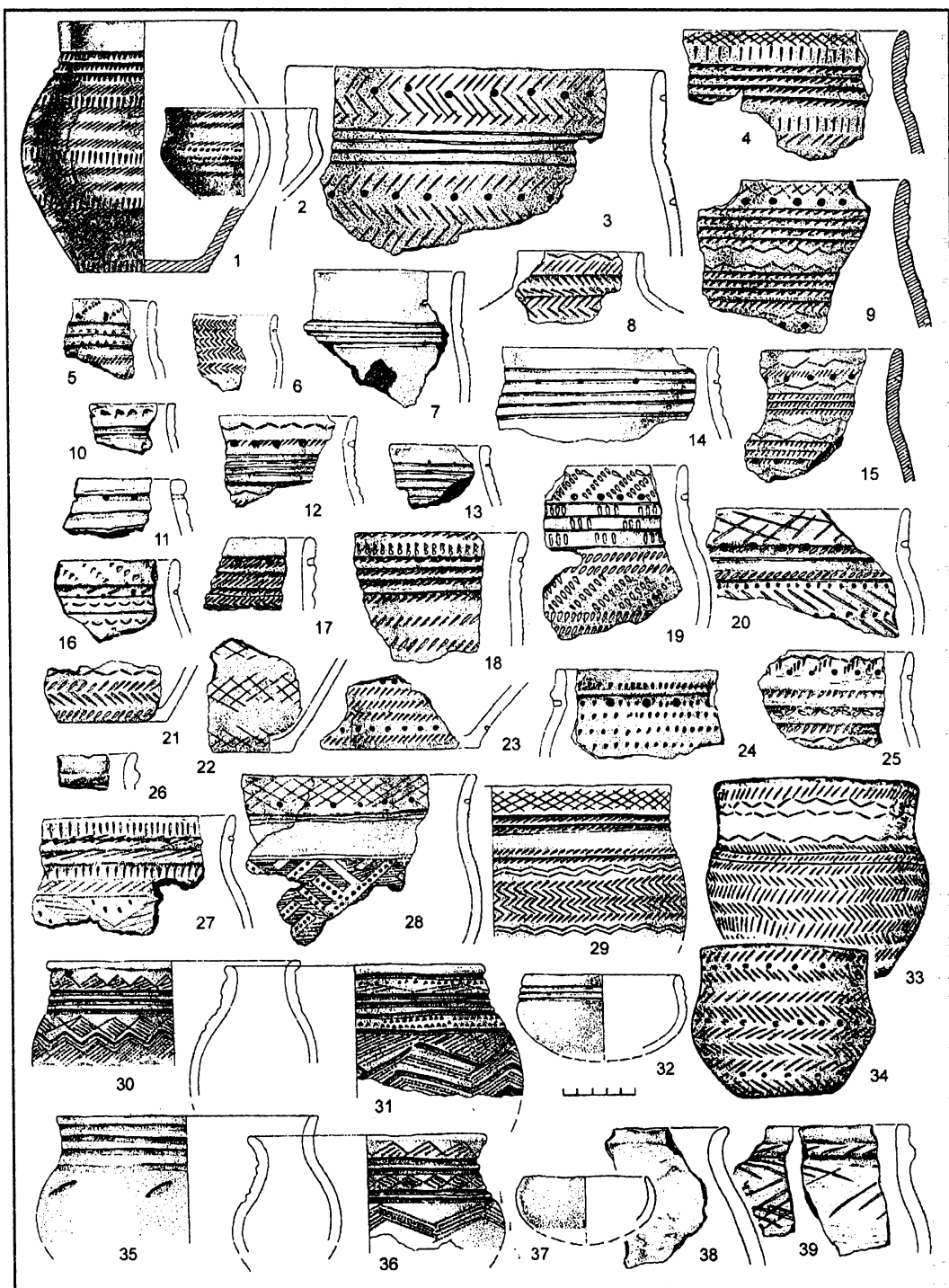

Рис. 30. Керамика пахомовской культуры:

1-4, 9, 15 – поселение Инберень IV; 5-8, 10, 12, 13, 16, 18-23, 25, 32, 37 – поселение Пахомовская Пристань I; 33-34 – могильник Черноозерье I; 14, 17, 27-29 – поселение Ново-Шадрино VII. Инокультурная керамика: 30-31, 35-36 – керамика черкаскульского типа, поселение Ново-Шадрино VII; 38-39 – керамика алексеевско-саргаринского типа, поселение Ир II

придают маленькие круглые ямки, которые выполняли роль разделительных поясков монотонного орнамента, ими подчеркивались контуры меандра и нижняя линия шейки (**рис. 30**, 3, 9, 12, 19, 20, 24, 25, 27, 28, 34). Другими немногочисленными, но чрезвычайно выразительными и показательными элементами являются «скобки» (**рис. 29**, 19; **29**, 16), «решетка» (**рис. 29**, 31, 39; **30**, 28, 29). Фигурные скобки, ямки гораздо более характерны для сузгунских комплексов (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. Табл. III), на пахомовской посуде их заметно меньше, но именно они придают ей специфический таежный оттенок.

Выделение в составе пахомовской посуды по принципу орнаментации двух основных групп посуды, бытовой и парадной (столовой, ритуальной), подтверждает немногочисленная, но весьма показательная серия сосудов из погребений (**рис. 29**, 34, 36-40). Все они оставляют впечатление особым образом, пышно украшенных образцов. Их отличают небольшие размеры, сплошной орнамент, преобладание андроновских элементов – меандров, треугольников, зигзагов. Подобная градация посуды и разительные отличия в орнаментации в равной степени присущи и черкаскульской культуры. Есть веские основания относить собственно к черкаскульской культуре и комплекс посуды, ассоциированный с межовской культурой. Последняя явно преобладает в поселенческих наборах, где ее сопровождает типичная черкаскульская керамика, представление о которой сформировано преимущественно по погребальным памятникам.

Истоки такой традиции восходят к андроновскому периоду. Наличие двух основных групп посуды в равной степени характерно для алакульского и федоровского гончарства (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 87-96. 99-101). Статус парадной, ритуальной посуды, украшенной в андроновском (федоровском) стиле может служить, в том числе указателем ее принадлежности местной элите. Аргументы на этот счет будут приведены ниже в связи с анализом погребальных ансамблей.

Вещевой набор пахомовской культуры включает изделия из бронзы, кости, глины, каменных предметов совсем немного. Среди костяных предметов – наконечники стрел с черешком и без, наконечник типа томара, проколки, шилья, шпатели, концевые вкладыши для лука. Много грузил, типичных еще для андроновского времени – овально или округло-уплощенных с одним или двумя перекрещивающимися желобками. Сугубо пахомовским атрибутом являются биконические грузила с отверстием в центре (**рис. 8**, 12). Среди глиняных находок много шариков диаметром 4-5 см (**рис. 8**, 16, 19). В слоях поселения Ново-Шадрино VII найдено около 20 таких предметов. В.И. Молодин полагает, что такие шарики могли использоваться в качестве перевесов, применяемых для ловли водоплавающих птиц (Молодин, 1985. С. 150). Характерной находкой являются массивные глиняные диски («лепешки»). На поселении Ир II такими лепешками-кирпичами (около 25 экз.) была выложена очажная яма (Косинская, 1984. С. 47). В составе коллекций часто встречаются обломки ошлакованной керамики, тиглей (**рис. 8**, 18, 22; **9**, Б, 1), известна также форма для односторонней отливки ажурного украшения (**рис. 21**, 12). Изделий из металла немного: бронзовые шилья (**рис. 16**, 2; **21**, 11), выпукло-вогнутые бляшки со штырьком (**рис. 21**, 13; **28**, 3), бляшка с петелькой (**рис. 27**, 5), двухлопастные наконечники стрелы со скрытыми втулками (**рис. 16**, 3, 4, 5), ножи и кельт. Самые близкие аналогии бронзовым вещам происходят из ирменских и алексеевско-саргаринских памятников ранней фазы их развития. Судя по типологии предметов, они были связаны своим происхождением с центрами металлообработки степной зоны Евразийской провинции и, возможно, центрами Восточноазиатской провинции. Уточнения на этот счет можно будет сделать после проведения спектральных анализов.

Некоторые предметы, в частности усть-терсюкский кельт (Матвеева, Костомаров, 2009. Рис. 5), сигнализируют о сохранении местных традиций металлообработки,

ведущих свою историю от сейминско-турбинских мастеров. Места локализации подобных центров ввиду крайней ограниченности находок указать сложно. Исходя из особенностей региона, их следует ожидать на территории Среднего и Южного Зауралья – в зонах меднорудных месторождений. На возможность функционирования, возможно в несколько скрытой, латентной форме, подобного центра (центров?), указывает формирование здесь позднее иткульского горно-металлургического очага, металлообработка которого наследует сейминско-турбинские достижения. В качестве смелого прогноза можно высказать предположение, что такой центр мог существовать в рамках черкакульской культуры.

Какие есть для этого основания? Немногочисленные, но весьма яркие бронзовые предметы, обнаруженные в пределах черкакульского ареала. В этом месте коллеги могут мне возразить и указать на довольно солидный перечень металлических ассортимента черкакульской культуры. А.Ф. Шорин и М.Ф. Обыденнов в своем обобщающем исследовании (1995. С. 31-35) привели весьма внушительный список бронзовых предметов, относящийся к черкакульской культуре. Среди них фигурируют наконечники копий, вислобушный топор, серпы, ножи, кинжалы, наконечник стрелы и шилья. Однако из всех перечисленных предметов, безусловно черкакульскими могут считаться шилья, наконечник стрелы из погребения Смолино и наконечник копья с пламевидным пером и короткой круглой втулкой из погр. 300 мог. Такталачук. Все остальные обнаружены в неочевидном культурном контексте, а потому привлекаться в качестве черкакульских могут с известными допущениями.

С довольно большой долей вероятности к черкакульским могут быть отнесены находки серпов. Один из них был обнаружен на пос. Юкаликулево, другой на Чесноковой пашне. Ножи срубно-андроновского типа, найденные в слоях поселений Юкаликулево, в погребениях могильника Такталачук, на Ирбитском озере и Шигирском торфянике также уверенно можно связывать с черкакульской культурой, т.к. позднебронзовые комплексы иного облика здесь неизвестны.

К черкакульской культуре А.Ф. Шориным отнесены также случайные находки кельтов самусьско-кижировского типа и кинжалов, отлитых по сейминско-турбинским стандартам (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 164). Сейчас, после открытия Шайтанского озера II, где подобные предметы сопровождает керамика коптяковского типа, случайные находки подобного рода можно смело связывать с коптяковской культурой (Сериков, Корочкова, Кузьминых, Стефанов, 2009).

И, тем не менее, есть основания считать черкакульскую культуру, локализованную в зоне меднорудных месторождений Среднего Урала, центром собственной металлообработки. Об этом сигнализируют найденные на поселении Липовая Курья литейные формы (Хлобыстин, 1976. Рис. 15). Одна из них – для отливки втульчатого орудия типа долота и пластинчатых изделий, в полной мере отражает сейминско-турбинское наследие. К этому же времени в Зауралье относятся кельты с пещеркой, декорированные широкими свисающими треугольниками. Один такой кельт, найденный у с. Катайское в Курганской области, относится к разряду случайных находок (Черных, 1970. С. 103, 125. Рис. 48, 29), а недавно обнаруженный подобный экземпляр в пахомовском погребении мог. Усть-Терсюкский (Матвеева, Костомаров, 2008. С. 425), определенно подтверждает их принадлежность андроновидному периоду. Литейная форма кельта с пещеркой и лобным ушком обнаружена в слое стоянки Остров Сосновый-I (оз. Аятское, Невьянский район Свердловской области) в надежном черкакульском контексте (Сергеев, 1989. С. 11, 12, рис. 24, 25). Появление среди металлоносных артефактов литейных форм, изготовленных из местных талькосодержащих пород, оригинальных кельтов – немногочисленные, но важные аргументы, указывающие на функционирование уральских бронзолитейных мастерских в этот период.

Жилища раскопаны на поселениях Ново-Шадрино VII в Притоболье, Ир II и Пахомовская Пристань I в Приишимье, Инберень IV, Алексеевка XXI в Прииртышье. Сведений о количестве дворов на территории одного поселка нет, т.к. нет полностью раскопанных поселений. Мало что говорит и количество фиксируемых на поверхности впадин, поскольку их бесспорная пахомовская принадлежность не установлена, и, кроме того, некоторые сооружения в рельефе не прослеживаются. Есть основания также считать, что с течением времени какие-то постройки на территории поселков забрасывались. Об этом свидетельствуют мощные зольники, сооруженные в котлованах заброшенных домов.

Характерной чертой домостроения является многокамерность отдельных сооружений. Некоторые из них представляли собой своеобразный крытый двор, включавший жилые и хозяйственные помещения, колодцы, погребы. Постройки каркасно-столбовой конструкции возводились на основе прямоугольных или квадратных котлованов площадью 80–100 кв.м, углубленных в материковую почву на 0.2–0.6 м. Стены опирались на каркас, сооруженный по периметру котлованов. Некоторые помещения имели собственный выход, некоторые представляли обособленную смежную комнату с глухими стенами и проемом в соседнюю камеру. Выходы обычно представляли собой короткие тамбуры, обращенные в сторону водоема. Жилые постройки отапливались очагами открытого типа: от 1–2 до 6–11 в одной камере. Иногда они сооружались на специальных площадках, но чаще всего представляли напольные устройства, порой дополненные специальными конструкциями, от которых остались ямки и канавки. Некоторые очаги были выложены округлыми глиняными лепешками-кирпичиками, булыжниками или обмазаны глиной. Хозяйственные сооружения (ямы, колодцы) жители предпочитали выносить за пределы жилых помещений.

Многокамерность пахомовских построек можно считать одним из типичных признаков ее домостроения. Позднее он найдет яркое воплощение в архитектуре поселков сузгунской культуры. Интерьер некоторых жилых сооружений включал, в том числе домашние святилища. Они угадываются по характерному набору костей животных (череп, челюсти) и человека, помещенных в специально обустроенные места (ниши, выступы, ямы, тамбуры). Возможно в этом же ряду можно рассматривать целые сосуды, вкопанные в ямы. Тем более что речь идет о пышно декорированных горшках, в большей степени характерных для погребальных комплексов.

Судя по количеству впадин можно предположить различный масштаб пахомовских поселков – от отдельных хуторов до многодворовых поселений. Показательно, что именно на таких больших поселениях фиксируются так называемые зольники. И если на территории компактных поселков, например, на Пахомовской Приistani I, Прорве это были небольшие кучи золы, которые локализовались около очага, то на больших поселениях (Ново-Шадрино VII, Алексеевка XXI) это уже грандиозные напластования, подчас скрывающие специальным образом устроенные культовые объекты. На Ново-Шадрино VII зольники имели вид мощных платформ площадью до 30 кв.м, толщиной 0.2–0.6 м, насыпанных в одном случае в котлован заброшенного жилища, в другом – на древнюю поверхность в понижение между двумя постройками. Толща зольников вмещала большое количество костей животных, керамики, изделий, комки обожженной глины. В зольнике, насыпанном между двумя жилищами, были обнаружены разрозненные останки 14 человек. Части скелетов детей, подростка, взрослых мужчин и женщин покоились на слое золы светло-серого цвета и были засыпаны толстым слоем золы белого цвета. Похожие зольники раскопаны на пос. Алексеевка XXI, Усть-Китерма IV.

Зольники являются примечательной особенностью поселений эпохи поздней бронзы лесостепной полосы Западной Сибири. К сожалению, до сих пор они редко становятся предметом специального исследования и воспринимаются чаще всего

как сопутствующие поселениям места утилизации бытовых отходов и свалки. Однако возникает вполне резонный вопрос: почему такие свалки формировались только в бронзовом веке? Быть может это как-то связано с развитием скотоводства? В толще зольников содержится большое количество костей животных, а сами зольные слои, как следует из минералогических и петрографических анализов, представляют собой места ссыпания пережженных костей или специальных кострищ для их пережигания (Каздым, 2003. С. 248). Но почему тогда такие зольники не характерны для памятников раннего железного века Урала и Западной Сибири? Если подобные зольники результат обычного ссыпания золы из домашних очагов, то почему такие слои не формировались в другие эпохи. Почему свалки-зольники такие огромные? Почему подобных зольников нет в тайге, где отопительный сезон был гораздо более длительным, и почему их не было в каменном веке? Эти и многие другие вопросы требуют удовлетворительного объяснения.

Во многих работах проблема функционального назначения зольников даже не ставится. Быть может, для исследователей она очевидна, а потому не обсуждается? Весьма привлекательным в русле данной работы мне показалось название статьи В. И. Марковина о Курчалоевском зольнике на Кавказе (Марковин, 2002). Однако каких-либо ссылок на специфический характер рассматриваемого комплекса, за исключением его артефактного набора, который позволяет поставить вопрос о выделении новой археологической культуры, нет. Можно догадываться, что такой тип памятников для этого времени и региона типичен и в особых комментариях не нуждается (из содержания следует, что время Курчалоевского зольника соответствует рассматриваемому в работе хронологическому диапазону). Данная ремарка сделана вовсе не в упрек автору. Она лишь раз подтверждает сложившуюся ситуацию. Исследователи констатируют существование подобных комплексов, но как специфические объекты они рассматриваются далеко не всегда. В этом смысле заметное исключение представляют белогрудовские, сабастиновские, античные зольники – их ярко выраженное своеобразие сомнений в особом назначении и намеренном формировании не вызывает (см. список литературы к статьям: Гершкович, 2004, Русаева, 2006). Гораздо меньше «повезло» зольникам сибирских поселений, которые только сейчас начинают привлекать внимание в качестве специфических объектов. Е.Н. Сава даже полагает, что зольники являются доказательством приоритета восточной линии в процессе формирования комплекса культур Ноа-Сабатиновка (Сава, 2006). Однако в опубликованной на страницах журнала «Российская археология» статье (Гершкович, 2004), посвященной феномену зольников белогрудовского типа, украинский коллега предупреждает читателей о неправомерности сравнения зольников Зауралья и Казахстана с поднепровско-прикарпатскими. Смысл предостережения сводится к тому, что зауральские прослойки и кучи золы не имеют ничего общего с мощными зольниками западного ареала. Так ли это? Я.П. Гершкович ссылается на работы О.А. Кривцовой-Граковой (1948. Табл. II – V), Г.Б. Здановича (1988. С. 42, 52-53), Е.Е. Кузьминой (1994. С. 69). Судя по тем крайне скудным, даже не описаниям, а скорее упоминаниям о наличии зольников на андроновских поселениях в работах упомянутых авторов, оснований для прямого сравнения действительно нет. Но исключать восточные памятники из общего контекста рассматриваемого феномена не стоит.

Во-первых, андроновские зольники заслуживают самого пристального внимания, т.к. характеризуют наиболее ранний этап формирования подобных объектов. Во-вторых, представления о зольниках Урала и Сибири не исчерпываются андроновскими памятниками. Свообразие сибирских зольников передают, прежде всего, комплексы пахомовской, ирменской и сузгунской культур западносибирской лесостепи эпохи поздней бронзы.

Андроновские зольники располагались обычно в черте древних поселков и представляли собой кучи золы, содержавшие кости животных, битую посуду, отдельные орудия, иногда в их толще встречаются целые сосуды. Зольники зафиксированы на всех стационарных поселениях зауральской алакульской культуры, упомяну среди них Алексеевское (Кривцова-Гракова, 1948), Кипельское, Ново-Бурино (Сальников, 1957, 1959), Мирный IV (Чемякин, 1974), Мирный II (Стефанов, 1996), Коркино I (Чемякин, 1975). Зольники сопровождают андроновские поселения Притоболья: Язево I, Камышное II (Потемкина, 1985), Черемуховый Куст (Зах, 1995), Ново-Шадрино VIII (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 44), Сухрино III и др. Они типичны для андроновских поселений Приишимья и Прииртышья. В раскопах зольники фиксируются в виде обширных линз диаметром до 10 и более метров, сформированных на древней поверхности около стен жилищ, но чаще на периферии поселков. В некоторых случаях зольники простирались от окраинных сооружений на 30-50 м. Мощность зольных напластований достигала 10-40 см и состояла из прослоек различных цветовых оттенков: светло-серого, бурого, серо-желтого, коричневатого-серого цвета. К сожалению, остается лишь сетовать на крайне скупые характеристики подобных объектов. Далеко не во всех публикациях содержатся сведения о количестве и составе находок, но, судя по впечатлениям от собственных раскопок, керамики и изделий в андроновских зольниках не бывает чрезмерно много. Характер напластований (многочисленные прослойки и линзы разного цвета, перемешанность), обилие костей и невыразительный в целом набор других предметов действительно больше напоминают банальные свалки мусора и места ссыпания золы из домашних очагов.

Гораздо более информативными являются зольники следующего хронологического горизонта, представленного в Западной Сибири памятниками андронидной общности (черкаскульская, пахомовская, сузгунская культуры) и ирменской культуры (Горбунов, Обыденнов, 1983; Матвеев, Сидоров, 1985; Труфанов, 1987; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Папин, 2002 и др.).

На сегодняшний день самое большое количество описываемых объектов исследовано в рамках ирменской культуры. На некоторых ирменских памятниках зольники имеют весьма внушительные размеры и выглядят в рельефе как всхолмления (в форме овала, подковы, гряды) высотой 0.5-1 м, площадью от 100 до 3000 кв.м. Располагались они обычно на периферии поселений и насыпались либо на древнюю поверхность (поселения Быстровское, Милованово-3, Сибирская Саргатка I и др.), либо в естественные ложбины и углубления (поселение Красный Яр-1), либо в котлованы заброшенных жилищ (Красный Яр-1, Сибирская Саргатка I, Алексеевка XXI) (Матвеев, Сидоров, 1985. С. 49; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997). Мощность зольных напластований достигала в ряде случаев 1-3.5 м. По мнению А.В. Матвеева и Е.А. Сидорова, «... данные о составе слоев ирменских зольников и приведенная характеристика находок, сделанных при их раскопках, позволяют считать эти объекты местами свалки мусора или помойками» (Матвеев, Сидоров, 1985. С. 51). Между тем, накопленные к настоящему времени материалы позволяют усматривать в зольниках объекты, выполнявшие в древности особые функции, которые не исчерпывались сугубо утилитарными свойствами.

Раскопанное скопление человеческих останков в зольнике пос. Ново-Шадрино VII является преднамеренным захоронением и может рассматриваться как коллективное фракционное (парциальное) погребение. Золой белого цвета были засыпаны кости свободные от мягких тканей. Некое подобие анатомического порядка в ряде случаев было достигнуто, скорее, за счет имитации целостности верхней части скелета. Близкая ситуация была зафиксирована при раскопках коллективных захоронений на поселении Усть-Китерья IV (10 человек) и кургана 2 могильника Усть-Китерья V (37 человек). Основной особенностью погребальных комплексов на

Больших Крутинских озерах является неполный состав «... частично кремированных или обожженных костяков. В основном представлены кости конечностей и черепа, которым в ряде случаев придано подобие анатомического порядка ... Не исключено, что курган мог функционировать определенный промежуток времени в качестве склепа, в котором останки умерших укладывались в 2 – 3 ряда ...» (Полеводов, Труфанов, 1997. С. 20). Близкая ситуация зафиксирована в кургане 10 могильника Батаково XXI.

Таким образом, коллективные захоронения в зольнике поселения Ново-Шадрино VII, на поселении Усть-Китерьма IV и в кургане 2 могильника Усть-Китерьма V, индивидуальное погребение кургана 10 могильника Батаково XXI дают веские основания предполагать существование в среде населения андроновидной общности характерного погребального обряда, выражающегося в практиковании парциальных индивидуальных и коллективных захоронений, в том числе на территории поселений. Получается любопытная картина: андроновидной культуре лесостепного/предтаежного Тоболо-Иртышья, с одной стороны, свойственны типичные погребения и некрополи, а с другой, захоронения на поселениях.

В этой связи возникает целый ряд вопросов, и, прежде всего, о статусе захоронений, совершенных на поселениях. Это промежуточный или окончательный акт похоронной церемонии? Располагая информацией о существовании специальных погребальных комплексов пахомовской культуры (могильники Усть-Китерьма IV, Батаково XXI, Черноозерье II, Лихачевский и др.), можно допустить, что «поселенческие» захоронения могут отражать один из этапов похоронного цикла, предшествующий окончательному. Быть может, именно здесь происходили действия, которые археологически фиксируются как кремация или неполное сожжение? Хотя, надо сказать, что убедительного подтверждения этой версии нет. Человеческие останки, найденные в толще ново-шадринского зольника, явных следов воздействия огня не несли. Заслуживает внимания другой факт. Все известные «поселенческие» захоронения уже фракционные. Т.е. умершие не были просто сброшены в котлованы и засыпаны золой. К моменту засыпания золой новошадринские останки уже были скелетированы. Встает вопрос о характере и способах экскарнации. Иными словами, где и каким образом происходило освобождение от мягких тканей (в пределах зольника или в другом месте?). В этой связи хотелось бы еще раз обратить внимание на то, что некоторые кости людей были погрызены собаками, тогда как на костях животных, извлеченных из толщи зольника, таких следов не было.

Упоминания об экскарнации в среде западносибирского населения мне не встречались. Вернее сказать, не используется сам термин «экскарнация». Но, если принять во внимание многочисленные вторичные захоронения в некрополях начала бронзового века, а они зафиксированы в составе почти всех раскопанных могильников – Ростовка (Матющенко, Сеницына, 1988. С. 64-65), Сопка 2 (Молодин, 1985. С. 80-81, Молодин, Гришин, 2005), Староалейка 2, Цыганкова Сопка 2 (Кирюшин, 1987), Телеутский Взвоз (Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2003. С.69-72) и др., следует признать, что такая традиция характерна для рассматриваемого региона. Раскопки более ранних могильников усть-тартасской культуры свидетельствуют о существовании практики вторичного захоронения уже в III тыс. до н.э. Причем вторичные захоронения в некрополе Сопка 2/3А преобладают и составляют 84,2 % (Молодин, 2001. С. 108). На глубокие корни подобной традиции, а также использование в погребальных ритуалах огня, обращают внимание А. Я. Труфанов и А. А. Полеводов (Полеводов, Труфанов, 1997. С. 22), ссылаясь на материалы неолитических могильников Северной Барабы (Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989. С. 25-32).

Публикации, в которых бы рассматривались возможные сценарии акта выставления/экскарнации для западносибирского региона, не известны. Но известны гораз-

до более отдаленные аналогии, которые в контексте данного исследования кажутся вполне уместными. Речь идет о раскопках в северном Гонуре – столице Маргианы (Сарианди, 1999). Погребальные обряды Бактрии и Маргианы (БМАК), отличавшиеся поливариантностью, включали, в том числе, и фракционные захоронения. Благодаря открытиям 1997 г. исследователям удалось восстановить процесс экскарнации в Гонуре. Здесь, на территории дворца, было раскопано небольшое помещение (№ 92), пол которого был засыпан толстым слоем золы (I). На этой зольной платформе хаотично располагались свыше 10 скелетов детей и взрослых, кости которых были растащены по всей площади помещения. В. И. Сарианиди приводит убедительные аргументы в пользу того, что помещение было открыто сверху. Он полагает, что в этом месте раскопано самое древнее из известных специальных мест (дахма), куда выставлялись покойники царской фамилии и где хищные птицы и специально натренированные собаки очищали кости от мягких тканей перед их захоронением в могилы. Перемешивание костей в таком случае неизбежно и отсутствие частей скелета во фракционных захоронениях после обряда экскарнации вполне объяснимо. Большое количество скелетов может указывать и на более широкое назначение «дахмы» – в качестве мавзолея. (Сарианиди, 2001. С. 269). Восстановленная исследователем картина весьма напоминает новошадринскую. Смущает другое: известные факты наличия фракционных захоронений в могильных сооружениях (могильники Усть-Китерья V, Батаково XXI, Черноозерье II), позволяют предполагать, что «очищенные» кости впоследствии могли быть захоронены¹. Но ведь новошадринские, равно как и другие (Усть-Китерья IV, V) останки были засыпаны золой, т.е. по сути уже захоронены. Однако исследователи некрополей БМАК отмечают, что в бронзовом веке в среде индоевропейского населения существовала практика перезахоронения. В уже упомянутом выше некрополе Гонура раскопаны своеобразные комплексы, которые авторы реконструируют как временные захоронения. Судя по всему, здесь практиковались сложные поэтапные погребальные церемонии: по истечении времени разложившиеся кости скелетов аккуратно собирались и переносились в другое место. Так называемые временные могилы, помимо Гонура (причем практиковались они в отношении очень немногочисленной группы населения), известны в могильниках Южного Таджикистана, Свата (Северный Пакистан), которые, по мнению, В. И. Сарианиди связаны с представителями иранского язычества (Сарианди, 2001. С. 300-301; Дубова, 2004. С. 280). Не углубляясь в область индоиранской мифологии, позволю себе ограничиться только приведенными ссылками. В контексте данной работы важно понять, что новошадринская ситуация может трактоваться весьма и весьма по-разному, а индоевропейские аналогии вполне уместны. Дополнительным подтверждением этому служит доминирование андроновского (федоровского) компонента в культурах андронидного круга, который надежно соотносится с индоиранскими этносами (Кузьмина, 1994. С. 265-266).

Существенная деталь: в Усть-Китерье некоторые кости были частично обожжены, что может указывать на осуществление «огненных» церемоний с костями уже свободными от мягких тканей. Где и каким образом это могло произойти, если в могильном сооружении следы огня не зафиксированы? Необходимым условием вполне отвечает зольник типа новошадринского. В качестве возможного аргумента можно привести такой пример: явных следов огня на костях людей и животных из Новошадрино VII нет, но засыпались они горячей массой, т.к. заметны следы «прикипания» золы к костям.

¹ Поделимся еще одним соображением. В могильниках бронзового века часто встречаются так называемые «пустые» могилы небольшого размера (см., например: Генинг, Стефанов, 1991. С. 55-56). Быть может это места, подготовленные для последующего захоронения экскарнированных останков?

Другой сюжет связан с выяснением временных рамок подобных захоронений. Если существование надмогильных сооружений (склепов, мавзолеев) предполагает, в том числе, и поэтапные церемонии, то захоронения на поселениях воспринимаются как одномоментные. Такое впечатление создает довольно однородный слой чистой белой золы, который покрывал останки. Однако, уверенности в том, что это была одноактная церемония, нет. Если исходить из того, что белая чистая зола – это результат преднамеренного сжигания легких горючих материалов, то, можно предположить и постепенную (поэтапную) засыпку золой.

Учитывая повсеместно распространившуюся традицию сооружения зольников на поселениях лесостепного и степного пояса Евразии во II тыс. до н.э., следует признать за ними статус сложных комплексов, которые требуют особых методов изучения. Использование золы – чрезвычайно характерная для индоевропейской культуры традиция. Об этом пишут многие исследователи: Б.А. Рыбаков (1981. С. 308), И.П. Русанова, Б.А. Тимошук (1993. С. 75-76) и др. Особенное отношение замечено к белой чистой золе. В.И. Сарияниди упоминает об алтарях огня теменоса Гонура и Тоголок-21, которые к моменту раскопок были заполнены исключительно белой золой и заложены сверху кирпичом. В этой связи он обращает внимание на существующий до сих пор в практике зороастрийцев обычай разделения золы на несколько категорий в зависимости от ее «чистоты и святости», сыпанию ее в одно место или хранение в своеобразных контейнерах (Сарияниди, 2001. С. 305). Специальное место сыпания золы в виде большого холма раскопано за внешней стеной храма Тоголок-21 и теменоса Гонура.

Б.А. Рыбаков предполагал, что зольники были результатом конвергентного развития и непосредственным следствием возрастания роли земледелия (1981. С. 308). Судя по всему, интересной ему казалась высказанная в свое время С.С. Березанской гипотеза о том, что зольники – это места культов домашнего очага, куда ссыпалась зола из всех домов поселка, или культовый костер, на котором приносились жертвы (Березанская, 1953). О том, что зола действительно вместе с бытовым мусором приносилась из разных мест, свидетельствует и то, что в раскопанных на Ново-Шадрино VII зольниках много посуды, происхождение которой никак не связано с расположенными рядом постройками.

Судя по сибирским материалам, формирование подобных объектов происходило в рамках культур с развитой системой придомного скотоводства, достоверных данных о земледелии нет. Зольники – это преднамеренно сформированные объекты, которые сооружались обычно на периферии поселка. Часть напластований состояла из золы, принесенной вместе с бытовыми остатками, из разных жилищ, часть (белая зола) сформировалась в результате преднамеренного сжигания легких горючих материалов. Это могли быть подстилки из жилищ и мест содержания скота, вышедшие из строя деревянные конструкции, тростник, хворост. Наличие слоев так называемой чистой белой золы и разноцветных прослоек свидетельствуют о поэтапном формировании зольников. Возможно, это результат периодических сжиганий на одном месте. Скорее всего, зольники были огорожены (плетень, легкий забор, оградка из дерна). За это говорит их локализация в виде всхолмлений, иногда довольно компактных, четкая стратиграфия, отсутствие следов сползания в расположенные рядом понижения. Примеры белогрудовских (Березанская, 1974. С. 93-94) и древнеславянских зольников (Рыбаков, 1981. С. 316) такое допущение подтверждают вполне. Присутствие парциальных погребений позволяет считать зольники местами временных или постоянных захоронений. Они могли использоваться также в качестве особых объектов, на площади которых производились акты выставления (экскарнации) и частичного обожжения. Многочисленные костные остатки домашних и диких животных можно рассматривать, в том числе, как свидетельства обильных

жертвоприношений. Весьма и весьма привлекательной кажется разгадка древних зольников, предложенная Б.А. Рыбаковым. По его мнению, это связано с традицией собирать для весеннего общественного костра весь накопившийся за зиму хлам и мусор. «Рациональное смешивалось с ритуальным: источник болезней – гнилая перепревшая солома, гнездовище мух, оводов и слепней, уносились, «чтобы охранить скот от нечисти», за околицу и там, в огромном общесельском костре, сгорала во славу благодетельных весенних божеств» (Рыбаков, 1981. С. 315-316).

Наличие человеческих останков в толще поселенческих отложений и зольников – не исключительное явление для этого времени. Человеческие кости нередко встречаются в белогрудовских и сабакиновских (Ляпушкин, 1951. С. 128; Березанская, 1974. С. 93; Гершкович, 2004. С. 105-106), скифских и древнеславянских зольниках (Шрамко, 1962; Рыбаков, 1981. С. 317; Русанова, Тимошук, 1993. С. 65-73). Кости человека обнаружены в зольниках Сибирской Саргати I (Труфанов, 1987), в отложениях на Чудской Горе (Потемкина и др., 1995. С. 40), Рублево VI (Папин, 2002. С. 182, 183), на других сибирских памятниках. В зависимости от археологического контекста подобные находки трактуются по-разному (остатки погребений, жертвоприношений и др.). Все отмеченные случаи уникальны и требуют индивидуального анализа. Однако их очевидная повторяемость, при всем разнообразии археологических контекстов, заставляет придавать этому факту закономерное значение и считать захоронения на поселениях одним из характерных проявлений пахомовской культуры.

В таком ракурсе поселения пахомовской культуры реконструируются как многофункциональные объекты, в пределах которых помимо жилых и хозяйственных построек, производственных площадок, существовали специально обустроенные сакрализованные зоны, будь это зольники или особым образом оформленные домашние святилища внутри жилищ, или места погребений. Не исключено, что такие святилища функционировали в специально выделенных для этого помещениях. Такое впечатление оставляет, например, третья камера ансамбля на Оськином Болоте, наиболее удаленная от помещения с выходом. Таким целям вполне могли служить компактные тамбуры, ниши, выступы. Версию о культовом характере некоторых объектов поддерживают кости человека, животных, помещенные в специальный контекст, изделия из глины, которые на первый взгляд не несут утилитарного свойства (шарики, кирпичики-«лепешки»). Подобные соответствия находят подтверждения в материалах сузгунской культуры (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 79-91).

Систему **погребальной обрядности** пахомовской культуры, помимо упомянутых выше «поселенческих» захоронений отражают также немногочисленные, большей частью разрушенные, погребения, обнаруженные при раскопках курганов раннего железного века Нечунаевский, Усть-Терсюкский, Тютринский на Тоболе, Лихачевский, Абатский-1, Абатский-3, Кокуйский-3 на Ишиме и единственного собственн пахомовского могильника Черноозерье II на Иртыше. Погребальные камеры устраивались либо в довольно глубоких ямах (0.5-0.7 м в материке), иногда с заплечиками, либо в незначительных углублениях в темноокрашенном почвенном горизонте. Трудно сказать что-либо конкретное о характере надмогильных конструкций. Судя по ситуации, зафиксированной при раскопках Усть-Терсюкского могильника, в ряде случаев сооружались каркасные постройки, внутри которых располагались неглубокие могилы. На Ишиме определенно зафиксировано сооружение специального ограждения в виде разомкнутой квадратной канавки. Склеп, который реконструируется на Усть-Китерме V, также предусматривает наличие специального крытого помещения. Скорее всего, это были дерево-земляные сооружения, похожие на андроновские погребальные ансамбли (Стефанов, Корочкова, 2006. С. 68-82), от которых впоследствии остались незначительные всхолмления. Некоторые «дома

мертвых» возводились непосредственно на окраине поселения, некоторые в отдалении. О наличии надмогильных сооружений совершенно определенно свидетельствует явная приуроченность раскопанных пахомовских погребений к некрополям раннего железного века, которые, по-видимому, специально сооружались на месте более ранних захоронений, которые каким-то образом были обозначены на поверхности. Вряд ли это были значительные по объему насыпи, т.к. в противном случае они фиксировались бы в разрезах саргатских курганов. Однако какие-либо упоминания на этот счет неизвестны.

К сожалению, немногочисленные известные погребальные комплексы опубликованы лаконично, информации для возможных реконструкций недостаточно. Но известные на сегодняшний день материалы позволяют утверждать, что погребальная обрядность населения андронидной общности в Тоболо-Иртышье предусматривала разнообразные сложные церемонии предпохоронного, похоронного и послепохоронного циклов. Одну из заметных особенностей погребальной практики составлял обычай выставления (экскарнация) и последующих вторичных парциальных захоронений в коллективных склепах или индивидуальных могилах. Обнаруженные на поселениях останки людей можно рассматривать как акты нетипичного обращения с умершими и как варианты временных или постоянных погребений. Не исключено, что некоторые из поселенческих останков – свидетельства жертвоприношений.

Специально стоит отметить скудость сопутствующего инвентаря и редкость сосудов с заупокойной пищей, что является отличительной особенностью местной системы погребальной обрядности. В известных некрополях предшествующего времени: Черноозерье I (Генинг, Стефанова, 2004), Сопка-2 (Молодин, Ламина, 1989. С. 103, 104), Преображенка-6 (Молодин, 2008. С. 9-13), погребения на поселении Черноозерье VI (Стефанова, Стефанов, 2007. С. 88-89), керамика сопровождает малую толику захоронений. Из четырех могил Черноозерья II, только в одной находились три сосуда, в остальных по одному горшку, в могилах Усть-Терсюкского могильника горшков не было, в Лихачевских погребениях в ямах стояло по одному сосуду. В Усть-Китерьминском склепе на 37 погребенных «приходилось» всего три горшка.

Учитывая мощный андроновский компонент в составе пахомовской культуры, логично было бы ожидать проявления андроновских традиций в обрядовой практике. Но из всех зафиксированных особенностей, пожалуй, только положение скорченного на боку вызывает андроновские ассоциации. Однако и единичные скорченные погребения представляют собой вторичные захоронения. Еще одной «андоновской чертой» можно считать сопровождение некоторых погребений сосудами. Обычно они сопровождают индивидуальные погребения: Лихачевский, Абатский-1, 3, Кокуйский-3, Черноозерье II, Тютринский, Нечунаевский могильники. Именно эти комплексы находят определенные соответствия в ритуальной практике степных мигрантов (индивидуальность погребений, специальное надмогильное сооружение, скорченное положение некоторых костяков, сосуды в могилах). Не исключено, что индивидуальные погребения, раскопанные в удаленных от поселений некрополях, представлявших специальное дерево-земляное сооружение, в сопровождении сосудов (с ритуальной пищей?), а в некоторых случаях и бронзовых предметов, свидетельствуют об элитарном статусе умерших. Для подтверждения своих предположений, сошлюсь на выводы коллег, работающих с некрополями бронзового и раннего железного веков (Ражев, Ковригин, 1999; Ражев, 2002. С. 7-8; 2009. С. 362; Берсенева, 2005. С. 7). Они прямо пишут об исключительном характере подкурганных захоронений, указывая на разительное несоответствие количества погребенных под курганами с предполагаемой численностью микропопуляций. Соотношение полов в выборках саргатских курганов свидетельствует, что курганный обряд касался в первую очередь мужчин, гораздо реже женщин, которые обладали высоким социальным

статусом. Это были воины, вожди и их приближенные. Истоки такой традиции прослеживаются с первых этапов появления курганного обряда в культурах бронзового века степного пояса. А.В. Епимахов, отталкиваясь от материалов синташтинских некрополей, предполагает, что погребения в кургане удостоивался один из двадцати пяти (2002. С. 61). Наличие в пахомовской погребальной практике индивидуальных и коллективных захоронений, склепов на окраине поселений и гораздо более трудозатратных специальных погребальных ансамблей с малым количеством могил, вполне поддерживают версию о неодинаковом статусе умерших и существовании разнообразных ритуалов в отношении различных представителей пахомовского общества. Приоритетными для носителей пахомовской культуры, по-видимому, стали местные традиции погребальной обрядности. В этом плане пахомовская культура существенно отличается от соседней черкаскульской, которая наследует традиции андроновской (федоровской) погребальной практики в полном объеме.

Хозяйство пахомовской культуры реконструируется как многоотраслевое, сочетающее элементы присваивающей и производящей экономики (Косарев, 1984. С. 115). Эти, ставшие уже общими, фразы кочуют из одной работы в другую. Однако уровень сегодняшней науки делает явно недостаточным подобное утверждение. Необходимы более тонкие и детальные анализы, которые раскроют особенности и хозяйственные циклы населения пахомовской культуры. Однако остеологические данные публикуются скупно, подчас без количественных характеристик и качественного анализа. В итоге до сих пор наиболее представительным остается комплекс палеозоологических остатков поселения Ново-Шадрино VII. Но хотелось бы обратить внимание, что основной состав стада домашних животных и списка охотничьих трофеев определен по материалам зольников. Учитывая сакральный характер этих объектов, можно допустить, что выборка представленная отсюда могла отличаться от реальной хозяйственной картины. Хотя опыт изучения жертвенников степного населения, показывает, что они вполне адекватно отражают структуру стада населения синташтинской, петровской или алакульской культуры (Зданович Д., 2005. С. 12).

Судя по остеологическим остаткам и многочисленным орудиям охотничьего и рыболовного промысла на поселении Ново-Шадрино VII, значительное место в хозяйстве отводилось охоте и рыболовству. Процент костей диких животных среди общего количества костей составил 22.6%. Среди охотничьих трофеев преобладали лось (44.5%), косуля (29.3%), кабан (18.4%). Охотились также на лисиц, медведей, зайцев, росомх, птицу. Практиковалась охота на бобра. В стаде домашних животных основное место принадлежало лошади (42.7%), крупному рогатому скоту (36.8%), по сравнению с андроновским периодом значительно падает доля мелкого рогатого скота (20.5 %). Увеличение роли лошади является следствием приспособления придомного скотоводства к особенностям климата подтаежной зоны. Мелкий рогатый скот в этих ландшафтно-климатических условиях теряет свое экономическое преимущество. К сожалению, в нашем распоряжении нет остеологических определений для других памятников пахомовской культуры, но допускаю, что состав стада домашних животных мог варьировать. На пос. Пахомовская Пристань 1 выявлены исключительно кости домашних животных, на пос. Оськино Болото – крупный рогатый скот, лошадь и лось. Точно так же иным могло быть соотношение охоты и скотоводства в хозяйстве населения различных районов. Тем не менее, высокая роль охоты и рыболовства в хозяйстве населения пахомовской культуры вполне согласуется с предполагаемым участием в сложении этой культуры таежного компонента.

Что касается рыболовства, то наиболее многочисленные и яркие свидетельства этой отрасли древней экономики регистрируются на памятниках Притоболья. В этом нет ничего удивительного, т.к. здесь традиции рыболовства имели глубокие корни, начиная с эпохи энеолита (Косарев, 1984. С. 104-110). О преимущественном развитии

рыболовства свидетельствуют многообразие и динамика форм рыболовных грузил. В эпоху бронзы ведущим типом становятся овальные или округлые приплюснутые грузила с одним или двумя перекрещивающимися желобками (рис. 8, 14, 15). В пахомовской культуре этот тип изделий дополняется биконическими грузилами с отверстием в центре (рис. 8, 12), позже появляются цилиндрические грузила с отверстием.

На памятниках долин Ишима и Иртыша подобные грузила – редкость. Но здесь же и намного меньше удельный вес диких животных. Т.о. выпукло предстают зримые особенности в экономике обитателей различных речных долин, обусловленные особенностями местных ландшафтов и биоресурсами вмещающих территорий.

В слоях пахомовских поселений нередко встречаются кусочки ошлакованной керамики, обломки тиглей, льячки, кусочки металла, тигли характерной рюмковидной формы. Судя по известным находкам бронзовых предметов и редкости литейных форм, собственного металлопроизводства носители пахомовской культуры не имели, что было обусловлено отсутствием собственной сырьевой базы. В условиях безрудной территории, речь может идти только о вспомогательном характере металлообработки (переплавка, ремонт, изготовление мелких поделок).

Территория. Основной ареал пахомовских памятников располагался в пределах северной лесостепи Тоболо-Иртышья. На западе, он был, скорее всего, ограничен черкаскульской культурой, на юге – памятниками ранней стадии развития алексеевско-саргаринской культуры. Сложно сказать, насколько далеко на восток простиралась область пахомовской культуры. За Иртышом ей близки комплексы ордынского типа (Зах, 1983; Матвеев, 1993. С. 90-101), новочекинский вариант сузгунской культуры (Молодин, 1985. С. 143-155).

После публикации материалов Старого Сада (Молодин, Нескоров, 1992), доирменских комплексов Еловского II могильника (Матющенко, 2004), выделения памятников ордынского типа в лесостепном Приобье (Матвеев, 1993. С. 93-112), памятников новочекинского типа в Барабе и корчажкинской культуры в Алтайском Приобье (Кирюшин, 1986), складывается впечатление о более протяженном на восток шлейфе лесостепных андроновидных культур. При всем сходстве механизмов сложения, они являли собственный вариант андроновской линии развития, который во многом зависел от характера аборигенной культуры, региональных особенностей «андоновской колонизации», состава андроновских миграционных групп, других культурных импульсов, исходивших, например, из карасукского мира.

Детальное изучение лесостепных андроновидных памятников позволяет выявлять определенные локальные особенности в группировках памятников, приуроченных к бассейнам основных рек. Некоторое своеобразие притобольских, приишимских и прииртышских пахомовских памятников прослеживается. Однако эти локальные черты не столь значительны, чтобы утверждать сложение различных андроновидных культур. Какую позицию в этой связи занимают памятники новочекинского и ордынского типов, еловской культуры сказать сложно, т.к. эти материалы мною не обрабатывались, а опубликованных данных явно недостаточно для далеко идущих выводов.

Чрезвычайно сложным, как это ни покажется странным, представляется вопрос о северных соседях населения пахомовской культуры. Вслед за М.Ф.Косаревым (Косарев, 1981. С. 84-86) и многими другими коллегами предполагаю, что это должна(ы) быть культура(ы) массива гребенчато-ямочной керамики. Однако конкретное имя этой культуры назвать трудно, т.к. она не идентифицирована. Существующие на сегодняшний день схемы культурно-хронологической периодизации бронзового века таежной зоны Западной Сибири удовлетворительного ответа на этот вопрос не дают, т.к. оставляют чрезвычайно большую лакуну между памятниками начала и конца бронзового века (Кокшаров, 2006). На позднем этапе пахомовской культуры ее северным соседом являлась, по сути, дочерняя культура – сузгунская.

Связи. Инокультурные проявления в пахомовских памятниках представлены в различных районах по-разному. В Притоболье в составе керамической коллекции пос. Ново-Шадрино VII присутствуют сосуды черкаскульской культуры (рис. 29, 30, 31, 35, 36). Типичные черкаскульские элементы встречаются на керамике ишимских и иртышских поселений. Свидетельства контактов с южными соседями в виде находок алексеевско-саргаринской культуры зафиксированы в материалах поселения Ир II на Ишиме и Алексеевка XXI на Иртыше. Гораздо больше обратных примеров – присутствия пахомовской керамики в слоях алексеевско-саргаринских поселений – пос. Жар-Агач на Иртыше (рис. 26), Алексеевское на Тоболе (Кривцова-Гракова, 1948. Рис. 57, 2, 3, 7). Складывается впечатление, что более инициативной стороной во взаимодействии носителей алексеевско-саргаринской и пахомовской культур выступали как раз предтаежные коллективы. Ранее уже доводилось высказываться на эту тему (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 119). Причины и свидетельства таких связей наиболее явственно передают металлические предметы – типичные алексеевско-саргаринские импорты. Что касается связей с северными соседями, то они носили, видимо системный характер, обусловленный дальнейшим освоением северных территорий и включением их в зону производящего хозяйства. Археологическим подтверждением этого процесса является феномен сузгунской культуры.

Среди исследователей нет согласованного мнения о соотношении пахомовских и сузгунских древностей. Проблема формулируется просто: «пахомово» и «сузгун» – этапы одной культуры или разные культуры. Об авторской позиции свидетельствует собственно применение термина и выделение пахомовской культуры, о правомерности постановки этого вопроса – реально ощущаемая трудность в расчленении сузгунских и пахомовских комплексов. Особенно данная проблема актуальна для лесостепного Прииртышья. Ситуация здесь отличалась более динамичными процессами, близостью к другим очагам культуриногенеза (культуры ирменская, саргаринская, красноозерская). Во многом своеобразие района определялось «фактором» Иртыша, который в этом месте течет в широтном направлении и создает удивительно благоприятные возможности для самых разных вариантов культурного взаимодействия.

Итак, культуры или этапы. Если исходить из хроностратиграфии региона, то, скорее всего, речь должна идти о культурах, т. к. каждая из них имела свое время. Основные циклы формирования и развития этих образований не совпадали. Пахомовская культура – следствие поэтапного и постепенного освоения группами андроновского населения лесостепных районов. Сузгунская культура – результат трансляции достижений андроновской системы жизнеобеспечения на север носителями пахомовской культуры (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 115-116). Традиционно генезис сузгунской культуры связывается с андроновскими миграциями (Косарев, 1984. С. 134; 1993. С. 99; Мошинская, 1957. С. 134; Бобров, 2003. С. 14-15). Однако, судя по археологическим данным, массового или сколько-нибудь значительного проникновения андроновских племен вглубь таежной зоны не было. До сих пор в южно-таежном Тоболо-Иртышье не зафиксировано ни одного алакульского, федоровского или алакульско-федоровского памятника. Нет и убедительных свидетельств миграции в северные районы населения, оставившего памятники типа Черемуховый Куст, Дуванское XVII, Черноозерье I. К тому же, к моменту формирования сузгунской культуры, андроновские культуры попросту прекратили свое существование. В степной полосе в это время формируются культуры горизонта KBK (культур валиковой керамики), которые были крайне мало ориентированы на север в силу своего кочевого менталитета.

Южный компонент в составе сузгунской культуры представлен именно андронидными комплексами пахомовского типа предтаежного Тоболо-Иртышья (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 117-121). В этом смысле пахомовская и суз-

гунская культуры действительно чрезвычайно близки и потому представления об их однокультурности не лишены основания. Но основные периоды этих образований не совпадали. Когда в южной тайге шли процессы окончательного оформления и развития сузгунской культуры, в лесостепном Тоболо-Иртышье, месте исходного импульса, обстановка уже кардинально изменилась. Здесь, в условиях интенсивных процессов развития заключительной фазы Евразийской металлургической провинции, обусловленных, близостью к более динамичному степному региону, происходит разрыв связей предшествующего времени. Меридиональные связи меняются на широтные, определяющие культурные взаимодействия реализуются не по линии север-юг, а устанавливаются в пределах ландшафтно-культурных зон (лес, лесостепь, степь), на смену периоду стабилизации приходит период дифференциации и раздробленности. В то время как южнотайжное Прииртышье (основную территорию сузгунской культуры) охватили мощные процессы консолидации, археологически выражающиеся, в том числе, в большом количестве неординарных памятников (культурных мест, административных центров и т.п. – см.: Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, С. 98-100; 1996), в лесостепном регионе единый андронидный массив распадается на локальные образования, приуроченные к бассейнам основных рек. Дифференциация в известной степени была обусловлена географическими условиями и своеобразным рубежом стала долина Ишима, разделившая ирменский и межовский² массивы. В Притоболье этот период характеризуют поселения бархатовской культуры, на Ишине – памятники типа Чупино и Кучум-горы, представляющие итог взаимодействия и тесной интеграции родственных культур – сузгунской, бархатовской, красноозерской, в Прииртышье ирменские и ирменско-сузгунские (розановские) памятники. Хронологию сузгунской культуры определяют контакты с ирменской, бархатовской, культурой, носителями крестовой керамики, гамаюно-иткульской.

Формирование андронидных культур в целом понимается как результат андроновского воздействия на культуру местного населения. Однако при всем сходстве главного механизма сложения, сходстве результатов, андронидные культуры в рамках единого массива обладали ярко выраженным своеобразием. Такая «индивидуальность» во многом определялась спецификой местной среды, а также балансом взаимодействующих сторон, которые не исчерпывались участием двух компонентов. Есть основания полагать, что в эти процессы были втянуты и жители южной тайги, а, кроме того, аборигенные культуры накануне андроновской миграции представляли сложные многокомпонентные образования. Достаточно вспомнить столь характерное для комплексов кротовско-елунинского массива сочетание орнаментальных традиций: шагающе-проташенной, отступающе-накольчатой, гребенчато-ямочной, каждая из которых составляла ядро той или иной культуры (кротовской, ташковской, одиновской). Многочисленные примеры различного соотношения керамики перечисленных комплексов в рамках одного поселения – наглядное подтверждение пестрой этнокультурной ситуации в регионе, истоки которой уходят еще в эпоху энеолита (Шорин, 1999. С. 57-70; Чаиркина, 2005. С.). Кроме того, степные мигранты, осваивая северные территории, вынуждены были продвигаться сюда разными маршрутами. Минуя на своем пути земли, занятые различным населением, они вбирали в себя новые достижения, качества, обнаруживая эти черты в близких, но вместе с тем особых памятниках андроновского типа. В итоге на окраине андроновского мира возникали оригинальные синкретичные, уже андронидные образования, если можно так выразиться, первого порядка (Генинг, Стефанов, 1993. С. 85). Интеграционные

² Наименование межовский в данном случае использовано исходя из принятого в западносибирской археологии термина «межовско-ирменский пласт», который передает специфику культурных образований лесостепной полосы заключительной фазы ЕАМП, составлявший своеобразную оппозицию сложившемуся в степной полосе алексеевско-саргаринскому массиву.

процессы протекали достаточно интенсивно, доказательством тому памятники черноозерско-томского варианта, отражающие процессы взаимодействия кротовской и андроновской культур (Косарев, 1981. С. 129; Генинг, Стефанов, 1991). Тот факт, что памятники черноозерского типа в Тоболо-Иртышье представлены повсеместно – на Тоболе (Черемуховый Куст, Ново-Шадрино VIII, Ольховка), Ишиме (Лариха), Иртыше (могильник и городище Черноозерье I, Сибсаргатка, Боровянка и др.), свидетельствует о близком культурном субстрате предшествующего времени, который вполне обеспечил последующее сходство культурногенетических процессов на данной территории. Исключительное положение в рамках региона занимает Тюменское Притоболье. Помимо памятников черноозерского типа здесь известны поселения коптяковской, алакульской, федоровской культур, (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 10-79), которые указывают, в том числе, на достаточно ранние контакты со степными племенами и продвижение сюда групп андроновских (федоровских) переселенцев через алакульский массив лесостепного Зауралья. (Корочкова, 2009б. С. 44-49).

Есть основания полагать, что далеко не все группы местного населения оказались готовыми к тесной интеграции. Исследователи предполагают в связи с андроновской колонизацией оттеснение на восток (Ковалева, 1988. С. 45) или на север (Косарев, Галкин, 1993. С. 54-55) носителей ташковской культуры. М.Ф. Косарев специально обращает внимание на отсутствие примеров взаимодействия накольчато-отступающей традиции с элементами андроновского геометризма. Это дает основания думать, что к взаимодействию на дуально-фратриальном уровне были способны не все древние этносы (Косарев, 2004. С. 131). По-видимому, наиболее восприимчивыми в Притоболье к новым тенденциям оказались носители гребенчато-ямочной традиции, чье наследие в керамике пахомовской культуры ощущается явственно. Кроме того, об этом свидетельствует глубокое проникновение андронидных традиций в таежную зону, что было, скорее всего, обеспечено, генетической близостью носителей гребенчато-ямочных традиций северной лесостепи и южной тайги.

Иного взгляда на проблемы происхождения пахомовской культуры придерживаются тюменские археологи. Они полагают, что в Притоболье, освоенным населением черкаскульской культуры, пахомовские группы были пришлыми (Матвеев, 2007. С. 40; Матвеев, Чикунова, 1999; Костомаров, 2006). Но ни одного типичного черкаскульского памятника ниже течения Исети не обнаружено. Более того, ситуации в Приишимье, Прииртышье и Притоболье накануне были похожими, в отличие, например от Зауралья, а потому логично ожидать здесь близких процессов культурогенеза, обеспеченных потенциалом местных культур кротовско-елунинского массива. Во всяком случае, гипотеза о прошлом характере пахомовских групп населения нуждается в дополнительной аргументации.

Андроновская стратегия развития, по-видимому, обеспечивалась преимуществами новой системы жизнеобеспечения, основанной на ведении скотоводства. Экстенсивный характер экономики диктовал необходимость освоения новых пастбищ и территорий. Земли, лежащие к югу, к тому времени были заняты потомками алакульской и федоровской культур, поэтому устремления андронидного населения лесостепной полосы были направлены на север. По-видимому, именно контакты с обитателями южнотаежной зоны явились одним из факторов дальнейших культурных трансформаций и сложения пахомовской культуры, в составе которой отчетливо прослеживается таежный компонент. Об участии таежных культур в сложении пахомовской культуры свидетельствуют характерные лесные заимствования в орнаментике, ощутимый крен хозяйства в присваивающие отрасли экономики, антропологические данные. Анализируя антропологические материалы Ново-Шадрино VII, А.В. Зубова пришла к выводу, что в целом одонтологический тип группы можно охарактеризовать как смешанный, но с заметным преобладанием европеоидных черт, аналогичных тем, которые прослеживаются в андроновской серии Преображенки-3 (Зубова, 2007. С. 260-261).

Таким образом, пахомовская культура представляется многокомпонентным образованием андроновидной общности особой фазы позднего бронзового века подтаежного Тоболо-Иртышья. Имеющиеся радиоуглеродные даты указывают на интервал в рамках XIV-XII вв. до н.э. (Зах и др., 2008. С. 54), что вполне согласуется с известными датами черкаскульской культуры (Матвеев, 2007. С.35) и совпадает с ранней фазой алексеевско-саргаринской культуры (Черных, 2008. Рис. 10).

По-видимому, именно степень участия разноэтничных, разнокультурных групп населения определили потенциал и специфику различных андроновидных образований. Для обоснования данного положения уместно коротко обратиться к черкаскульской культуре. Среди андроновидных образований именно она считается наиболее изученной и узнаваемой. Но как бывает в случае «первой» культуры (она была выделена одной из первых), ее интерпретации изобилуют самыми разнообразными трактовками. Этому способствовала также географическая приуроченность большинства известных памятников к горно-лесному Зауралью, отсюда неясности стратиграфического свойства, итогом которых стала затянувшаяся дискуссия о соотношении черкаскульской и межевской керамики. Не вдаваясь в детали данной темы, подчеркну – культурная и хронологическая обособленность указанных типов представляется искусственной. Полагаю, что так называемая межевская керамика, по крайней мере, какая-то ее часть, является одной из групп бытовой посуды черкаскульской культуры (рис. 31).

Характерной особенностью черкаскульской культуры является ее ярко выраженный андроновский колорит. Такое впечатление создает не только керамика, но, прежде всего, погребальные комплексы, которые демонстрируют все основные черты федоровской погребальной обрядности. На этом основании М.Ф. Косарев (1993. С. 95-96) и А.Ф. Шорин (1993; 1999. С.98) предлагают рассматривать черкаскульскую культуру в составе федоровско-черкаскульской общности, а Матвеев А.В. считает ее результатом дивергенции более древней федоровской общности (Матвеев, 2007. С. 36, 37). По его мнению «... никаких доказательств формирования черкаскульских групп к северу от ареала расселения алакульских и федоровских общин до сих пор не найдено» (Там же. С. 27). Обосновывая тезис о формировании черкаскульской культуры на федоровской основе, он исходит из того, что федоровско-черкаскульские параллели носят системный характер. Абсолютно с этим согласна. Зауральские черкаскульские древности, по его мнению, в хронологическом плане следует соотносить не с алакульским и даже федоровским периодом, а с другим более поздним этапом андроновской эпохи (Там же. С. 31). Согласна и с таким представлением об основном времени черкаскульской культуры. Разночтения касаются названий этапа – андроновский и андроновидный. Можно договориться о том, как его называть. Представляется, что термин «андроноидный», вполне прижившийся в археологии Западной Сибири, емко передает основную специфику этого периода. К тому же, по-видимому, имел место короткий собственно черкаскульско-федоровский этап. В данном случае речь, скорее всего, может идти даже не о собственно контактах, а о прослеживаемом на археологическом материале процессе формирования черкаскульской культуры в результате трансформации и переоформления федоровской культуры под влиянием местной среды.

При этом коллеги исходят из местного происхождения черкаскульской культуры, усиливая этот аргумент тем, что и собственно федоровская культура сложилась в Зауралье. В интерпретации М.Ф. Косарева и А.Ф. Шорина в основе формирования федоровской орнаментики лежат традиции гребенчатого геометризма уральских энеолитических культур (Косарев, 1983. С. 4; Шорин, 1999. С. 98). А концепция А.В. Матвеева строится на признании генетической связи алакульской и федоровской культур (Матвеев, 2000. С. 31). Не вдаваясь в детали дискуссии, воспользуюсь ссылками на опубликованные работы, в которых аргументируется авторская точка зрения о прошлом характере носителей федоровских традиций в Среднем Зауралье и подтаежном

Тоболо-Иртышье (Корочкова, 1987; Корочкова, 2004; Стефанов, Корочкова, 2004; Стефанов, Корочкова, 2006. С. 127-136; Корочкова, 2009). Особенно акцентирую внимание на том, что в поисках ответа на вопрос о генезисе недостаточно ограничиться анализом орнамента. Представление о любой археологической культуре, что и оговорено в начале данного раздела, складывается из комплекса свидетельств и артефактов общего и специфического свойства. Для культур бронзового века особое значение приобретают фоновые эпохальные признаки: данные о хозяйстве и характере металлообработки, погребальной обрядности, украшениях. Именно они в бронзовом веке указывают на принадлежность к определенным общностям, этнокультурным массивам, металлургическим провинциям и центрам. В таком ракурсе оценивать федоровскую культуру как сугубо зауральское (лесостепное и таежное) явление вряд ли есть основания. Своим происхождением она связана со степным поясом и ведет истоки из тех районов, где имела глубокие корни практика возведения каменных оградений, обустройства глубоких могил, евразийских традиций металлообработки (Стефанов, Корочкова, 2004; 2006. С. 127-136). Исключительным фактором, который необходимо принимать во внимание, является фактор экономики. Носители федоровских традиций – скотоводы, в жизни которых особая роль принадлежала лошади (Косинцев, 2006. С. 156). Каких-либо предпосылок для сложения скотоводства в лесостепном и, тем более, горно-лесном Зауралье не было (Косинцев, 2003. С. 495-498). Более того, в силу местных ландшафтов, возможности для успешного культивирования подвижного скотоводства здесь были крайне ограничены. Свидетельств придомного типа скотоводства, который во многом зависел от уровня развития земледельческих занятий, нет (Антипина, Моралес, 2005. С. 40-42; Лебедева, 2005. С. 61-62). Пример иткульской культуры раннего железного века со всей очевидностью подтверждает, что жители Среднего Зауралья были весьма ущемлены в попытках ведения собственного животноводства. Отсюда естественная ориентация на контакты со степными скотоводами, которым в обмен на скот они поставляли металл (Бельтикова, 2005. С. 168).

В концепциях коллег, которые справедливо подчеркивают высокую долю федоровского «вклада» в черкаскульскую культуру, не «устраивает» природа его появления и отсутствие еще одного (а может быть и не одного) культурного партнера, олицетворяющего местный компонент. Что на этот счет подсказывают имеющиеся материалы? В керамике зауральские традиции определенно представлены тальковой стратегией сырья и оригинальными элементами в орнаментике, которые настолько органично включены в федоровский декоративный шаблон, что не сразу воспринимаются как местные атрибуты. Ярко выраженной особенностью черкаскульской орнаментики являются разнообразные желобчатые узоры и оригинальные меандровые композиции, которые при ближайшем рассмотрении оказываются отличными от меандров федоровского типа (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993. С. 159-161), представляя своего рода местную аранжировку степных ковровых узоров (рис. 32; 33, 2, 5-13).

Предшественницей черкаскульской культуры в Зауралье была коптяковская, связанная своим происхождением и взаимоотношениями, в том числе с миром степных и лесостепных культур (Сериков, Корочкова, Кузьминых, Стефанов, 2009. С. 76-77). Следовательно, уже по этому признаку местное население было близко федоровским мигрантам. Об интенсивных и глубоких интеграционных процессах свидетельствует тот факт, что памятники собственно федоровского типа в Среднем Зауралье – основной территории коптяковской культуры, неизвестны. Но здесь известны черкаскульские или черкаскульско-федоровские комплексы, в которых черты пришлой и местной культур тесно переплетены (Шорин, 1999. С. 100; Стефанов, Корочкова, 2004. С. 65; Корякова, Стефанов, Микрюкова и др., 2005. С. 159-160). Черкаскульская культура является типичным образованием андронидной общности, своеобразие которой придает главенство федоровского суперстратного компонента.

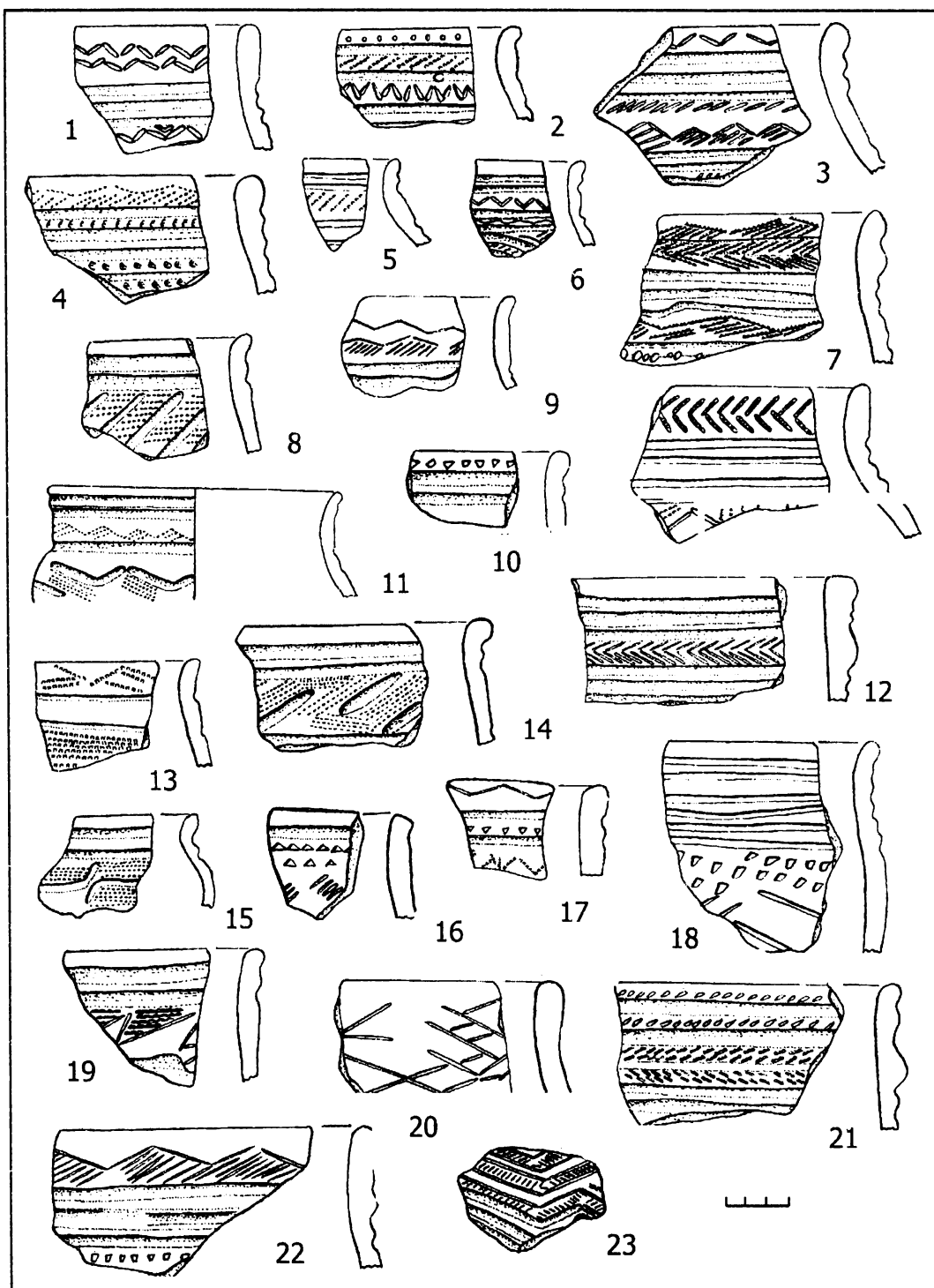

Рис. 31. Керамика черкаскульской культуры.
Поселения Березки V и Перевозный I (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993)

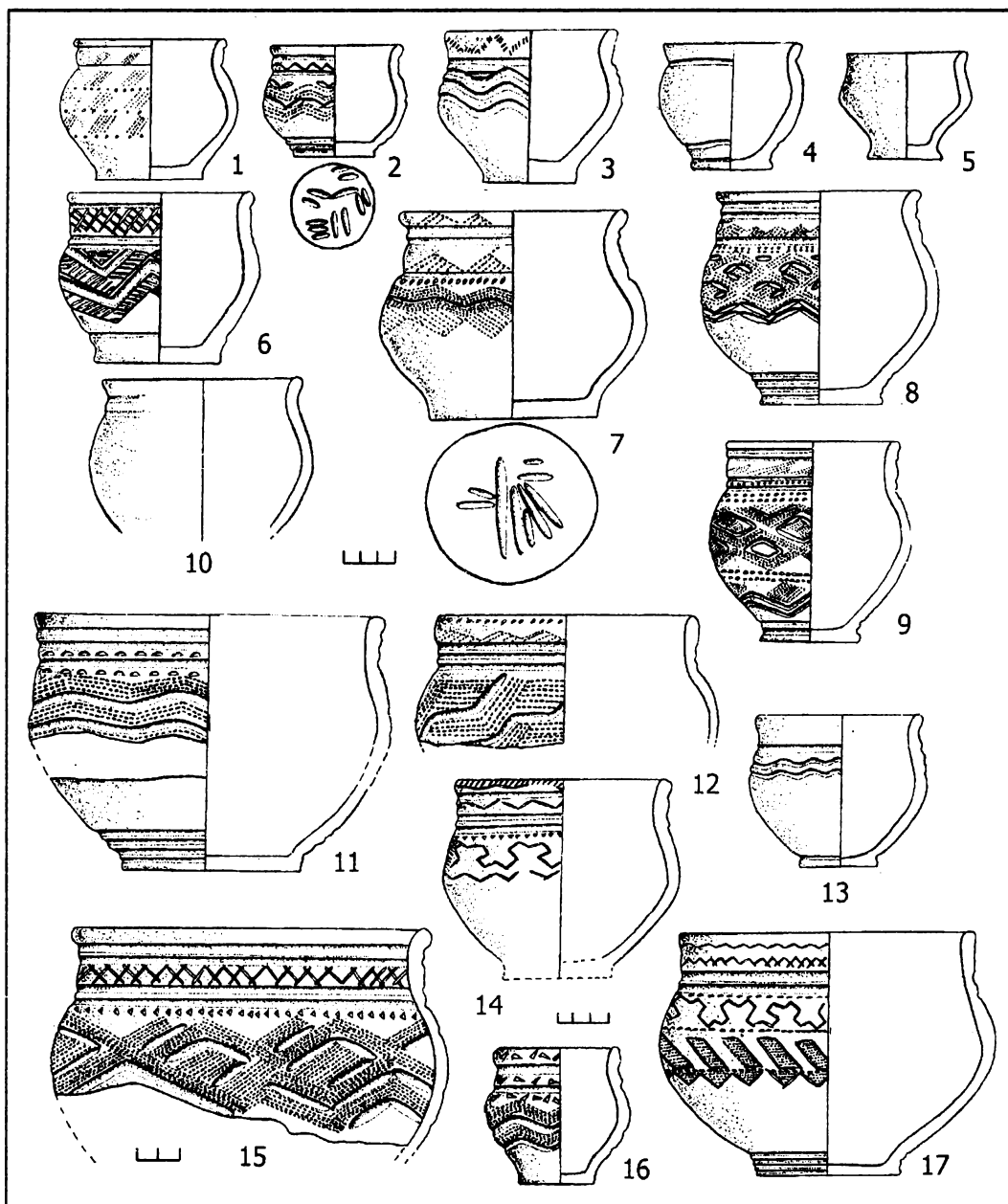

Рис. 32. Сосуды черкаскульской культуры.
Могилиник Березки Vг (Петрин, Нохрина, Шорин, 1993)

В силу заселенности территории северного лесостепного и горно-лесного Зауралья накануне андроновской колонизации населением коптяковской культуры, обладавшим определенными связями со степными соседями, можно предполагать, что продвинувшиеся сюда группы носителей федоровской культуры оказались в благоприятных условиях близкого окружения. Считать, что к этому моменту позиции коптяковской культуры были во многом утрачены и в отсутствие сильного конкурента

произошла естественная в такой ситуации «варваризация» пришлой федоровской культуры, оснований как будто нет. Коптяковская культура, которая занимала чрезвычайно компактную территорию³, приуроченную к зоне меднорудных месторождений Зауралья, воспринимается как металлоносная культура, жизнеобеспечение которой во многом зависело от постоянных обменных операций со степными жителями. Не исключено, что некоторые из них были инкорпорированы в местные коллективы. В результате, к началу освоения северных территорий группами федоровского населения, аборигены Среднего Зауралья были вполне готовы к конструктивному диалогу с пришельцами. Тем более, что последние принесли с собой навыки прогрессивной экономики. Первые бесспорные данные о скотоводстве в Среднем Зауралье связаны как раз с черкаскульской культурой (Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А., 1994. С. 4). Появление мигрантов, готовых культивировать на территории вселения скотоводство, металлургию, ориентированных на глубокую интеграцию в местную среду, в итоге привело к формированию самобытной черкаскульской культуры, которая в таком случае действительно воспринимается как своего рода дериват федоровской.

Пришлое население отказывается от демонстративных акций в сфере погребальной обрядности, подобных тем, которые прослеживаются в материалах могильников федоровской культуры лесостепного Зауралья (Корочкова, 2009б. С. 44-48). И, если в условиях алакульского окружения, федоровские мигранты вынуждены были акцентировать все те черты, которые максимально дистанцировали их от местной культуры, в результате чего избыточное значение принимают ранее второстепенные признаки (кремация, монументальные ограды, блюда и т. д. – подробнее см.: Стефанов, Корочкова, 2006. С. 117-126), то, оказавшись в среде среднеуральских аборигенов, они были избавлены от необходимости манифестаций в сакральной сфере. Будучи носителями прогрессивной формы экономики, они обладали несомненными преимуществами в системе жизнеобеспечения и существенным образом изменили жизнь обитателей побережий озер Среднего Урала. В этой ситуации погребальные обряды и ритуалы принимают формы, которые свойственны образованиям степной полосы: наряду с мегалитическими погребальными ансамблями сооружаются могилы с символическим ограждением; наряду с кремацией практиковалась ингумация скорченно на боку, известны взрослые и детские погребения. По признаку погребальной обрядности черкаскульская культура является «наиболее андроновской» из андроновидного конгломерата. Имея в виду многочисленные параллели между черкаскульской и пахомовской культурами, можно предположить, что описанный выше обряд практиковался в отношении некоторых членов данного сообщества, наиболее тесно связанных своим происхождением с мигрантами. Никаких прямых данных на этот счет нет, но учитывая специфику погребальной обрядности предшествующего времени⁴, а также многовариантность погребальных ритуалов соседней пахомовской культуры, подобное допущение вполне возможно.

³ В рамках бронзового века компактная территория является своего рода указателем на особый статус культуры и служит косвенным доказательством ее ориентации на присваивающий сектор экономики, либо на импорт скота. Достаточно сравнить ареалы ташковской, коптяковской, черкаскульской культур с синхронными кротовской, алакульской, пахомовской, демонстрирующих различные хозяйственные модели и, соответственно, несопоставимые зоны культурного влияния.

⁴ В этой связи можно упомянуть известные погребения энеолитической поры, для которых также характерна безинвентарность. Только в некоторых могилах обнаружены отдельные орудия и украшения. Однако погребения с украшениями – единичны и претендуют на статус экстраординарных. Подобные погребения раскопаны на пос. Дуванское XVII и могильниках Бузан (Матвеев, Зах, Волков, 1997), Чепкуль 21 (Зах, Скочина, Пархимович. 2005. С. 32-40)

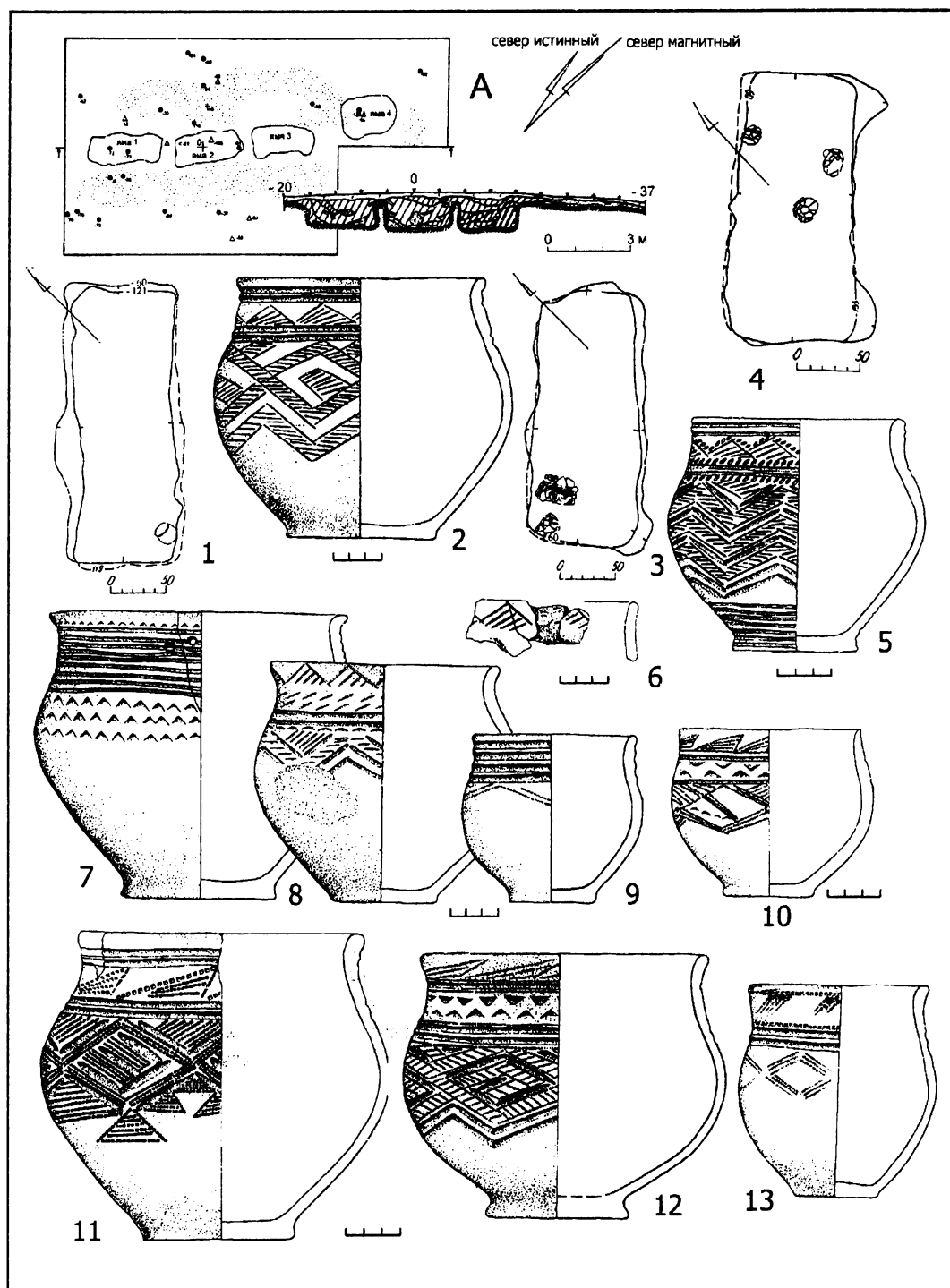

Рис. 33. Могилиник черкаскульской культуры Большеказакбаевский II
(Корякова, Стефанов, Микрюкова, Берсенева, Шарапова, 2005)

Черкасульский сюжет включен исключительно для того, чтобы показать особенности культурных интеграций, протекавших на северной периферии андроновского мира, что привело к формированию близких, но вместе с тем специфичных андроновидных культур. Особенности происхождения самым непосредственным образом скажутся на их связях и судьбах.

Как складывались отношения между двумя соседними культурами – черкасульской и пахомовской? Свидетельств на этот счет немного. Собственно черкасульская керамика есть на памятниках пахомовской культуры, а вот пахомовской керамики на черкасульских поселениях пока не зарегистрировано. Возможно, это связано с тем, что пахомовские древности сравнительно недавно стали определенно вычлениваться среди материалов региона. Раньше их называли, в том числе, черкасульскими (Членова, 1981. С. 158. Рис. 8). Черкасульские проявления в виде характерных элементов орнамента (подчеркивания лент меандров узкими глубокими желобками) и тальковой примеси спорадически встречаются в восточных андроновидных комплексах, относимых к пахомовской культуре. Однако какого-то заметного продвижения черкасульских коллективов вглубь пахомовского массива не произошло. Точно так же не фиксируется продвижение черкасульского населения на север. Самыми северными черкасульскими пунктами до сих пор остаются памятники Кокшаровско-Юрьинского района к северу от Нижнего Тагила, относимых А.Ф. Шориным к «тагильскому» или «кокшаровскому» варианту черкасульской культуры (Старков, 1970; Хлобыстин, 1976. С. 60-61, Шорин, 1988. С.12; Обыденнов, Шорин, 1994. С. 48-49). На самом деле в посуде памятников Юрьинского палеоозера гораздо больше примет пахомовской и сузгунской традиций, нежели только черкасульской. По-видимому, здесь сложился синкретичный тип памятников, специфическую окраску которому придал преобладающий местный таежный компонент. В любом случае, воздействие черкасульской культуры на процесс формирования пахомовской культуры было вполне заметным и очевидным. В частности, об этом сигнализирует сохранение сугубо черкасульских черт в орнаментике южнотаежных сузгунских комплексов, генетически связанных с пахомовскими (Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995. С. 118-119; Шорин, 1999. с. 101-102).

Черкасульская и пахомовская культуры зримо представляют различные судьбы и вклад андроновидных культур в дальнейшие процессы культурогенеза на Урале и в Западной Сибири, обусловленные, в том числе различным характером и направлением связей. Две соседствующие андроновидные культуры демонстрируют совершенно различные миграционные модели. Археологические материалы отчетливо указывают на массовое продвижение носителей пахомовской культуры в северном направлении, черкасульской – в южном.

Масштабы миграции, судя по довольно большому количеству черкасульских памятников, открытых в Башкирии, в Южном Зауралье и Северном Казахстане, где они были синхронны ранней стадии развития алексеевско-саргаринской культуры, были значительными. Особенно обращают внимание дальние восточные экспедиции – вплоть до Алтая (Кирюшин, Иванов, Удодов, 1992. С. 108; Кирюшин, Иванов, Шамшин, Папин, Федорук, 2004. С. 269-273). Черкасульская керамика зарегистрирована в Оренбуржье, на поселениях Горный Каргалинских рудников (Луньков, 2004. Рис. 1.7; 1.11), Родниковое (Моргунова, Халяпин, 2000. С. 157, 158. Рис. 7, 8).

Чем вызван миграционный отток? А.Ф. Шорин (1992. С. 74-76) выделяет три главных блока – экономический, экологический и социальный. По его мнению, придомный характер скотоводства создавал возможности для возрастания прибавочного продукта. «Закономерным следствием этого процесса неизбежно было появление избыточного населения и необходимость миграции» (Там же. С. 74), Социальные факторы обозначены постепенным давлением со стороны групп таежного населения.

Обоснованная А.Ф. Шориным концепция черкаскульских миграций, представляется спорной. Прежде всего, вызывает сомнения характеристика скотоводства как придомного. Специалисты в области палеозоологии и археобиологии не находят аргументов придомной формы скотоводства в бронзовом веке (Антипина, Лебедева, 2005. С. 77, 78). Тем более, речь идет о северолесостепном и горнолесном Зауралье – регионе малопригодном для успешного культивирования и земледелия и скотоводства. Добавим к этому и ограниченные возможности для рыболовства, в отличие, например от Притоболья. В этих условиях немногочисленное население вынуждено было селиться по берегам озер, и только в долине Исети черкаскульские племена могли вести полноценное скотоводческое хозяйство. Экономический фактор, бесспорно, имел место, но был обусловлен не бурным развитием скотоводства, а напротив, ограниченными возможностями его развития, равно как и развития многоотраслевой формы хозяйства.

Трудно принять в качестве существенного фактор миграций групп таежного населения, т.к. они приходится на конец бронзового века. К тому времени на Среднем Урале проживало немногочисленное население – потомки черкаскульской культуры, археологически обозначенные памятниками березовского типа. Именно слабая заселенность региона, ландшафты которого соответствовали месту исходной миграции групп таежных охотников, способствовали формированию здесь своеобразного таежного анклава, представленного комплексами гамаюнской культуры. Характер археологических материалов, ситуаций, подсказывает, что жители тайги переселялись малыми группами по 20-30 человек (Борзунов, 1992. С. 139-140). Вряд ли малочисленные группы таежных охотников могли представлять серьезную военную угрозу лесостепным коллективам, в арсенале которых было бронзовое оружие. Рассуждения на этот счет можно продолжить, но они не имеют непосредственного отношения к теме данного исследования, т.к. история культур с крестовой керамикой разворачивалась в другой период. К тому времени черкаскульская культура прекратила свое существование.

А.В. Матвеев полагает, что одним из факторов послужило давление пахомовской культуры, которая проявляла себя как чрезвычайно активное образование (Матвеев, 2007. С. 41). Возможно и так, однако, до сих пор собственно в лесостепном Зауралье памятники пахомовского типа неизвестны. К тому же Зауралье в рамках рассматриваемого региона имело весьма ограниченные возможности для производящего хозяйства и вряд ли могло представлять исключительный интерес для общин пахомовской культуры, проживавших в богатых кормовыми угодьями долинах Тоболо-Иртышья. По-видимому, ведение скотоводства в условиях горно-лесного и северолесостепного Зауралья – основной территории черкаскульской культуры, серьезно сдерживали местные экологические условия, а территория к востоку была прочно занята племенами пахомовской культуры, что как раз и ограничивало возможности расширения черкаскульской культуры на восток. О том, что такие попытки были, свидетельствуют черкаскульские памятники низовой Исети и Среднего Притоболья (Потемкина, 1985, С. 288-289; Матвеев, 2007). С какими племенами они здесь сталкивались? На этот счет можно встретить самые разноречивые суждения. О контактах с носителями федоровской культуры (Обыденнов, Шорин, 1994., с. 109-110), поздней фазы алакульской культуры (Потемкина, 1985. С. 288). Любопытным и показательным кажется замечание Т.М. Потемкиной, которая прямо пишет о неясной позиции керамики черкаскульского типа в культурном слое поселения Камышное II и полагает, что она связана с особым горизонтом – промежуточным между алакульско-федоровским и алексеевско-саргаринским-замараевским⁵ (Там же. С. 99-100). Совершенно определенно зафиксировано положение черкаскульского комплекса на поселениях Коркино I (Челякин, 1998.

⁵ Тогда памятники бархатовского типа идентифицировали не все специалисты, предпочитая называть их в рамках прежней номенклатуры, замараевскими. Но речь идет о комплексах бархатовского типа.

С. 277), Мочище под Челябинском (Григорьев, Тидеман, Петрова, 2007. С. 89) и Сухрино III под Шадринском (Корочкова. 2005. С. 25-26), где он сформировался после алакульского-федоровского периода обитания.

Учитывая близость черкаскульского и пахомовского ареалов, на их стыке, скорее всего, следует ожидать открытия смешанных памятников черкаскульско-пахомовского облика. Однако до сих пор такие комплексы неизвестны или не опубликованы. Предполагая более раннее начало истории черкаскульской культуры среди других андроновидных образований, считать, тем не менее, что хронологический разрыв между ними был существенным, оснований нет. Тем более примеры присутствия черкаскульских артефактов в составе пахомовских комплексов имеют заметную повторяемость. Скорее всего, зафиксированная археологическая ситуация – отражение реальной картины миграционных устремлений носителей этих культур.

Отток черкаскульского населения на юг был обусловлен высокой степенью ее родства со степным миром. Из всех андроновидных культур именно она сохранила и впитала федоровские традиции в полном объеме. Будучи также наследницей коптяковской культуры, она несла в себе длительный опыт взаимоотношений с абашевскими, синташтинскими, петровскими и алакульскими племенами, и вполне могла претендовать на сохранение связей со степными соседями. Как будто прослеживается приуроченность черкаскульских миграционных групп к местам локализации медно-рудных месторождений на Южном Урале, Казахстане, Алтае. Можно допустить, что во многом такое направление миграций было стимулировано изменившейся обстановкой в степном регионе, где в это время наблюдается распад и трансформация андроновской общности, сопровождавшиеся формированием культур общности КВК. Исследователи предполагают явное сокращение численности населения на этапе развития алексеевско-саргаринской культуры (Костюков, Епимахов, Нелин, 1996. С. 158-159). В эти опустевшие области и устремились группы черкаскульского населения. В данном случае реконструируется типичная поведенческая модель диаспоры, в недрах которой всегда живет стремление к возвращению или миф о возвращении. Члены диаспоры считают страну исхода своим родным и идеальным домом; тем местом, в которое они или их потомки в конечном итоге вернутся, когда условия будут подходящими (Safran, 1999).

На территории, занятой алексеевско-саргаринской культурой, «черкаскульская диаспора» проявила себя в качестве активной субкультуры, которая манифестировала свою идентичность в грандиозных погребальных ансамблях. Наиболее ярким примером такого сооружения является курган, раскопанный на могильнике Приплодный Лог, представляющий собой монументальное сооружение, которое посещалось в течение определенного времени и служило не только усыпальницей, но и местом отправления собственных культов (Малютина, 1984).

Миграционная модель черкаскульской культуры подтверждается ее дальнейшей ролью в культурогенезе подтаежных территорий. Она существенно ниже по сравнению с соседними культурами. Памятников позднечеркаскульского облика, и сформировавшихся на их основе памятников березовского типа, в Зауралье мало. Вместе с тем исследователи определенно указывают на ее вклад в процессы развития саргаринской культуры (Зданович С.Я., 1980), формирование памятников сусканского типа (История Самарского..., 2000. С. 244-248), межевских (луговских) в Башкирии (Збруева, 1952). Целый ряд обстоятельств определил исторические судьбы черкаскульской культуры, которая, имея ограниченные возможности для дальнейшего развития в Среднем Зауралье, сохранила свой потенциал благодаря выбранному направлению миграций. Возможно, именно поэтому она воспринимается как исключительное в рамках андроновидной общности образование, которое проявило себя на огромной территории. Отнюдь не умаляя роли и значения черкаскульского фактора в культурогене-

незе позднего бронзового века, хотелось бы подчеркнуть, что андроновские культуры продемонстрировали разные модели и направления связей, которые свидетельствуют о чрезвычайной гибкости их адаптивных механизмов. А особое мнение о черкаскульской культуре во многом сформировано тем, что она проявила себя в столь насыщенном событиями степном поясе. Но не менее бурные и важные по своим последствиям процессы протекали на территории пахомовской культуры.

Последняя в определенном смысле оказалась в предпочтительной ситуации. Именно в это время в Тоболо-Иртыше складывается устойчивая система многоотраслевого хозяйства, сочетающая преимущества скотоводства и присваивающих отраслей (Косарев, 1983. С. 4-6; 1984. С. 157-159). Занятия скотоводством определили основной вектор хозяйственных миграций пахомовских коллективов. Связанные своим происхождением, в том числе и с населением таежной зоны, овладевшие в полной мере навыками скотоводства, именно они стали трансляторами нового типа хозяйства в южнотаежную подзону. Здесь непосредственно под их влиянием и с их участием позднее складывается сузгунская культура, локализованная вдоль широтного течения Иртыша и по сути разделившая в конце бронзового века мир таежных охотников и лесостепных животноводов, мир тайги и мир степи. Это была та самая буферная зона, культуры которой продемонстрировали все преимущества местной и привнесенной системы землепользования.

Но вернемся к пахомовской культуре. Достижения в области развития системы жизнеобеспечения она дополнила включением в свой культурный контекст общих ритуальных практик, которые говорят о глубокой интегрированности в систему связей Евразии. Одним из ярких феноменов пахомовской культуры являются зольники. Начало подобной традиции к востоку от Уральских гор восходит к андроновскому периоду. Однако именно на стадии пахомовской культуры этот феномен приобрел наиболее яркое воплощение. Пахомовские зольники вместе с ирменскими на востоке и белогрудовскими и сабашиновскими на западе очерчивают огромную территорию от Приобья до Причерноморья, на которой культивировались сходные ритуалы. Распространение сходных обрядов подсказывает, что речь может идти об этнической консолидации, связанной с расширением зоны влияния индоевропейских традиций. Внедрение навыков культуры их носителей сопровождалось заимствованиями в хозяйстве, социальной, сакральной и языковой сферах (Кузьмина, 1994. С. 248-250).

Дальнейшими хранителями и трансляторами традиций и достижений индоевропейского мира вглубь таежной зоны в дальнейшем стали уже не собственно андроновские колонисты, а креолизованные группы лесостепного населения. Волны андроновской колонизации в лесостепном регионе проходили через плотно заселенные места и вовлекали в свою орбиту самые разнообразные культуры. Но суперстратный андроновский импульс в каком-то смысле выравнивал культурную среду, приводил ее к общему знаменателю, общему языку. Отсюда впечатление общего андроновского фона бронзового века Западной Сибири, который в целом обеспечили именно андроновские культуры.

Приведенный еще раньше, в начале бронзового века, в действие механизм расширения сферы влияния скотоводческих культур на север, создал ситуацию своеобразного «эстафетного андроновского культурогенеза». В итоге андроновские традиции, о чем столь ярко свидетельствует орнаментика андроновских культур, доживают в Тоболо-Иртыше вплоть до конца бронзового века, в то время как на исходной территории они к этому времени полностью затухли. Феномен «эстафетного андроновского культурогенеза» как раз и создает эффект «андоновской парадигмы» (Матвеев, 1995, 2000) бронзового века Урала и Сибири. Отсюда наименования «андоновская семья» (Там же), неутрачивающие дискуссии о соотношении «главных» андроновских культур, трактовка андроновской общности как совокупности сменяющих друг друга во времени генетически связанных культур, охватывающих весь бронзовый век (Зданович, 1988; Аванесова, 1991).

Столь неоднозначная оценка андроновских проявлений есть следствие многообразия ситуаций, возникавших в период формирования общностей, которые можно рассматривать как следствие глобального процесса колонизации. При общем сходстве моделей взаимодействия, в основе которого лежали диалог и взаимные контакты, в реальности они отличались, что естественным образом сказывалось на характере локальных комбинаций археологических признаков. Андроновская общность, как впоследствии и андронидная, представляют единство множеств, за каждым из которых стоит собственная история. Исследователи такое состояние определяют как состояние контактной непрерывности (Мерперт, 1988. С. 30-31; Черных, 1988. С. 37-48).

Пахомовская культура – яркий пример среднего звена эстафеты, когда в ней еще сохранились исходные андроновские импульсы, но уже заметны и новые. Это культура в целом стабильного периода, что подтверждает большое количество памятников, которые достаточно равномерно распространены по всему Тоболо-Иртышью. Несмотря на имеющиеся специфические локальные признаки, все они обладают целым рядом устойчивых общих черт в домостроительстве и погребальной обрядности, керамике и наборе орудий. Нетипичные ситуации возникают на периферии ареала, отсюда реально ощущаемые трудности в определении культурной принадлежности того или иного отдельного памятника. Одним из ярких примеров такого рода является проблема соотношения пахомовских и сузгунских древностей. Очевидно, что наиболее яркими диагностическими признаками будут обладать комплексы, расположенные на крайних географических позициях (рис. 34). Например, сравнивая материал Чудской Горы и Сузгуна II с Ново-Шадрино VII, Пахомовской Пристанью I или Инберенью IV, сомнений в их разной культурной принадлежности не возникает. Но как только речь заходит о памятниках Среднего Прииртышья, исследователи оказываются практически перед неразрешимой задачей и отсюда вывод о принадлежности их к одной сузгунской культуре, локальных вариантах одной культуры (Труфанов, Полеводов, 1997). Однако в начале раздела мы «договорились», что любая археологическая культура обладает *своим временем*. В противном случае возникает опасность оказаться в ситуации близкой той, которая сложилась в «андроновской историографии». Андроновскими называются *все* памятники, распространенные от Урала до Енисея во II тыс. до н.э. К чему это привело, можно наблюдать по сей день. От термина и отказаться невозможно, т.к. он прочно вошел в археологическую лексику, но и работать с ним практически невозможно, т.к. конкретного содержания он не несет или каждый понимает его по-своему, исходя из собственных исследовательских предпочтений. Еще и этим объясняется столь принципиальное отношение к проблеме соотношения пахомовских и сузгунских комплексов. Формирование сузгунской культуры – это результат продолжающейся колонизации и распространения зоны производящего хозяйства на север. Но в это время и в этих условиях эстафету приняло «андроноидное» население лесостепной полосы (а не андроновское, как полагают некоторые исследователи), которое было самым тесным образом связано с жителями южной тайги. Отсюда столь органичное и глубокое внедрение андронидных традиций в культуру местного населения, которое было подготовлено и открыто для подобного рода контактов сложившейся к тому времени системой связей с лесостепными соседями, чему во многом способствовали природные условия края, вполне пригодные, в том числе для ведения животноводства. Такая поэтапность, постепенность вполне соответствует состоянию археологической неопределенности, размытости, непрерывности, что и передают археологические комплексы пограничных территорий. Тем более что четкой границы в период собственно колонизации и быть не могло, она устанавливается вместе с окончанием процесса оформления новой культуры и выработки оппозиции «свой-чужой». Историческое значение реализованной носителями пахомовской культуры миграционной модели заключается в расширении ареала производящих культур до южной тайги. Только с русской колонизацией XVI в. эти границы будут расширены дальше

к северу. О весомом андроновском-индоевропейском вкладе в культуру местного населения свидетельствуют многочисленные примеры в наследии современного угорского населения, корни которых восходят к событиям бронзового века (меандры, распахная одежда, индоевропейская лексика, мифы).

В случае с пахомовской культурой исследователи получают возможность оценить модель внедрения металла в культуру таежного населения культурой-посредником, которая собственных традиций металлообработки и собственно сырьевой базы не имела. Тесно связанная с евразийскими центрами, ориентированная на диалог с таежными соседями, она продлила каналы этих связей далее на север. Для сравнения можно обратиться к материалам более раннего времени и проанализировать ранние опыты знакомства с металлом таежных аборигенов. Самые первые металлические предметы, появившиеся в тайге в конце III – начале II тыс. до н.э. сигнализируют о попытках таежных мастеров наладить собственное металлопроизводство, но далее изготовления примитивных предметов, которые отковывались из цельных заготовок, здесь дело не пошло. Об этом свидетельствует опыт так называемых квазиэнеолитических культур Приуралья и Поволжья (Кузьминых, 1977; 1993). Первое настоящее оружие и совершенные орудия в тайге появляются в период сейминско-турбинских миграций. Археологически этот период отражают памятники кульганского типа в Сургутском Приобье и полымьятского типа на Конде. Присутствие собственно мигрантов подтверждают материалы могильника сейминско-турбинского типа Сатыга XVI. Воинственно настроенные сейминско-турбинские группы, обеспеченные транспортом, в составе которых, помимо воинов, были профессиональные мастера, в том числе, литейщики, не были ориентированы на заселение таежных территорий. В итоге местному населению был «продемонстрирован» иной уровень жизни, но вряд ли переданы навыки металлообработки и скотоводства. Вернее сказать, местным населением не были восприняты в полной мере достижения восточных мигрантов. Несмотря на очевидные преимущества металлических орудий, собственное металлопроизводство они наладить не могли в силу многих обстоятельств: отсутствия сырья, навыков, связей. Более всего сказывалась неподготовленность лесных обитателей к столь кардинальным новациям. В условиях эпизодических проникновений подвижных сейминско-турбинских групп, отсутствия собственных стимулов в силу специфики охотничье-рыболовецких занятий, а также природных и сырьевых особенностей региона, не сформировались необходимые предпосылки для постепенного внедрения элементов прогрессивной производящей экономики в среду таежного населения. В итоге, бурный металлический период начала бронзового века в тайге сменяется в некотором роде безметаллическим временем. Нет носителей бронзовых орудий, нет и самих предметов. Такой представляется ситуация, во всяком случае, при первом приближении. На этапе андроновской колонизации освоения таежных районов степными переселенцами не произошло. Металлические предметы срубно-андроновского типа до тайги не доходили, оседая в лесостепной полосе. Зауральские и сибирские центры, продолжавшие традиции сейминско-турбинских мастеров, по не вполне понятным пока причинам, постепенно затухли. Они не исчезли, но вели малозаметное (во всяком случае, по археологическим данным) существование и большого влияния на таежные культуры не оказывали. Ситуация резко меняется в период формирования андронидных культур, которые привнесли в среду таежного населения не только воспринятые от степных мигрантов навыки скотоводства, но и металлические орудия. В условиях внедрения производящих форм хозяйства появление металла нашло адекватную реакцию и население южной тайги активно включается в металлоносный пояс Евразии посредством установления обменных связей, ориентируясь, по-видимому, не только на поставки изделий, но и на сырье. Многочисленные примеры собственного металлопроизводства на поселениях сузгунской, красноозерской, лозьвинской культур – яркое тому подтверждение.

Показательно, что и в конце бронзового века из металла отливаются преимущественно мелкие изделия культового назначения (подвески, антропоморфные и зоо-, орнитоморфные изображения белоярской культуры – см. Чемякин, Карачаров, 1999. С. 29-33. Рис. 9, 2; 11, 2, 3, 4), массивных предметов вооружения или орудий труда крайне мало, а известные – импортного происхождения. Подобная картина подтверждает концепцию становления металлоносных культур, которые не имеют перспектив для самостоятельного развития в условиях культивирования присваивающих форм хозяйства (Черных, 2005. С. 49), при отсутствии устойчивых связей «поставщик-потребитель», но что, несомненно, важнее – стимулов для поиска таких поставщиков. Повсеместное употребление металлических предметов в быт таежного населения происходит уже в раннем железном веке, но тоже посредством реализации связи север-юг, когда основными производителями металла в тайгу становятся культуры лесостепного и степного пояса.

Модель андроновской колонизации объясняет причины глубокого внедрения евразийских (срубно-алакульских) культурных стандартов в противовес азиатским (сейминско-турбинским). Это еще раз показывает, что за каждым археологическим артефактом скрывается целый комплекс взаимосвязанных цепочек, причинно-следственных связей. Любое металлическое изделие – не просто вещь. Это уникальный продукт, в котором аккумулирован весь спектр достижений социально-экономического свойства породившей его системы, вне которой он не может появиться, не может долго существовать. Знакомство исключительно с металлическим изделием, но не с породившей его системой, обрекло таежные районы, после стремительных сейминско-турбинских походов, на определенную стагнацию и положение маргинального окружения металлоносной провинции.

Иная судьба была уготована населению лесостепной полосы, которое к этому времени уже имело навыки ведения домашнего скотоводства, собственной металлообработки, находилось в непосредственной близости от рудных источников или культур-производителей металла. В условиях начавшейся андроновской колонизации, что является закономерным следствием свойственным всякой культуре стремлению к расширению за счет ассимиляции других (Черных, 1982. С. 9), лесостепное население в полной мере восприняло преимущества системы жизнеобеспечения культуры мигрантов и тем самым интегрировалось в систему культур стабильной фазы Евразийской металлургической провинции. Несмотря на сохранение определенной локальной самобытности, в целом произошла своеобразная нивелировка культур, что отразилось в формировании андроновской общности. При этом, казалось бы, местное население должно было сохранить собственные, восходящие к сейминско-турбинским, традиции в металлообработке. Однако, судя по археологическим данным, стали доминировать евразийские технологии степных мигрантов.

Результаты и последствия андроновской колонизации убедительно доказали, что ассимиляционные амбиции успешнее всего могут быть реализованы в рамках устойчивой системы, ориентированной на внедрение и передачу собственного опыта всего комплекса жизнеобеспечения своей культуры. Эти тенденции были заложены в андроновских мигрантах предшествующей длительной историей, которая восходит своими корнями к периоду Циркумпонтийской провинции. Именно этим объясняется вполне понятное недоумение по поводу того, почему возобладали евразийские (срубно-алакульские) стереотипы металлообработки, а не высокотехнологичные традиции сейминско-турбинских мастеров. Победила система, ориентированная на стабильное воспроизводство. Однако вряд ли традиции сейминско-турбинской металлообработки исчезли бесследно. Есть основания полагать, что они подспудно развивались и впоследствии, но этот латентный период археологически выявить очень сложно, т.к. артефакты указывают на магистральные процессы, а они определялись действием срубно-алакульских очагов. И только в конце бронзового века сейминско-турбинские традиции возродятся в великолепных бронзах ирменского и карасукского типа в Сибири (Черных, 2008), а также изделиях иткульских мастеров на Урале.

Заключение

Сложение андронидных культур – оригинальных, и вместе с тем весьма близких образований, знаменовало бурно проходившие в лесостепной полосе от Урала до Оби процессы интеграции и консолидации, аналогичные тем, которые протекали несколько ранее в степи и соответствовали стабильной фазе развития Евразийской металлургической провинции (Черных, 2009. С. 252-263), археологически обозначенной памятниками алакульской и андроновской (федоровской) культур. Очевидные преимущества в системе экономики андроновских колонистов, продвижение которых на север было стимулировано потребностями развития подвижного скотоводства и климатической обстановкой того времени (Косарев, 1984. С. 36-48), их ориентация на диалог и мирные взаимодействия, способствовали быстрой адаптации и внедрению элементов пришлой культуры в местную среду без значительного ущерба для своей самобытности. Именно на северной окраине андроновского ареала традиции федоровской культуры, которые к тому времени были утрачены в степной полосе, получили дальнейшее развитие и сохранились, в том числе в орнаментике, до конца бронзового века. Некоторые исследователи полагают, что эти традиции сохранились до современности в орнаментах угорских групп населения (Иванов, 1964; Лукина, 1993. С. 154-156; Рындина, 1995. С. 376-382).

Протекавшие на северной периферии андроновского мира процессы взаимодействия чаще всего определяются как ассимиляционные. Однако если исходить из строгого определения термина (*ассимиляция – слияние одного народа (культуры) с другим путем усвоения его языка, обычаев, традиций, норм, следствием чего выступает утрата своей самобытности*), то вряд ли их можно оценивать как ассимиляционные. Исторические перемены этого периода скорее соответствуют модели аккультурации (*аккультурация – процесс приобретения одним народом тех или иных форм культуры другого народа, происходящий в процессе общения этих народов*), взаимного сближения и обогащения культур, которые были обеспечены благоприятными условиями сохранения культурной самобытности носителей различных традиций. Итоги такого взаимодействия определялись в каком-то смысле пассионарностью действующих участников диалога, возможностями их системы жизнеобеспечения, социальными и духовными достижениями. Судя по извлеченной из археологического материала информации, наиболее благоприятные перспективы в исследуемом регионе разворачивались перед культурами, сохранившими приоритеты местных традиций, но вобравшими достижения андроновских мигрантов в полной мере. Подобные процессы аккультурации неизбежно сопровождаются консолидацией, дробное становится единым (Арутюнов, 1989. С. 105). Андроновско-андронидный период в истории позднего бронзового века лесостепной и подтаежной зоны Западной Сибири подтверждает это вполне.

Система жизнеобеспечения населения андроновидной общности, основанная на оптимальном сочетании производящих и присваивающих форм хозяйства, генетическая близость с населением степной зоны, с одной стороны, и с населением таежной зоны с другой, обеспечивали успешный характер колонизации и расширения ареала андроновидных культур. Экстенсивный характер экономики требовал постоянного освоения новых территорий, а использование металла при отсутствии собственной сырьевой базы – поддержания тесных контактов и обменных каналов.

Историческое значение андроновидных культур заключается в том, что именно они сохранили достижения андроновского мира, явились дальнейшими трансляторами этих традиций в среду таежного населения. Есть основания полагать, что наряду с навыками производящего хозяйства они вобрали и сохранили какие-то социальные достижения, которые обеспечивали действие мощных консолидирующих и интеграционных механизмов. На это указывает не только очевидное сходство андроновидных культур, которое проявляется, прежде всего, в орнаментальных традициях, одинаковом ХКТ, погребальной обрядности, но и участие в формировании общих феноменов эпохи (восприятие и трансляция навыков производящего хозяйства андроновского типа, зольники, экскарнация, парциальные погребения и др.). О высокой степени организации андроновидных коллективов явственно свидетельствует грандиозный погребальный комплекс черкаскульского могильника Приплодный Лог (Малютина, 1984. С. 58-78) расположенного в степной зоне, вдали от основного ядра культуры. Возведение сложного ансамбля предусматривало наличие предварительного плана, требовало четкого руководства, привлечения большой группы строителей. Создание такого сооружения можно расценивать как воплощение сформировавшейся идеологической «платформы», которая обеспечивала консолидацию немногочисленных групп черкаскульского населения в условиях инокультурного (алексеевско-саргаринского) окружения. Точно так же своего рода показателем достаточно высокой организованности общества пахомовской культуры являются зольники, которые можно рассматривать как археологизированные остатки регулярных общественных акций, обеспечивавших целый комплекс профанных и сакральных потребностей (Корочкова, 2009б. С. 80-81). Равно как и существование поливариантных погребальных обрядов, склепов, требовавших специального обустройства и постоянного ухода, может свидетельствовать о толерантности древнего сообщества, члены которого культивировали различные практики.

Выделение андроновидного массива в лесостепной и южнотаежной полосе Западной Сибири актуализирует проблему бегазы-дандыбаевской культуры Казахстана. Высокую степень сходства сибирских и казахстанских андроновидных материалов трудно объяснить одинаковым механизмом их сложения в результате синтеза местной и пришлой культуры. Такой вариант генезиса бегазы-дандыбаевских комплексов трудно принять потому, что в них не прослеживается местный субстрат, представленный в Казахстане алакульской культурой, а результаты алакульско-андроновских (федоровских) взаимодействий имели иное археологическое выражение (памятники атасуского, амангельдинского типов).

Памятники бегазы-дандыбаевского типа локализуются на территории Центрального Казахстана и представлены исключительно грандиозными мавзолеями с развитой каменной и сырцовой архитектурой (Маргулан, 1979). Анализ археологического контекста позволил исследователям выдвинуть версию о существовании данного феномена в рамках алексеевско-саргаринской культуры конца эпохи бронзы (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 86-87; Ткачев А.А., 2002. С. 204-208)).

Проблема соотношения бегазы-дандыбаевских и сибирских андроновидных древностей возникла в связи с открытием целой серии комплексов подобного облика на территории лесостепного Алтая, Приобья и в Барабе. Но особенное значение имели состоявшаяся публикация «доирменских», по выражению В.И. Матющенко, материалов могильника

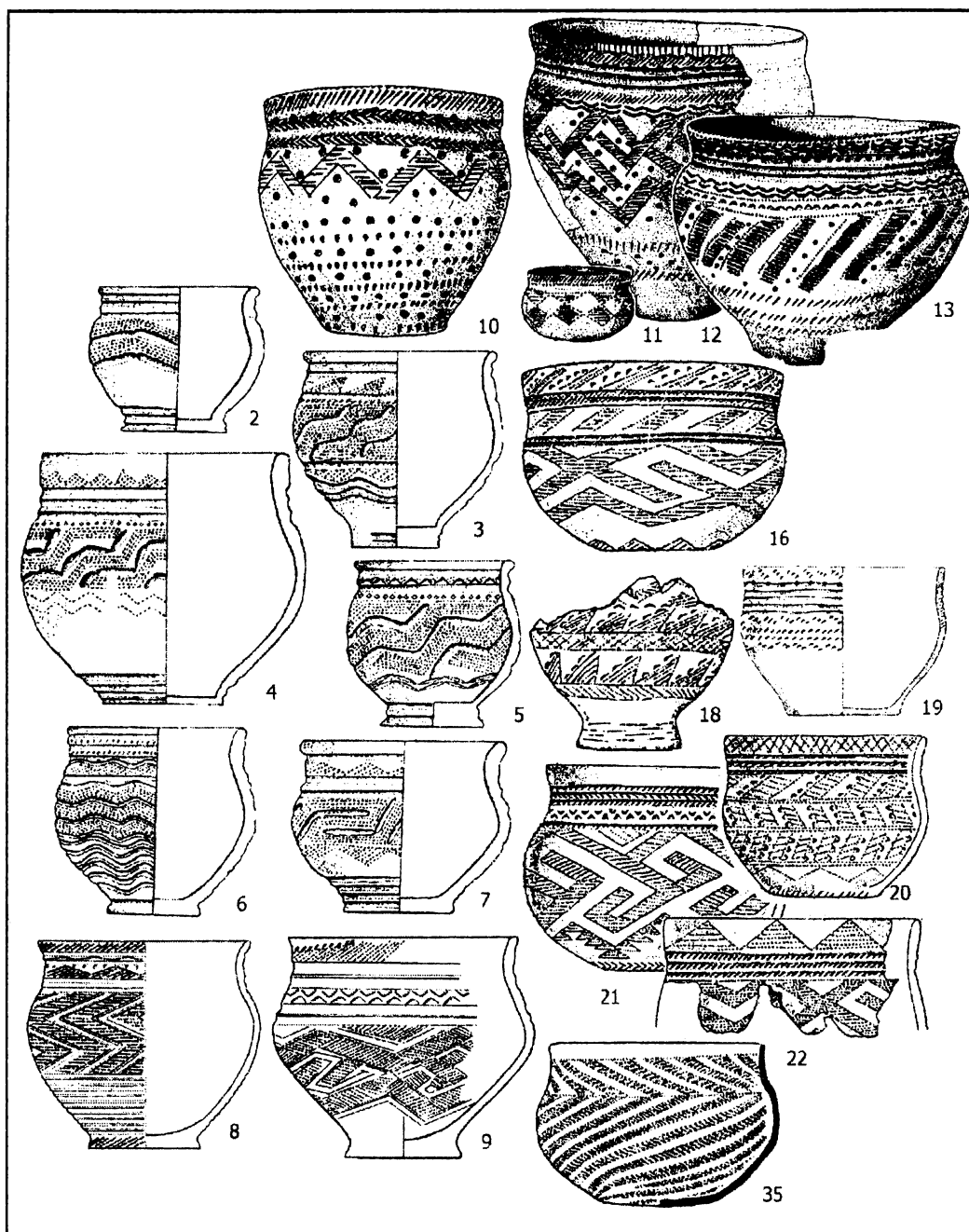
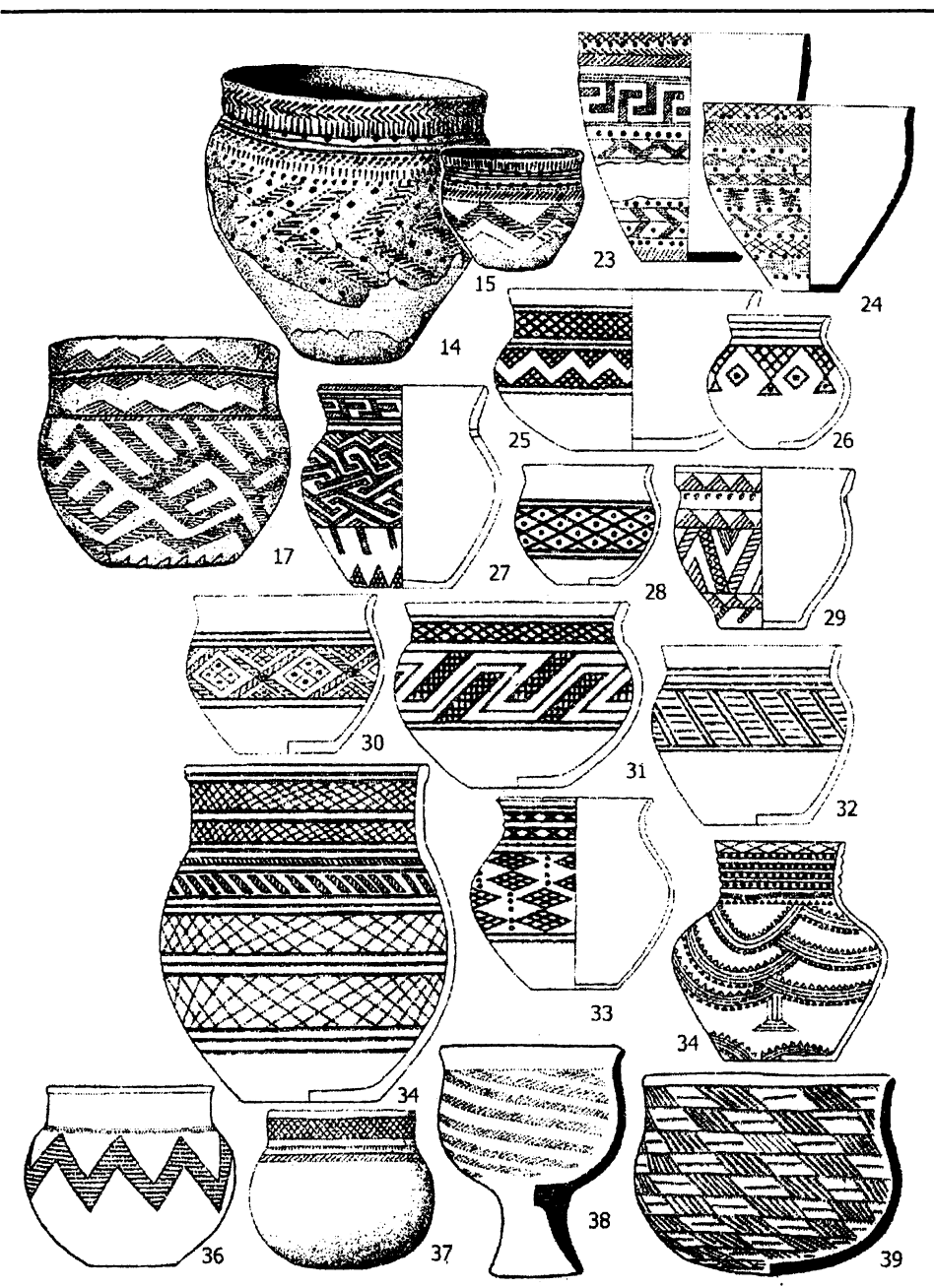

Рис. 34. Керамика андронидных комплексов Урала, Западной Сибири и Центрального Казахстана:

Черкаскульская культура (1-9, 1 – Кокшаровское погребение, 2-7 – мог. Березки V, 8, 9 – мог. Приплодный Лог); сузгунская культура (10-15, Чудская гора); пахомовская культура (16-22, 16-18 – мог. Черноозерье II, 19 – Нечунаевский мог., 20-22 – Лихачевский мог.); еловская культура (23-34, 23-24 – пос. Малгет, 25-33 – Еловский I мог., 34 – Еловский II мог.); бегазы-дандыбаевская культура (35-39, Дандыбай – 35, 38, 39, Бегазы – 37, Бугулы III – 36)

Еловка II и открытие могильника Старый Сад в Барабе. Эти памятники обладают очевидным сходством, находятся в лесостепном Приобье и, что особенно важно, несмотря на определенную близость пахомовским андронидным материалам, заметно от них отличаются. Посуда сибирских некрополей действительно близка бегазы-дандыбаевской Казахстана и так называемой бегазинской Алтая. И если материалы Еловского могильника относят к еловской культуре, которая, как правило, ассоциируется с андронидными феноменами таежной зоны (М.Ф. Косарев в качестве ее основного ареала указывает районы Томско-Нарымского Приобья), то комплекс Старого Сада исследователями соотносится как раз с бегазы-дандыбаевскими древностями. Последнее обстоятельство делает понятным стремление исследователей объяснить появление памятников подобного типа продвижением сюда групп казахстанского населения (Молодин, Нескоров, 1992. С. 94-95).

Прежде чем продолжить тему соотношения андронидных древностей Сибири и Казахстана, необходимо обозначить некоторые принципиальные позиции в отношении оценки еловских комплексов. Еловская культура была выделена М.Ф. Косаревым в начале 1960-х гг. и обозначена как андронидная культура Томско-Нарымского Приобья «... с заходом на поздних этапах в Верхнее Приобье» (Косарев, 1987. С. 284). Представление о ней составлено на основе могильников и поселения у с. Еловки в лесостепном Приобье, поселений Десятовское, Малгет, Тух-Эмтор, расположенных в таежной зоне. В качестве еловских упоминаются также памятники типа Ордынское 12 и др. лесостепного Приобья. С учетом привлеченных для ее выделения материалов, еловская культура приобретает конфигурацию нетипичного для ПБВ образования, охватывающего различные ландшафтные зоны. При этом она воспринимается большинством исследователей как преимущественно таежная культура, что не соответствует лесостепным адресам ее основных памятников, в том числе эпонимного.

Между тем «отсутствие» андронидной культуры в лесостепном Приобье, как и ранее «отсутствие» такой культуры в Тоболо-Иртышье (Корочкова, 2009. С. 75-76), кажется неестественным, принимая во внимание большое количество ярких андроновских могильников и поселений предыдущей стадии. Учитывая общую тенденцию андроновских мигрантов к интеграции и взаимодействию с местным населением, логично было бы ожидать проявлений таких контаминаций и в лесостепном Приобье. После выделения пахомовской культуры эта тема стала особенно актуальной, т.к. стимулировала поиски синхронных ей культур на востоке. Обособление немногочисленных памятников ордынского типа в Новосибирском Приобье остроты вопроса не снимало, т.к., во-первых, количество их невелико, а, во-вторых, неясным оставалось их положение: это памятники окраинной территории пахомовского и еловского массивов или результат особых процессов на этой территории.

Как представляется, на статус такой культуры вполне претендует еловская, но при условии, что она является лесостепным андронидным образованием, ориентированным на особый круг связей и контактов, определяемых ее положением на восточной окраине андронидной общности. Какие специфические археологические признаки определяют ее своеобразие?

Прежде всего, керамический комплекс (**рис. 34, 23-34**). Посуда отличается ярко выраженным андроновским колоритом, сложностью орнаментальных геометрических и меандровых композиций, разнообразием морфологических форм. Здесь и вазы, и сосуды на поддонах, изящные кувшины и т.д. Особенную нарядность и своеобразие еловской посуде придают узоры из ромбов, треугольников, решетчатых поясков в сочетании с маленькими круглыми ямками. Пахомовская погребальная посуда значительно уступает еловской в изысканности форм и сложности композиций. Возможно, это объясняется тем, что погребальная посуда пахомовской культуры представлена только отдельными экземплярами, в то время как серия погребальной посуды еловской культуры насчитывает более 100 сосудов. Такие несопоставимые в количественном отношении выборки объясняются кардинальными различиями в системе погребальной

обрядности. В отличие от пахомовской культуры, которая в целом наследует и культивирует традиции местного населения, погребальная практика еловской определяется андроновскими чертами (похожая картина реконструируется по материалам черкаскульской культуры). Об этом говорят следующие признаки: положение умерших скорченно на боку в грунтовых могилах, обилие сопровождающей погребальной посуды, сложные надмогильные конструкции.

Другую важную отличительную особенность еловских комплексов составляет характер металлического инвентаря. М.Ф. Косарев с некоторой долей сомнения характеризует этот металл как собственно еловский, т.к. основная масса его обнаружена в слоях еловско-молчановских и еловско-ирменских поселений. Но в данной ситуации важно обозначить используемый носителями еловской культуры ассортимент металлических изделий и выяснить их принадлежность к металлургическим и металлообрабатывающим очагам. Среди них: массивные бронзовые ножи с кольцевыми навершиями на рукоятях, двухлопастные наконечники стрел с выделенной втулкой, украшения представлены височными подвесками с раструбом, или кольцами с заходящими концами, полусферическими бляшками с петелькой. Подобные вещи ассоциируются с культурами карасукского круга и тяготеют к стереотипам металлообработки Восточноазиатской металлургической провинции (Членова, 1981а. С. 4-35; Черных 1978. С. 77; 2009. С. 281-286)

Характерный облик керамики, система погребальной обрядности, ассортимент металлических предметов, орудий охотничьего и рыболовного промысла, а также преимущественная локализация памятников подобного типа в лесостепной полосе, позволяют оценивать еловскую культуру как типичную лесостепную культуру андронидной общности. В таком случае как еловские могут атрибутироваться андронидные памятники лесостепного Приобья и Алтая.

Большое количество андронидных памятников, представленных в равной степени и погребальными и поселенческими комплексами, убедительно свидетельствует о существовании особого андронидного периода в истории лесостепного Приобья и Алтая, представленного памятниками еловской культуры. Ее системное сходство с пахомовской, черкаскульской, сузгунской культурами обусловлено сходной моделью культурогенеза, в основе которого лежали процессы аккультурации местного (потомков населения кротовско-елунинского массива) и пришлого андроновского населения. Основные районы локализации памятников этих культурных образований улавливаются достаточно отчетливо, однако на стыке ареалов можно ожидать открытия памятников неконкретного, но, безусловно, андронидного облика. В свое время М.Ф. Косарев, столкнувшись с подобной ситуацией, при составлении карты памятников андронидной общности, даже воспользовался выражением «памятники, вызывающие еловско-сузгунские ассоциации» (Косарев М.Ф., 1987. С. 277). Появление таких комплексов – типичное следствие коммуникативных процессов периодов интеграции и консолидации, формирования общностей.

Учитывая мощный андроновский компонент в составе еловской культуры, можно допустить сходный механизм формирования южных связей, подобный тому, который был присущ черкаскульской культуре. Перспективность такой идеи подтверждается выводами А.А. Ткачева, основанными на анализе казахстанской ситуации (Ткачев, 2002. С. 204). Т.о., можно выдвинуть предположение об определенной роли западно-сибирского импульса в формировании бегазы-дандыбаевских комплексов. В конце бронзового века в оазисах Сары-Арки и Аму-Дарьи концентрировалось разноэтническое и разнокультурное население, свидетельством чему являются находки в одном комплексе керамики алексеевско-саргаринского, бегазы-дандыбаевского типа, «крестовой», ирменской, амирабадской, а также гончарной среднеазиатской и т.д. (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 87-88; Итина, Яблонский, 2001. С. 101-113; Коренько, 1990).

Основная причина южных миграций андроновидных групп кроется в изменившейся обстановке в степи. Здесь в условиях переформирования и распада андроновской общности, становления кочевого и полукочевого хозяйства, заметно сокращается плотность населения. Исследователи предполагают также упрощение социальной организации (Костюков, Епимахов, Нелин, 1996. С. 159, 161; Зданович Г., Шрейбер, 1988. С. 13), что создавало дополнительные благоприятные возможности для мигрантов.

Андроновидные культуры, в генезисе которых определяющую роль сыграл андроновский импульс, были обращены к степи. Наиболее тесными взаимоотношениями обладали черкасульская и еловская культуры, сложившиеся при явном преобладании андроновского (федоровского) компонента, в отличие от пахомовской, которая сохранила наследие и приоритет местной культуры, впитала достижения степной андроновской и южнотаяжской одиновской культур в равной мере. Данными особенностями культурогенеза объясняются информационные связи черкасульской, еловской и пахомовской культур. Если первые две были в большей степени ориентированы на степь, то пахомовская в тайгу. Реализованные миграционные направления во многом обозначили роль и вклад андроновидных культур в общий процесс культурогенеза.

Далекое экспедиции носителей еловской и черкасульской культур в степной регион, предпринимавшие ими ярко выраженные акции манифестации, как будто свидетельствуют об их более активной роли. Однако заметного влияния на ситуацию в этом регионе они оказать были не в состоянии. Хотя исследователи предполагают участие данных групп населения в сложении алексеевско-саргаринской культуры (Зданович С., 1983. С. 69-80) и бегазы-дандыбаевской субкультуры, тем не менее, андроновидная линия развития в степном поясе дальнейшего продолжения не имела. Иную модель демонстрирует пахомовская культура. Связанная в силу своего происхождения тесными узами родства с населением южнотаяжской зоны, она обеспечила распространение и развитие андроновских традиций вглубь таяжской зоны на 500-600 км к северу от основного ареала андроновской общности. В то время как «на исторической родине» андроновские традиции во многих сферах были уже утрачены (трансформированы, растворились), в таяжской зоне, вдали от исходного импульса, они существенно, а вернее сказать коренным образом меняют жизнь аборигенного населения. Есть основания полагать, что именно с этого времени, которое археологически ознаменовалось формированием сузгунской культуры, население южной тайги в полной мере овладело главными достижениями бронзовой эпохи, к числу которых относятся – металл, транспорт, скотоводство. Появление подобных новаций в жизни сибирского населения неизмеримо расширило его коммуникативные возможности, обеспечило непосредственную связь с миром степных культур, сделало лесной регион доступным и для последующих открытий эпохи (Бобров, 2003. С. 15). Основная роль в этом принадлежала пахомовской культуре. Черкасульская культура, в истории которой большое значение приобрел южный миграционный фактор, не смогла оказать столь существенного воздействия на культуру таяжского населения.

Мощный потенциал андроновидных образований, во многом обусловленный селекцией оптимальных и передовых достижений взаимодействующих сторон, вобравших органично хозяйственные, культурные, социальные и духовные достижения местных и андроновских культур, обеспечивал исключительные адаптационные возможности и толерантность носителей андроновидных культур, система жизнеобеспечения которых во многом зависела от контактности и открытости. Это подтверждается их весомым участием в судьбе населения южнотаяжской зоны, а также не исключает определенных механизмов внедрения в культуру степного населения, о чем свидетельствует пример черкасульской культуры. Не исключено, что, как и в случае с черкасульской культурой, носители которой оказались способными на далекие миграционные маршруты, в том числе в Приуралье, на территорию Казахстана и Алтая, такие же процессы происходили и в среде андроновидной еловской культуры.

Литература

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек. Новосибирск: Наука, 1985. С. 103-130.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. – Ташкент: Фан, 1991. – 200 с.

Антипина Е.А., Моралес А. «Ковбои» восточноевропейской лесостепи в позднем бронзовом веке // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Институт археологии РАН, 2005. – Вып. 4. М. – С. 29-49.

Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М.: Наука, 1989. – 247 с.

Археологическое наследие Тюменской области: памятники лесостепи и подтаежной полосы / Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Панфилов А.Н., Буслова М.А., Зах В.А., Могильников В.А. – Новосибирск: Наука, Сибирская издательская фирма РАН, 1995. – 240 с.

Бельтикова Г.В. Среда формирования и памятники Зауральского (иткульского) очага металлургии // Археология Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005. С. 162-186.

Березанская С.С. Памятники предскифского времени на Уманщине и их историческое значение. Автореф. ... канд. истор. наук. Киев, 1953.

Березанская С.С. Пустынка – поселение эпохи бронзы на Днепре. Киев: Наукова Думка, 1974. – 175 с.

Берсенева Н.А. Погребальная обрядность населения Среднего Прииртышья в эпоху раннего железа: социальные аспекты (по материалам саргатской культуры). Автореф. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2005. 25 с.

Бобров В.В. Два историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 11-17.

Богданов С.В. Комиссаровский некрополь // Каргалы, том IV: некрополи на Каргалах; население Каргалов; палеоантропологические исследования / Языки славянской культуры, 2005. – С. 70-99.

Бочкарев В.С. Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (По материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). – Самара: Изд-во СамГПУ, 1995. – С. 114 – 123.

Варанкин Н.В. Отчет об археологических раскопках курганного могильника Нечунаево I в зоне строительства Каргапольской оросительной системы. Нижний Тагил, 1982. АКА УрГУ. Ф. II, д. 182.

Волков Е.Н. Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. – 224 с.

Волков Е.Н., Ведерников П.А. Материалы к археологической карте Ингальской долины // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2001. – Вып. 3. – С. 130-137.

Гаджиев И.М. Эволюция почв южной тайги Западной Сибири: Автореф. докт. биол. Наук. – Новосибирск, 1981. – 56 с.

Генинг В.Ф. Заметки к построению теории археологической культуры // Археология и методы исторических реконструкций. Киев: Наукова Думка, 1985. – С. 50-74.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1970. – С. 12-51.

Генинг В.Ф., Мошкова М.Г. Отчет о раскопках курганов у с. Абатское Тюменской обл. АКА УрГУ. Ф. II, д. 34.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Могильники андроновидной культурной общности Ишимской лесостепи // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск: Омский ун-т, 1991. – С. 52-60.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – С. 67-111.

Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья / Препринт. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 1994. – 66 с.

Гершкович Я.П. Феномен зольников белогрудовского типа // РА. – 2004. – № 4. – С. 104-113.

Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф. Жилища Юкаликулевского поселения // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1983. С. 41-58

Григорьев С.А., Тидеман Е. В., Петрова Л. Ю. Стратиграфическая ситуация на поселении эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Известия Челябинского научного центра. – 2007. – Вып. 2 (36). – С. 86-90.

Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. – М.: Старый Сад, 2004. – С. 254-281.

Евдокимов В.В., Корочкова О.Н. Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень: Тюменский государственный университет, 1991. – С. 50-63.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Томского университета, 1980. – С. 41-52.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2003. – 170 с.

Епимахов А.В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. – 2005. – № 4. – С. 92-102.

Зах В.А. Новые исследования у с. Ордынское // Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск, 1983. С. 57-69.

Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. – 212 с.

Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // ВИАЭ. – 2005. – № 6. – С. 24-41.

Захарук Ю.Н. Археологическая культура – категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976. С. 3-10.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху: Автореф. ... докт. дис. – М., 1952.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Уральский ун-т, 1988. – 184 с.

Зданович Г.Б., Шрейбер В.К. Переходные эпохи в археологии // Проблемы археологии урало-казахстанских степей. Челябинск: Изд-е Башкирского ун-та, 1988. – С. 3-19.

Зданович Д.Г. Жертвоприношения животных в погребальном обряде населения степного Зауралья эпохи средней бронзы. Автореф. ... канд. истор. наук. – Екатеринбург, 2005. – 23 с.

Зданович С.Я. Происхождение саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1983. – С. 69 – 80.

Зубова А.В. Одонтологическая характеристика населения Западной Сибири в эпоху развитой и поздней бронзы // Северная археология в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: оттиск, 2007. – Т.1. – С. 254-263.

Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Приобья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: Башк. ун-т, 1983. С. 35-47.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2002. – 170 с.

Иванов В.И. Изменение природных условий степной зоны в голоцене // Изв. АН СССР, сер. Геогр.

Иванов С.В. Древний андронидный комплекс в современном орнаменте народов Сибири (к постановке вопроса). М., 1964. 8 с.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Издательство Самарского научного центра Российской Академии наук; 2000. – 336 с.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискаена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. М.: Восточная литература, 2001. – 295 с.

Каздым А.А. Морфология, петрография и минералогия зольников Павлинова городища // Международное (XIV уральское) археологическое совещание: Мат-лы междунар. научн. конф. – Пермь, 2002. С. 247-248.

Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. – 1970. – № 2. – С. 18-36.

Киришин Ю.Ф. Лесостепной Алтай в эпоху поздней бронзы и раннежелезном веке // Скифская эпоха Алтая: Тезисы докладов к конференции. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1986. – С. 75-79.

Киришин Ю.Ф. Новые могильники ранней бронзы на Верхней Оби // Археологические исследования на Алтае. Барнаул: Изд. Алтайского ун-та, 1987. – С. 100-125.

Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Удодов В.С. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. Барнаул: Алтайский госуниверситет. С. 104-128.

Киришин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Шамшин А.Б., Папин Д.В., Федорук А.С. Предварительные итоги исследования поселения Калиновка 2 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. 2004) Новосибирск, 2004. – Т. X, часть 1. – С. 269-273.

Киришин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. – 333 с.

Киришин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд. Алтайск. ун-та, 1987. – С. 137-157.

Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры – РА. – 1970. – № 2. – С. 37-51.

Кокшаров С.Ф. Север Западной Сибири в эпоху раннего металла // Археологическое наследие Югры. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: «Чароид», 2006. – С. 41-67.

Коренько В.А. О социологической интерпретации памятников бронзового века (погребения дандыбай-бегазинского типа) // СА. – 1990. – № 2. – С. 28-40.

Корочкова О.Н. Отчет о полевых исследованиях в Талицком р-не Свердловской обл. (раскопки поселения Мохиревское III; разведка) и Упоровском р-не Тюменской обл. (обследование поселений Ново-Шадрино VII и Пospelово I). Свердловск, 1980. АКА УрГУ. Ф. II, д. 360.

Корочкова О.Н. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII в Упоровском р-не Тюменской обл. Свердловск, 1984. АКА УрГУ. Ф. II, д.

Корочкова О.Н. Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы. Автореф. ... канд. ист. наук. – Л., 1987. – 26 с.

Корочкова О.Н. Отчет о раскопках поселения Ново-Шадрино VII Упоровском районе Тюменской области в 1989 г. АКА УрГУ. 1990. Ф. II, д. 469.

Корочкова О.Н. Андронидные культуры Западной Сибири // // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания, 19-22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 143-151.

Корочкова О.Н. Новое в изучении зольников и погребальных комплексов эпохи поздней бронзы Западной Сибири // 120 лет археологии Восточного склона Урала. Первые чтения памяти В. Ф. Генинга. Часть 2. Новейшие открытия уральских археологов. Материалы конференции. Екатеринбург, 1999. С. 57-63.

Корочкова О.Н. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья: к постановке проблемы // Проблемы археологии Евразии: К 80-летию Н.Я. Мерперта. М.: Институт археологии РАН, 2002. – С. 189-197.

Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 202-211.

Корочкова О.Н. Отчет о полевых исследованиях 2004 г. в окрестностях с. Сухринское в Шадринском районе Курганской области. Екатеринбург, 2005. АКА УрГУ. Ф. II., д. 675.

Корочкова О.Н. О западносибирских зольниках эпохи поздней бронзы // РА. – 2009а. – № 1. – С. 25-35.

Корочкова О.Н. Культурные интеграции позднего бронзового века: факторы, темпы, модели // Уральский исторический вестник. – 2009б. – № 2(23). – С. 40-49.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009в. – № 3. – С. 75-84.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья // ВАУ. – Вып. 20. – Екатеринбург: УрГУ, 1991. – С. 70-92.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И. Городище Инберень IV на Иртыше // СА. – 1981. – № 2. – С. 178-196.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Проблемы методики исследования древних памятников и культурно-хронологическая стратиграфия поселения Ук III / Препринт. – Свердловск: Изд-во ИИА УрО РАН, 1991. – 72 с.

Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири (К 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). – Екатеринбург, 2005. – С. 147-161.

Косарев М.Ф. Древние культуры Нарымского Приобья. – М.: Наука, 1974. – 220 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья: Автореф. ... канд. истор. наук. М., 1964.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 287с.

Косарев М.Ф. Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. – Уфа: Изд. Башкирского ун-та, 1983 – С. 3-7.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984. – 245 с.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха). Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. (Сер. «Археология СССР»). М.: Наука, 1987. С.276-304.

Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири / Российский этнограф. – М., 1993. – 4. – 283 с.

Косарев М.Ф. Миграция как модель исторического процесса по сибирским археолого-этнографическим материалам // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 123-136.

Косарев М.Ф., Галкин В.Т. Поселение Юргаркуль III Нижнем Приобье // КСИА. – 1993. – Вып. 209. – С. 50-58.

Косинская Л.Л. Поселение Ир II // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1984. – С. 45-55.

Косинцев П.А. Жертвенные животные из могильника Урефты I / Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I. Зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург, 2006. С. 150-156.

Косинцев П.А. Становление производящего хозяйства в Южном Зауралье // Труды международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва. Салтыковка, 20-22 сентября 1994 г. / М.: Наука, 2003. – С. 495-498.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Зауралья: итоги и перспективы изучения // Современные проблемы археологии России. Мат-лы Всероссийского археологического съезда. Том I. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2006. – С. 405-407.

Костюков В.П., Епимахов А.В., Нелин Д.В. К вопросу о памятниках Южного Зауралья эпохи финальной бронзы // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Изд-во «Рифей», 1996. – С. 151-163.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Тр. ГИМ. – 1948. – Вып. XVII. – С. 56-172.

- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии. М.: Восточная литература, 1994. – 463 с.
- Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. – 1977. – № 2. – С. 20-34.
- Кузьминых С.В. Квазиэнеолитические культуры Северной Евразии: проблема периодизации // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Тезисы докладов XII Уральского археологического совещания, 19-22 апреля 1993 г. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 1993. С. 116-119.
- Лебедева Е.Ю. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы Восточной Европы. Lebedeva E. Yu. Archaeobotany and Study of the Bronze Age Agriculture in Eastern Europe // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М., ИА РАН, 2005. – Вып. 4. – С. 50-68.
- Ляпушкин И.И. Поселение скифского времени близ деревни Пожарная Балка Полтавской области // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVII..
- Луныков В.Ю. Керамические изделия // Каргалы, том III. Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования / М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 22-75.
- Лукина Н.В. О древних чертах орнамента восточных хантов // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск: Томский ун-т, 1993. – С. 154-156
- Марковин В.И. Древний зольник у с. Курчалой (Северо-восточный Кавказ) // Археологические статьи и материала. Сборник участников Великой отечественной войны. – Тула.: Гриф и К, 2002. – С. 77-132.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.
- Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 182 с.
- Матвеев А.В. Основные этапы развития андроновской семьи археологических культур на юго-западе Сибири // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Мат-лы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Часть V, книга I. Челябинск: Челябинский госун-т, 1995. – С. 109-113.
- Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II – начале I тыс. до н.э. / Автореф. дисс. ... доктора истор. наук. Новосибирск, 2000. – 50 с.
- Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // AB ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. – Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. С. 4-41.
- Матвеев А.В., Зах В.А., Волков Е.Н. Исследование энеолитического могильника Бузан 3 в Ингальской долине // ВААЭ. – 1997. – Вып. 1. – С. 156-158.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П. Тютринский могильник // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. – Тюмень: Тюменский ун-т, 1991. – С. 104-139.
- Матвеев А.В., Чикунова И.Ю. Поселение Ботники I в на Нижней Исети // ВААЭ. – 1999. – Вып. 2. – С. 44-50.
- Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Тюменский ун-т, 1985. С. 29-54.
- Матвеева Н.П. Сузгунские погребения у могильников близ пос. Абатский // Вестник Тюменского университета. Серия гуманитарные исследования. – Тюмень, 1998. – С. 154-158.
- Матвеева Н.П., Волков Е.Н., Рябогина Н.Е. Древности Ингальской долины. Новосибирск: Наука, 2003. – 176 с.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М. Об особенностях погребальных традиций населения пахомовской культуры Западной Сибири // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том I. Москва: ИА РАН, 2008. С. 423-425.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М. К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник Тюменского университета. – 2009. – № 1. – С. 15-25.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья, ч. 4. Еловско-ирменская культура / ИИС. – Томск: Томский ун-т, 1974. – вып. 12. – 194 с.
- Матющенко В.И. Эпоха бронзы. Лесная и лесостепная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Том 2. Мир реальный и мир потусторонний. Томск, 1994. С. 73-112.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – 68 с.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Мерперт Н.Я., Смирнов А.П. Археология и некоторые вопросы почвоведения (в связи с работами Куйбышевской экспедиции) // СА. – 1960. – № 4. – С. 3-13.

Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тыс. до н.э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988 – С. 7-36.

Мильков Ф.Н. Природные зоны ССР (издание второе, дополненное, переработанное) – М.: Мысль, 1977. – 293 с.

Мильков Ф.Н. Физическая география: учение о ландшафте и географическая зональность. – Воронеж: Изд-во Воронежского госуниверситета, 1986. – 328 с.

Михайлов Н.И. Природа Сибири. Географ. Проблемы – М.: Мысль, 1976. – 158 с.

Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железа Калачевка-II // КСИА. – Вып. 114. – М., 1968. – С. 94-98.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.М. Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Мат-лы всерос. Науч. Конф. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 9-13

Молодин В.М., Зах В.И. Геоморфологическое расположение памятников эпохи неолита и бронзы в бассейнах рек Оби, Оми и их притоков // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – С. 51-52.

Молодин В.И., Гришин А.Е. К реконструкции погребальной практики кротовской культуры (погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка на могильнике Сопка-2/4; 2/5) // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. С. 7-15.

Молодин В.И., Ламина Е.В. Керамика могильника Сопка-2 // Керамика как исторический источник. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 103-117.

Молодин В.И., Нескоров А.В. О связях населения западносибирской лесостепи и Казахстана в эпоху поздней бронзы // Маргулановские чтения. 1990 (сборник материалов конференции). Часть I. – М., 1992. – С. 93-97.

Моргунова Н.Л. Могильник Уранбаш-южный // Каргалы, том IV: некрополи на Каргалах; население Каргалов; палеоантропологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 100-124.

Моргунова Н.Л., Халяпин М. В. Погребения эпохи бронзы у с. Покровка // Археологические памятники Оренбуржья. – Выпуск 4. – Оренбург: ООО «Оренбургская губерния», 2000. – С. 153-168.

Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1957 – № 58. – С. 114-135.

Мошкова М.Г., Генинг В.Ф. Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М.: Наука, 1972. – С. 87-118.

Никонов С.П., Тарасенко Г.Н., Черезов. 1968. География Тюменской области. Издание 2-е. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1968. – 134 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы / Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 113 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф., Варов А.И., Косинцев П.А. Хозяйство населения черкаскульской и межовской культур Урала эпохи поздней бронзы / Препринт. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. – 113 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1995. – 196 с.

Папин Д.В. Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево-VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 181-183.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). – Новосибирск: Наука, 1993. – 211 с.

Погодин Л.Л., Полеводов А.В., Плешков Е.А. Курганный могильник Батаково XXI – новейший погребальный памятник сузгунской культуры // Четвертые исторические чтения памяти М.П.Грязнова: Мат-лы науч. конф. – Омск: Омский гос. ун-т, 1997. – С. 121-126.

Полеводов А.В. О типологическом и хронологическом соотношении сузгунских и пахомовских древностей // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культуры. Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. С. 111-113.

Полеводов А.В. Поселение эпохи бронзы в лесостепном Прииртышье // Новое в археологии Среднего Прииртышья. – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. – С. 86-100.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – 22 с.

Полеводов А.В., Труфанов А.Я. О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток. Археология и этническая история: Материалы IV междунар. науч. конф. – Омск: Омский филиал Объединенного ин-та истории, филологии и философии, 1997. – С. 19-23.

Полосьмак Н. В. Работы Западносибирского отряда // Археологические открытия 1985 года. – М.: Наука, 1987. – С. 276-277.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 104 с.

Потемкина Т.М. О соотношении алексеевских и замараевских комплексов в лесостепном Зауралье // СА. – 1979. – № 2. – С. 19-30. С. 19-30.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобья. – М.: Наука, 1985. – 376 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы) – М.: ПАИМС, 1995. – 205 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О культовых памятниках лесного Тоболо-Иртышья конца эпохи бронзы // Полевой симпозиум «Святыни и жертвенные места финно-угорского населения Евразии». Пермь: Соликамский государственный педагогический институт, 1996. – С. 70-73.

Ражев Д.И. Население лесостепи Западной Сибири раннего железного века: реконструкция антропологических особенностей // Автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002. – 22 с.

Ражев Д.И. Биоантропология населения саргатской общности. Екатеринбург: УрО РАН, 2009. – 492 с.

Ражев Д.И., Ковригин А.В. Курганные могильники саргатской культуры и социально-демографическая структура древнего общества // Экология древних и современных обществ: Тез. докл. конф. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. – С. 171-175.

Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святыни древних славян. М.: Научно-исследовательский центр «Архэ», 1993. – 217 с.

Русяева А.С. Древнегреческие сакральные зольники в Нижнем Побужье // РА. – 2006. – № 4. – С. 95-102.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. – 607 с.

Рындина О.М. Орнамент / Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1995. С. 376-382.

Сава Е.Н. Евразийский компонент эпохи поздней бронзы в Карпато-Подунавье // II Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург – Ханты-Мансийск, 2006. С. 94-95.

Сальников К.В. Кипельское селище // СА. – 1959. – № XXVII. – С. 193-208.

Сальников К.В. Раскопки у села Ново-Бурино (1948) // СА. – 1959. – № XXIX-XXX. – С. 172-185.

Сальников К.В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // ВАН. – 1964. – Вып. 6. – С. 5 – 23.

Сарианиди В.И. Библейский миф об агнце и погребальные обряды Маргианы и Бактрии // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (материалы 3-й Международной научной конференции «Россия и Восток: проблемы взаимодействия». Часть V, книга 1. Челябинск. 1995. С. 159-165.

Сарианиди В.И. Первые индоиранцы в Центральной Азии // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до н.э. Региональные особенности в свете универсальных моделей. Мат-лы к международной конференции. Челябинск-Аркаим, 1999. С. 273-279.

Сарианиди В.И. Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ТОО «Старый Сад», 2001. – С. 257-318.

Сергеев А.С. Отчет об археологических исследованиях в Тюменской и Свердловской областях за 1989 г. АКА УрГУ, 1989. Ф. II, д. 475а.

Серигов Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – №. 2(38). – С. 67-78.

Смирнов Н.Г. Ландшафтная интерпретация новых данных по фауне андроновских памятников Зауралья // ВАН – Вып. 13. – Свердловск: УрГУ, 1975. – С. 32-41.

Сотникова С. В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск: ОмГУ, 1986. С. 43-55.

Старков В.Ф. Кокшарово I – многослойный памятник неолита и бронзы в Среднем Зауралье // СА. – 1970. – №. 1. – С. 97 – 108.

Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 1996. – С. 43-63.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Поселения заключительного этапа бронзового века на р. Тобол // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – С. 79 – 90.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. – Екатеринбург: Полиграфист, 2000. – 108 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // РА. – 2004. – № 4. – С. 52-66.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I. Зауральский памятник в андроновском контексте. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2006. – 159 с.

Стефанова Н.К., Стефанов В.И. О поселении Черноозерье VI, исследованных на его площади захоронениях и некоторых проблемах среднеиртышской археологии периода доандроновской бронзы // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь. – Курган: Изд-во Курганского ун-та, 2007. С. 84-94.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.А. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Омский гос. ун-т, 1997. – С. 162-191.

Ткачев А.А. Поселение поздней бронзы Оськино Болото (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПСО СО РАН. Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 24-28.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2002. – Ч. 2. – 243 с.

Ткачев А.А., Ткачева Н.А. Культурные комплексы поселения Оськино Болото (по материалам раскопок 2005 г.). // ВИАЭ. – 2006. – Вып. 7. – С. 241-248.

Ткачева Н.А. Исследование поселения Роза Ветров 1 на оз. Сингуль // ВИАЭ. – 2004. – Вып. 5. – С. 214-218.

Удра И.Ф. Лесостепная подзона Евразии и ее границы // Изв. АН СССР. Сер. геогр. – 1981. – № 5. – С. 15-27.

Хабдулина М.К., Зданович Г.Б. Ландшафтно-климатические колебания голоцена и вопросы культурно-исторической ситуации в Северном Казахстане // Бронзовый век Урало-Ишимского междуречья. – Челябинск: Изд-ие Башкирского ун-та, 1984. – С. 136-158.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. – Л.: Наука, 1976. – 65 с.

Хотинский Н.А., Немкова В.К., Сурова Т.Г. Главные этапы развития растительности и климата Урала в голоцене // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск, 1982. – С. 145-153.

Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 312 с.

Чемакин Ю.П. Поселение эпохи бронзы Мирный IV // Из истории Сибири. – Томск, 1974. – Вып. 15. – С. 50-55.

Чемакин Ю.П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН, 1998. – С. 277.

- Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). – Екатеринбург: «Тезис», 1999 – С. 11-66.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 7 – 71.
- Черных Е.Н. Древняя металлургия Урала и Поволжья. – М.: Наука, 1970. – 176 с.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла // СА. – 1978. – № 4. – С. 53-82.
- Черных Е.Н. Проявления рационального и иррационального в археологической культуре // СА. – 1982. – № 4. – С. 8-20.
- Черных Е.Н. Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: этнокультурные связи. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988 – С. 37-57.
- Черных Е.Н. Эпоха раннего металла: темп и ритм кардинальных инноваций // Труды ГИМ. Вып. 113. Современные концепции первобытной истории. Проблемы интерпретации памятников археологии в экспозициях исторических, краеведческих и археологических музеев. М., 2000. С.
- Черных Е.Н. Пути и модели развития археометаллургии (Старый и Новый Свет) // РА. – 2005. – № 4. – С. 49-60.
- Черных Е.Н. Каргалы, том V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – 200 с.
- Черных Е.Н. Формирование Евразийского степного пояса скотоводческих культур: взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. № 3 (35). С. 36-53.
- Черных Е.Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 624 с.
- Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981а. – С. 4-42.
- Членова Н.Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М., 1981б. – С. 22-32.
- Шер Я.А. Еще об археологических источниках и «заключенной» в них информации // Археолог: детектив и мыслитель. – СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. – С.114-123.
- Шнитников А.В. Изменчивость общей увлажненности материалов северного полушария. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. – 337 с.
- Шорин А.Ф. Среднее Зауралье в эпоху развитой и поздней бронзы / Автореф. дис. ... канд. истор. наук. – Новосибирск, 1988. – 25 с.
- Шорин А.Ф. Миграции черкаскульцев: некоторые их причины и последствия // Материалы по археологии Южного Урала. – Уфа: изд-во Башкирского гос. ун-та, 1992. – С. 73-78.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999.- 181 с.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. – 181 с.
- Шрамко Б.А. Древности Северного Донца. Харьков: Изд-во ХГУ, 1962.. – 404 с.
- Safran W. Describing and Analyzing of Diaspora: An Attempt at Conceptual Cleansing, Paper presented at the conference «Diasporas: Transnational Traditions and the Politics of the Homeland». University of California at Berkeley. November 12– 13, 1999.

Список сокращений

АКА	– Архив кабинета археологии
АН	– Академия Наук
АО	– Археологические открытия
БФ	– Башкирский филиал
ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ИИС	– Из истории Сибири
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии
ПНИАЛ	– Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
ТГУ	– Томский государственный университет
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
УрГУ	– Уральский государственный университет
ХГУ	– Харьковский государственный университет

Содержание

Введение	3
Географическая характеристика.....	7
Памятники	9
Памятники бассейна р.Тобол	9
Памятники бассейна р. Ишим	25
Памятники бассейна р. Иртыш.....	39
Пахомовская культура	56
Заключение	88
Литература	95
Список сокращений	104